

Ежегодник финно-угорских исследований

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в ядро РИНЦ.

ISSN 2224-9443 (Print), ISSN 2311-0333 (Online).

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь)

Главный редактор: *А. Е. Загребин*, доктор исторических наук, профессор РАН.

Зам. главного редактора: *Н. В. Кондратьева*, доктор филологических наук, профессор,
Ю. А. Перевозчиков, кандидат исторических наук, доцент

Ответственные редакторы: *А. Ж. Фаттахова, С. Том.*

Журнал публикует оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии по филологическим и историческим наукам финно-угорских народов РФ и зарубежных стран, а также исследовательские работы, базирующиеся на широком сравнительном материале. Журнал становится площадкой для новых ярких работ, построенных на сравнительном анализе максимально широких по географическому охвату материалов.

Индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 66028.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Издатель: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Адрес редакции: 426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2.

Тел.: + 7-3412-500295, +7-3412-663466. **E-mail:** editorial@udsu.ru; a19f19@mail.ru; efui_izhevsk@mail.ru

Сайт журнала: <http://journals.udsu.ru/finno-ugric>

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2023

Yearbook of Finno-Ugric Studies

The journal is included in the List of the Russian reviewed scientific journals where the main scientific results of doctor and candidate of sciences degree dissertations should be published.

ISSN 2224-9443 (Print), ISSN 2311-0333 (Online)

Frequency: 4 issues per year (March, June, September, December).

Abstracted / Indexed in: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index),

Russian Science Citation Index on Web of Science (RSCI),

Elibrary.ru: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28476

Cyberleninka.ru: <https://cyberleninka.ru/journal/n/ezhegodnik-finno-ugorskih-issledovaniy>

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin*, Doctor of Sciences (History), Professor of the RAS

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva*, Doctor of Sciences (Philology), Professor; *Yuri A. Perevozchikov*, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Executive Editors: *Aida Zh. Fattakhova, Szilard Toth*

The journal publishes original works, overview articles, reviews on philological and historical disciplines referring to the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation and other countries. The journal also publishes research works based on the variety of comparative materials. The journal is becoming a platform for new interesting works based on comparative analysis with the widest possible geographic coverage of materials.

Address for correspondence: Udmurt State University, 1, Universitetskaya str., bld. 2, Izhevsk, 426034, Russia.

Phone: + 7-3412-500295, +7-3412-663466.

E-mail: a19f19@mail.ru; editorial@udsu.ru; efui_izhevsk@mail.ru

Website: <http://journals.udsu.ru/finno-ugric>

© Udmurt State University, 2023

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований
“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

2023. Том 17. Выпуск 3

Технический редактор, компьютерная вёрстка *А. Ж. Фаттахова, С. Г. Морозов*
Редактор английского текста *Ю. В. Колесниченко*
Корректор *В. Г. Семёнов*

Подписано в печать 22.09.2023. Вышел в свет 04.10.2023.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 16,99 Тираж 100 экз. Заказ № ... Цена свободная.

Издатель: Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова д. 4Б, каб. 021
Тел./факс: + 7 (3412) 916-364. E-mail: editorial@udsu.ru

Типография: типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, каб. 101

Научный журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» / “Yearbook of Finno-UgricStudies” основан в 2007 году, зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство СМИ: ПИ № ФС 77-77076 от 08.11.2019

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 17
Выпуск 3

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 17
Issue 3

Ижевск
2023

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: *Загребин Алексей Егорович* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора: *Кондратьева Наталья Владимировна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Перевозчиков Юрий Александрович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми ФИЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Черных Александр Васильевич (Институт гуманитарных исследований

Пермского ФИЦ УрО РАН, Пермь, Россия)

Ответственные редакторы: *Фаттахова Аида Жавдатовна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Yuri A. Perevozchikov (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zhrebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre,
Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research
Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt
Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt
Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt
Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University
of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Alexander V. Chernykh (Institute for Humanitarian Research, Perm Federal Research
Center UB RAS, Perm, Russia)

Executive Editors: *Aida Zh. Fattakhova* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Каксин А. Д.</i> Старые корни и новые лексические единицы: образный перенос как словообразовательная стратегия.....	314
<i>Козловцева Н. А.</i> Удмуртские сериальные конструкции в типологическом освещении.....	323
<i>Куцаева М. В.</i> «Вера и язык – это наш генный код»: сакральная функция марийского в условиях внутренней диаспоры.....	331
<i>Родионова А. П., Крижановская Н. Б., Пеллинен Н. А.</i> Речевой корпус ВепКар как инструмент сохранения диалектной речи прибалтийско-финских народов Карелии	343

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Миронова В. П.</i> Особенности карельской терминологии супружества и свойства (на примере фольклорных источников).....	352

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Арзамазов А. А.</i> Поэт эрзянско-русского пограничья: художественный мир Александра Шаронова	363
<i>Шэнкар П.</i> «Проклятая свобода» – совместная жизнь национальностей в прозе Йозефа Ньире и Михая Бернула (на англ.яз.)	372

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Вишнякова Д. В., Сурнина Л. Е.</i> Исторические аспекты семейно-брачных отношений у коми и их отражение в национальной литературе XIX в.	384
<i>Пасс А. А.</i> Испытание войной: промысловая кооперация Удмуртии в 1941-1945 гг.	396
<i>Садиков Р. Р., Иликаев А. С.</i> К проблеме дефиниции религиозных систем финно-угорских народов Поволжья.....	408

ИННОВАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Бакула В. Б., Коренева А. В., Саватеева О. В.</i> Организация работы магистратуры по профилю «Технологии преподавания саамского языка» (направление «Филология»).....	419

РЕЦЕНЗИИ

<i>Назарова Е. Л.</i> Книга об истории эстонской диаспоры на Украине: рецензия на книгу С. А. Тамби «Эстонцы на украинской земле».....	429
<i>Салмин А. К.</i> «Книга – это моя идентичность».....	433
<i>Титова О. В.</i> Новая страница истории развития стилистики коми языка. Рец. на диссертацию: Баженова О. Н. Стилистические ресурсы лексики в коми художественных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2022. 181 с.....	439

ЮБИЛЕИ

<i>Абросимова Н. М.</i> Вальдек Паль – исследователь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков (к 95-летию со дня рождения)	443
<i>Кириллова Л. Е.</i> Неутомимый исследователь удмуртских диалектов	446
<i>Тулуз Ева.</i> Низкий поклон Татьяне Григорьевне Владыкиной	454

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Kaksin A. D.</i> Old roots and new lexical units: figurative comprehension as a word-forming strategy	314
<i>Kozlovitseva N. A.</i> Udmurt serial constructions in typological coverage	323
<i>Kutsaeva M. V.</i> "Faith and language are our genetic code": a sacred function of Mari in the conditions of internal diaspora.....	331
<i>Rodionova A. P., Krizhanovskaya N. B., Pellinen N. A.</i> VepKar speech corpus as a tool to preserve the dialect speech of the Baltic-Finnish people of Karelia	343

FOLKLORISTICS

<i>Mironova V. P.</i> Features of Karelian terminology for relationships through marriage (as represented in folklore sources)	352

STUDY OF LITERATURE

<i>Arzamazov A. A.</i> Poet of the erzya-russian borderland: the artistic world of Alexander Sharonov.....	363
<i>Šenkár P.</i> "Cursed freedom" – coexistence of nation(alitie)s in the prose of József Nyírő and Mihály Bernula (in Eng.)	372

HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY

<i>Vishnyakova D. V., Surnina L. E.</i> Historical aspects of family and marriage relations in Komi and their reflection in the national literature of the XIX century.....	384
<i>Pass A. A.</i> Test by war: producers' co-operation of Udmurtia in 1941-1945	396
<i>Sadikov R. R., Ilikaev A. S.</i> On issue of defining religious systems of Finno-Ugric peoples of Volga region.....	408

INNOVATION, TECHNOLOGIES

<i>Bakula V. B., Koreneva A. V., Savateeva O. V.</i> Organization of the work of the master's degree in the profile «Technologies of teaching the Sami language» (direction "Philology").....	419

REVIEWS

<i>Nazarova E. L.</i> A book on the history of the Estonian diaspora in Ukraine: review of S. A. Tambi's book "Estonians on Ukrainian land"	429
<i>Salmin A. K.</i> "The book is my identity"	433
<i>Titova O. V.</i> A new page in the history of development of the Komi language stylistics.....	439

ANNIVERSARIES

<i>Abrosimova N. M.</i> Valdek Pall – researcher of the Mordovian (Erzya and Moksha) languages (on the 95 th anniversary of his birth).....	443
<i>Kirilova L. J.</i> Indefatigable researcher of Udmurt dialects.....	446
<i>Toulouze Eva.</i> Low bow to Tatiana Grigoryevna Vladykina.....	454

А. Д. Каксин

СТАРЫЕ КОРНИ И НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ: ОБРАЗНЫЙ ПЕРЕНОС КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ¹

В статье рассматривается одно из важнейших языковых семантических явлений – создание новых лексем, исходя из существующих единиц, каким-либо формальным способом (суффиксацией, словосложением), подкрепленным семантической трансформацией. Цель: выявить случаи проявления в хантыйском языке скрытой (этимологической) и актуализированной образности среди единиц базового словарного состава. В результате исследования сформулировано понятие образности применительно к словарному составу (или лексикону) языка, проведено разграничение между глубинной (или скрытой) и явной, лежащей на поверхности, образностью. Снятая (или скрытая) образность постулируется во многих случаях, когда обнаруживается так называемый «несуффиксальный» способ словообразования. Его можно назвать таковым, если исходить из реалий современного языка: этимологический анализ позволяет выявить тот компонент, который участвовал в создании слова на древних стадиях развития данного языка. Явная образность фиксируется среди тех случаев, когда новая лексическая единица образуется с помощью живых суффиксов или словосложением. При этом иногда происходит семантическое осложнение: появление новой словарной единицы обусловлено не столько аффиксацией (или суммой слагаемых корней), сколько образным переосмыслением значения мотивирующего корня (или слагаемых компонентов). Во всех этих случаях внесение элемента образности рассматривается как нарушающий общепринятую логику, нетривиальный способ словообразования. Рассмотрение возможности выделения отдельного разряда образных слов является новацией в хантыйском языкознании. Эмпирическую базу исследования составили записи разговорной речи ханты (сделанные в период 1985–2001 годов) и словари хантыйского языка.

Ключевые слова: лексикон языка, образность, этническая культура, когнитивная функция языка, общее языкознание, лингвистическая типология, хантыйский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-314-322

Пристальное внимание к вопросам происхождения и функционирования языковых единиц означает, что в лингвистике не угас интерес к натурфилософской проблематике естественного языка (или философским проблемам языкознания). При этом не обязательно, чтобы автор причислял себя к какому-либо лингвофилософскому направлению (например, неогумбольдтианству). Достаточно того, чтобы он отдавал отчет в том, что «разные стороны отдельных вещей включают одни и те же отдельные вещи в разные классы» [Чесноков 1977, 40]. Важными отправными точками для нас являются также меткие замечания выдающегося лингвиста, профессора М. И. Черемисиной о разных типах образности в европейских и индейских языках, а также в языках аборигенных сибирских народов [Черемисина 1992, 76–77].

Исходя из таких посылов, анализ мотивационных связей внутри круга базовых лексических единиц выявляет две главные словообразовательные стратегии. Они возникли, по всей видимости, еще на первых стадиях развития языка. В первом случае преемственная цепочка основывается на объективной, физически реальной идее отношений между связываемыми компонентами: *тонкий* (тонкий лед, тонкая кожа) > *тонко* – *тонкость* – *уточнить* – *уточняться* – *уточнение*. По мере развития общества, совершенствования языка, в прямом соответствии с требованием увеличения количества лексических единиц, вырабатывается и параллельный способ. В этом случае связь между складываемыми компонентами зачастую устанавливается на образной основе, на переносе (создании слепка с прототипа): *пестух* – *пестушинный* – *пестушинный задор*; *чемодан* – *чемоданный* – *чемоданное настроение* [Тихонов 1988, 61].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Следующий ряд слов – финского языка, и они без труда опознаются как однокоренные слова, восходящие к некоему одному древнему форманту: *valmennus* ‘подготовка’, *valmistaa* ‘готовить, готовить’, *valmiste* ‘изделие’, *valmius* ‘готовность’ [Jelisejev 1999, 186]. Здесь нет никакого переноса, а элемент образности появляется тогда, когда сложным словом с данным корнем характеризуется человек: *valmis mies* ‘конченный человек’. Эти устойчивые сочетания хорошо иллюстрируют и различие между языками: в русском языке «ни на что больше не способный» человек – *конченный* [Толковый словарь... 1992, 300], а в финском – готовый. Вообще, данные словарей разных языков подтверждают многие положения концепции имманентного существования и диалектики развития языка. Положение о наличии путей семантического совершенствования, подсказываемых ментальностью этноса, является одним из них [Черемисина 1992, 73–77].

В теоретико-методологическом плане статья основывается на ряде работ, в которых излагаются результаты исследования концептов, образной лексики, путей семантического обогащения в современных языках. Такие работы ценны тем, что в них содержатся размышления о том, как связаны язык и менталитет, как хранятся наши знания о мире, как они структурированы в сознании и языке [Бродский 2014, 358–360; Жизненное пространство... 2021, 197–205; Кошкарева 2020; Кузнецова 1988; Langacker 1991, 59–68; Wierzbicka 1992, 329–354].

Во множестве появляются в последнее время работы, посвященные концептам и их языковым репрезентантам, средствам выражения скрытых и понятийных категорий в данных языках. Благодаря этому можно комплексно подойти к вопросу о специфике языка, в тех или иных своих фрагментах отражающего сами особенности жизни этих народов [Куклин 2013; Норманская 2020; Петров 2021; Vilja 2021; Söder 2001, 47–60].

В ряде трудов содержатся также наблюдения о символах, образах, лежащих в основе появления словообразовательного (или семантического) ряда, о мотивации, обуславливающей семантику лексической единицы [Арзамасова, Насибуллин 2022; Кондратьева 2021; Монастырев, Ефремов 2019; Потпот 2017; Цыганкин 2014; Цыпанов 2018]. Важно, что приводимый в таких работах конкретный языковой материал значительно способствует раскрытию понятия образности применительно к словарному составу (или лексикону) языка.

С точки зрения скрытой этимологии интерес привлекают, прежде всего, именные слова, в современном языке осознаваемые как непроеизводные. Далее перед началом анализа их целесообразно разделить на две группы, в зависимости от того, обозначают они природные или человеческие субстанции. По всей видимости, уже в праязыках первым начал формироваться корпус слов, обозначающих явления неживой природы. В казымском диалекте хантыйского языка в этот состав входят, к примеру, следующие лексические единицы: *пай* ‘бугор’, *вот* ‘ветер’, *вотас* ‘вьюга, метель’, *реп* ‘гора’, *сайхум* ‘гора’, *пайлэң* ‘гром’, *пэсайң* ‘дым’, *карты* ‘железо’, *сорни* ‘золото’, *еңк* ‘лёд’, *лүң* ‘лето’, *йиңк лот* ‘лужа’, *хятл ёш* ‘луч’, *сорум тәхи* ‘мель’, *щорас* ‘море’, *рүва* ‘обрыв’, *тәрум* ‘погода’, *лоңици пай* ‘сугроб’, *тохтәңвал* ‘голубика’, *сэвупсы* ‘черника’, *сүмәт* ‘береза’, *юх* ‘дерево’, *тунты* ‘берёста’, *аңкәл* ‘пень’ [Кононова 2007, 9–34].

Как видим, достаточно большое число слов в этом ряду являются непроеизводными, и только углубленный этимологический анализ, возможно, даст результаты, поможет сделать определенные выводы относительно логики мысли наших далеких предков. К примеру, возникновение пары *вот* – *вотас*, безусловно, заставляет думать о том, что в каких-то случаях добавление форманта дает повод осмыслять однородные субстанции по степени интенсивности (а также по объему и силе). Можно подумать и о внутренней форме слова *хятл* ‘солнце’ и ‘день’ [Диалектологический словарь... 2011, 136; DEWOS, 571–574].

Помня о первородном синкретизме мышления древних людей, можно предположить, что главным мотивом для вербализации (обозначения) небесного светила послужило представление о характере его движения. В этом смысле целесообразно видеть в связке указанное именное слово и глагол *хят-* ‘ползти, медленно двигаться’. Таким образом, линия обусловленности вполне понятна: *солнце* – это то, что *ползет* (медленно движется).

Конечно, в хантыйском языке, как и в любом другом, есть слова, обозначающие предметы и явления, связанные с миром животных. Есть мнение, что по некоторым признакам – это особая, специфическая лексико-семантическая группа. Даже при первом, поверхностном взгляде заметно, что сложных слов в этой группе достаточно много:

не вўлы ‘важенка’, пэрйц ‘свинья’, шовър ‘заяц’, кўрйц вой ‘лось’, пўн ‘шерсть’, хутйц ‘лебедь’, хоңхра ‘дятел’, савне ‘сорока’, тыхйл ‘гнездо’, панне ‘налим’, лытуп ‘икра’, сом ‘чешуя’, лыпйнта ‘бабочка’, нимсар ими ‘паук’, мўвлер ‘червь’ [Кононова 2007, 9–34].

Если иметь в виду только производные единицы, легко заметить, что многие из них образованы с использованием отсылочной модели (и явной образностью): савнэ ‘сорока’ (голосистая женщина), нимсар ими ‘паук’ (рукодельная жена), мўвлер ‘червь’ (земляной корень).

Пищу для размышлений дают и слова, входящие в состав семантического поля «Человек, его жизнь и деятельность»: карт ‘деревня’, вең ‘зять’, вэнтуп ‘свекровь’, няврэм ‘ребенок’, ариты хоят ‘певец’, верлы питум хоят ‘бездельник’, кэняр ‘бедняк’, шйниш ‘спина’, лэхйс ‘друг’, тухйл ‘невод’, павйрт ‘бревно’, йнтуп кел ‘пояс’, юнтут ‘игрушка’, уцмар ‘хитрость’ и другие [Кононова 2007, 34–89].

Рассмотрение слова няврэм ‘ребенок’ под интересующим нас углом зрения приводит к следующим результатам: суффикс -эм присоединен к тому же корню, от которого образован глагол няври- ‘говорить, злословить’ (и производные от него). По всей видимости, в жизни ханты ребенок, действительно, являлся существом, про которого, сразу при его рождении, много говорят (чаще всего – нейтрально или ласково, по-доброму, но иногда и с негативом). Возможно, в целях оберега в это наименование заранее вкладывалось утверждение, что ребенка уже сглазили, и «говорить больше не о чем».

Глаголы в большинстве своем также образуются от непроизводных корней с помощью суффиксов (небольшая часть которых по огласовке перекликается с теми, которые служат для образования именных слов; но большинство этих суффиксов – глагольные). Многие глаголы образуются от производных именных и глагольных основ (уже имеющих суффиксы, так что появление двух суффиксов в глагольном слове – нередкое явление): хэхйлы ‘бежать’, турастйты ‘беспокоить’, сйратйылты ‘бодаться’, пйлыты ‘бояться’, ихйтыты ‘вешать’, нэмйлмйты ‘вспомнить’, пйркатты ‘вытряхнуть’, шйшиылты ‘гулять’, мутишаницийлыты ‘догадываться’, ювйртйылты ‘завёртывать’, потйылты ‘замерзать’, ёвлйсты ‘колыхаться’, луртты ‘остригать’, пакйнты ‘перепугаться’, малйсты ‘щупать’ [Кононова 2007, 89–166].

Лингвистическое обоснование связи этнической культуры и языка предполагает особый интерес к проблеме разных путей (способов) производства новых слов. В агглютинативных языках, к которым относится хантыйский язык, преобладают два способа – суффиксальный и словосложение. Суть первого из них заключается в том, что присоединяемый к корневой основе суффикс вносит такой необходимый смысл, что образуется новая лексическая единица. Именно этот способ семантического развития демонстрирует раздвоение первоначального синкретизма древнего корня: присоединение некоторого определенного суффикса ведет к зарождению именной парадигмы, снабжение данного корня другим суффиксом дает начало глагольной парадигме. По всей видимости, так пошло развитие и в случае с производными от уральского слова *p8tz с предполагаемыми первоначальными значениями ‘наст’ и ‘мерзнуть, замерзнуть’:

*p8tz > х. rot ‘наст’, rat-, r8t- ‘мерзнуть’, ‘замерзнуть’, мс. rut ‘ледяная корка’, ‘наледь’, в. fаз- ‘зябнуть’, ‘мерзнуть’, ?сам. н. рага- ‘гореть’, рагадэ- ‘сжечь’, ‘зажечь’ [Основы 1974, 403].

Предположительно от этого древнего корня образовано и слово rot8t ‘холодный’, в котором вычленяется словообразовательный суффикс -8t. Семантика данного суффикса может быть выявлена путем сопоставления слова rot8t (потэм, потум) с некоторыми другими словами в хантыйском языке (этимологический анализ выявляет в них этот же суффикс):

нёрум ‘болото’, сйңхум ‘гора’, хўлам ‘ложбина’, тарум ‘лютый’, тэрум ‘небо’ и ‘погода’, хойм ‘пепел’, сойм ‘ручей’, ёхум ‘бор’, нёхцум ‘жабры’, пирум ‘овод’, няврэм ‘ребенок’, утишам ‘глупый’, сем хўлум ‘бровь’, есум ‘грудь’, нялум ‘язык’ и др [Кононова 2007, 9–47].

Как видим, в данном списке в большинстве своем представлены слова, в которых компонент -8t указывает на то, что есть исходный объект, с которым производный объект находится в логической связи. Второй вариант: идет ссылка на определенное качество, т. е. указывается на то, каким является предмет вследствие завершенности процесса (или действия). Таким образом, дальнейший анализ, задаваемый концепцией семантического разветвления древнего корня, предусматривает поиск однокоренных слов, и сопоставление всех членов одного гнезда может прояснить мотивацию, лежащую в основе их образования.

Для современного состояния языка определить эту мотивацию зачастую бывает непросто. К примеру, в слове нялум ‘язык (орган во рту)’ выделяются корень нял и суффикс -ум (соотносительный с суффиксом в слове няврэм ‘ребенок’). Предположительно, однокоренным является глагол нелты / нелти ‘глотать’ [DEWOS, 1042]. Следует добавить, что в современном хантыйском языке данный

глагол имеет и значение ‘жрать’. Как видим, некоторое движение в сторону образности намечается (особенно в сравнении с вышеприведенной парой *пот-* ‘замерзать’, *потэм* ‘холодный’), но полностью модель образного переноса не реализуется.

В современном хантыйском языке большинство вычленяемых суффиксов (и в именах, и глаголах) носят обобщенный, абстрактный, лексико-грамматический характер. Мотивационная связь обычно объективная (прямая, прозрачная), отсылка к некоему иному объекту (какому-либо оригиналу, первоисточнику) не предполагается.

Образность при суффиксации возникает в тех нечастых случаях, когда мотивирующий корень и значение производного слова находятся в логическом противоречии. К примеру, слово *сэвусы* ‘черника’, в котором наличествует суффикс *-усы*, представляется произведенным от корня *сэв*, который наблюдается в глаголе *сэвиты* ‘плести, сплестать’. Присоединение суффикса с абстрактным значением дает в языке две новые лексемы: *сэвусы* 1 ‘плетение, сплетение’ и *сэвусы* 2 ‘черника’ [Кононова 2002, 15]. В случае с ‘черникой’ образность заключается в следующем: ветви этой ягоды, растущей близко к земле, сплетаясь между собой, образуют густую сеть.

Названия других ягод также образованы либо суффиксацией, либо словосложением, но реализованная при этом мотивация представляется вполне прозрачной, прямой, логически обусловленной: *вўрты вонцўмут* ‘брусника’ (красная ягода), *ампвал* ‘водяника’ (ягода собак), *тохтўцвал* ‘голубика’ (ягода гагар), *хумўсвал* ‘клюква’ (ягода на кочках), *щичкивал* ‘княженика’ (ягода воробьев), *вўрмалъ* ‘красная смородина’ (*вўрматты* ‘покраснеть’), *шэмши* ‘черная смородина’ (‘рыхлая’ ягода) [Кононова 2002, 15–16]. В этой микро-группе особняком стоит только название ‘морошки’, *мэрўх*, которое, по всей видимости, возникло еще в период уральского языкового единства [Основы 1974, 403].

При словосложении возможностей связать несоединимые элементы становится больше. Неизмеримо расширяется база для появления образных лексических единиц типа *тўтхот* ‘кошелек’ (дом огня), *тухлаң вой* ‘птица’ (крылатое животное), *кўраң вой* ‘лось’ (животное с ногами), *паннэ* ‘налим’ (женщина песчаного берега), *кўти вени* ‘рысь’ (кошачье лицо).

Обращает внимание, что в большинстве вышеприведенных случаев фигурируют новые и новейшие семантические образования. Примеров явной образности в среде древней, исконной лексики не очень много. По-видимому, это объясняется тем обстоятельством, что ядерный состав слов формировался постепенно, на основе первоначальных корней, с постепенным же увеличением фонда словообразовательных суффиксов. Последние, как правило, имеют строгую логическую основу, их появление связано с необходимостью выражения объективных свойств окружающей действительности, и потому возможностей для внесения образной компоненты здесь мало. Но понемногу такие возможности появляются, в частности, они возникают при соединении двух (и более) корней в единую лексему.

В качестве примера можно привести сложные слова с компонентом *хон* ‘лодка’: *тухлаң хон* ‘самолет’ (лодка с крыльями), *тўтўң хон* ‘пароход’ (лодка с огнями). Слово *хон* легко вступает в контакты со словами отвлеченной, общей семантики, в результате чего появляются поговорки типа *Ўсэвем-ўспухем пўта лаль хона лўллум* ‘За кузину и кузена на войну пойду’ (букв.: За кузину и кузена в лодку войны сяду).

Правила появления образности вступают в полную силу при начале взаимодействия двух крупных блоков лексики, именного и глагольного, для выработки лексических единиц, призванных характеризовать и оценивать человека. К примеру, достаточно отчетливо вычленяется в хантыйском языке основа *тўңар*, но сама по себе, в этом виде она ничего не обозначает, и словом не может быть признана. Если разлагать эту основу на составные части, безусловно, обособляются корень *тўң* и суффикс *-ар*, но в данном случае семантический анализ даёт лишь гипотетический результат: возможно, что постулируемое слово, *тўңар*, существовало в языке и имело значение ‘помятость’: в этой ситуации ближайшими по смыслу словами представляются *тўңары* ‘мятая вещь’, *тўңартты* ‘зажимать, сминать’ и *тўңарлаты* ‘мять, месить’ [Рандымова 2011, 76].

Скрытую образность можно выявить при анализе мотивационных связей и отношений большого ряда именных слов и глаголов в хантыйском языке. К примеру, в группе именной лексики выделяется ряд слов, заканчивающихся на компонент *-х*, *-эх* (*-ах*, *-ўх*), *-хи* (*-ха*), который этимологически представляется словообразовательным суффиксом: *еңк щўрахи* ‘сосулька’, *римх* ‘сумерки’, *мэрўх* ‘морошка’, *юх* ‘дерево’, *тулўх* ‘гриб’, *эңх* ‘смола’ и ‘нора’, *пушўх* ‘детеныш’, *лолмах* ‘росомаха’, *луңх* ‘копыто’, *хэлўх* ‘ворон’, *сурўх* ‘сырок’, некоторые другие [Кононова 2007, 14–32].

В результате исследования сформулировано понятие образности применительно к словарному составу (или лексикону) языка, проведено разграничение между глубинной (или скрытой) и явной, лежащей на поверхности, образностью. Определено, что это качество – быть образным – бывает двоякого свойства. Оно может быть свойственно слову в современный период развития языка, и этот факт бывает зафиксирован в словарях. Либо это обстоятельство (что данная лексическая единица – образная), выявляется в результате анализа происхождения слова. Данный факт обычно обнаружится в результате составления словаря образных единиц конкретного языка. Понятие образности применительно к хантыйскому языку выведено в результате анализа семантической структуры лексем, входящих в семантические поля «Природа» и «Человек, его жизнь и деятельность». В статье кратко изложены результаты семантического анализа таких лексических единиц, как *хӓтл* ‘солнце’, *тулх* ‘гриб’. В подобных словах усматривается снятая (скрытая) образность. Явная образность свойственна лексическим единицам типа *тӓтхот* ‘кошелек’ (дом огня), *сэвусы* ‘черника’ (сплетение, сеть), *кӓраң вой* ‘лось’ (животное с ногами), *паннэ* ‘налим’ (женщина песчаного берега), *кӓти вени* ‘рысь’ (кошачье лицо). Во всех этих случаях внесение элемента образности рассматривается как нарушающий общепринятую логику, нетривиальный способ словообразования, суть которого заключается в том, что с оригинала снимается слепок. Оригинал – это внутренняя форма исходного корня, уже использованная для образования новой лексической единицы, но только в своем прямом, объективном денотативном значении.

Согласно выдвигаемой гипотезе, образность в любом языке широко проявляется уже на уровне слова (лексической единицы). Далее, она имеет формы проявления на грамматическом и фразеологическом уровнях, т. е. является функционально-семантической категорией (с планом содержания и планом выражения). Эту образность не придумывает говорящее лицо, языковая единица потенциально ею обладает. Это качество свойственно слову в современный период развития языка (и часто этот факт бывает зафиксирован в словарях) или оно выявляется в результате анализа происхождения слова.

На основе анализа лексической семантики можно проводить разграничение между скрытой (в этимологии) образностью, формально выраженной (при словообразовании) образностью и включённой образностью (при создании эпитетов, сравнений, олицетворений и других выразительных средств). В результате этимологического анализа древних (старых) корней и образованных от них лексических единиц напрашивается вывод о различии трех видов семантической трансформации. В первом случае первоначальный синкретизм (во взгляде на мир) неизбежно распадается, и далее параллельно развиваются две парадигмы, именная и глагольная: *нул / нюл ‘мякоть’ > *нюлхи* ‘пихта’ и др. слова ~ *нулт-* ‘разминать’ и др. слова. Вторая линия – это новое словопроизводство методом переноса свойств одной субстанции на другую (что в современном языке квалифицируется как скрытая образность): *ляк-* ‘лепить’ > *лякса-* ‘переродиться, уродиться’.

В третьем случае налицо уже явная образность. Условием объявления лексической единицы образной является то, что в результате семантического и этимологического анализа становятся заметными момент переосмысления и нарушение строгой, нормальной логики (что проявляется в столкновении субстанций, обычно не сочетающихся в реальной действительности). Ориентиром могут служить, к примеру, такие единицы хантыйского языка как *сэвусы* ‘сплетение’, *тӓтхот* ‘кошелек’ (дом огня), *тухлаң хоп* ‘самолет’ (лодка с крыльями), *паннэ* ‘налим’ (женщина песчаного берега), *кӓти вени* ‘рысь’ (кошачье лицо).

ЛИТЕРАТУРА

Арзамазова О. А., Насибуллин Р. Ш. Названия серой куропатки (*Perdix perdix*) в удмуртских диалектах // *Linguistica Uralica*. 2022. Vol. 58. №2. Рр. 122–131.

Бродский И. В. Номинация растений по признаку места их произрастания в финно-пермских языках // Вопросы уралистики 2014: Научный альманах / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: «Нестор-История», 2014. С. 300–361.

Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под редакцией Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2011. 208 с.

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева / Институт филологии Сибирского отделения РАН. Новосибирск: ООО «Академиздат», 2021. 300 с.

Кондратьева Н. В. Образ «солнца» в поэзии Кузубая Герда // *Linguistic Typology 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии*. Материалы II Международного симпозиума, посвященного 90-летию

Удмуртского государственного университета и удмуртского филологического образования в вузе. Сборник научных статей / ред. кол.: Н. Н. Тимерханова (отв. ред.), Т. А. Краснова, Н. В. Ильина. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2021. С. 8–14.

Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 216 с.

Кошкарева Н. Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. 2020. №2. С. 152–166.

Кузнецова Э. В. К проблеме семантизации базовых единиц в словаре семантических классов русских глаголов // Словарные категории: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 23–27.

Куклин А. Н. Этнокультурные и межъязыковые контакты финно-угров и самодийцев (на материалах марийского и селькупского языков) // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813-1852) (Абакан, 25-28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А. Д. Каксин. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2013. С. 80–87.

Монастырѳев В. Д., Ефремов Н. Н. Лексические средства выражения категории образности в якутском и монгольском языках (на материале образных глаголов визуального действия, характеризующих движение) // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками): коллективная монография / отв. ред. С. М. Прокопьева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. С. 163–174.

Норманская Ю. В. Названия одежды у прасамодийцев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. №68. С. 42–57.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка РАН; Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: «Наука», 1974. 484 с.

Петров А. А. Языковая картина мира в этнокультурном менталитете тунгусо-маньчжурских и тюркских народов Севера России // “Homo Eurasicus” в системах «картин мира». СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 19–32.

Потпот Р. М. Концепт ‘дом’ в хантыйском и ненецком языковом сознании // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. №4-1. С. 292–302.

Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). Салехард: Издательство «Красный Север», 2011. 96 с.

Тихонов А. Н. Вопросы семантизации производных слов в толковых словарях // Словарные категории: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: «Наука», 1988. С. 59–68.

Цыганкин Д. В. О словообразовательной потенции прафинно-угорского словообразовательного суффикса *-ŋ* в мордовских, хантыйском и мансийском языках // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сборник избранных статей. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2014. С. 43–52.

Цыпанов Е. А. Развитие семантики слов коми *поз*, удм. *пуз* в пермских языках // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54. №1. Pp. 31–39.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. 92 с.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: «Наука», 1977. С. 7–62.

Jelisejev Ju. Gummeruksen suomi venäjä suomi sanakirja. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 430 p.

Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 405 p.

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 154 p. (*Studia Uralica Upsaliensia* 33)

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. 2019 S.

Vilja O. The Words for Malt in Finnic Languages // *Linguistica Uralica*. 2021. Vol. 57. №4. Pp. 241–249.

Wierzbicka A. Semantic, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 496 p.

Поступила в редакцию 21.02.2023

Каксин Андрей Данилович

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 90

E- mail: adkaksin@yandex.ru
ORCID.org: 0000-0001-9632-8286

A. D. Kaksin

OLD ROOTS AND NEW LEXICAL UNITS: FIGURATIVE COMPREHENSION AS A WORD-FORMING STRATEGY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-314-322

The article considers one of the most important linguistic semantic phenomena – the creation of new lexemes, based on existing units, in some formal way (suffixation, verbiage), supported by semantic transformation. Objective: to identify cases of hidden (etymological) and updated imagery among the units of the basic vocabulary in the Khanty language.

As a result of the study, the concept of imagery was formulated in relation to the vocabulary (or lexicon) of the language, a distinction was made between deep (or hidden) and explicit, lying on the surface, imagery. Removed (or hidden) imagery is postulated in many cases when the so-called “non-suffix” method of word formation is discovered. It can be called such if we proceed from the realities of the modern language: etymological analysis allows us to identify the component that participated in the creation of the word at the ancient stages of the development of this language.

Explicit imagery is fixed among those cases when a new lexical unit is formed using living suffixes or verbiage. At the same time, sometimes a semantic complication occurs: the appearance of a new dictionary unit is due not so much to affixation (or the sum of the components of the roots), but to a figurative rethinking of the value of the motivating root (or components). In all these cases, the introduction of the imagination element is considered to violate the generally accepted logic, a non-trivial method of word formation.

Consideration of the possibility of highlighting a separate category of figurative words is an innovation in Khanty linguistics. The empirical basis of the study was the recordings of the Khanty spoken language (made in the period 1985-2001) and the dictionaries of the Khanty language.

Keywords: language lexicon, imagery, ethnic culture, cognitive function of language, general linguistics, linguistic typology, Khanty language.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 314–322. In Russian.

REFERENCES

Arzamazova O. A., Nasibullin R. Sh. Nazvaniya seroj kuropatki (*Perdix perdix*) v udmurtskih dialektah [The Names of the Gray Partridge (*Perdix perdix*) in Udmurt Dialects] // *Linguistica Uralica*. 2022. Vol. 58. №2. Pp. 122–131. In Russian.

Brodskij I. V. Nominaciya rastenij po priznaku mesta ih proizrastaniya v finno-permskih yazykah [Nomination of plants by place of their growth in Finn-Permian languages] // *Voprosy uralistiki 2014* [Issues of Uralistics 2014]: Nauchnyj al'manah / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. SPb.: «Nestor-Istoriya» [«Nestor-Istoriya» Publ.], 2014. Pp. 300–361. In Russian.

Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)] / pod redakciej N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko» [«Basko» Publ.], 2011. 208 p. In Khanty and Russian.

Zhiznennoe prostranstvo i duhovnyj mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] / otv. red. N. B. Koshkareva, E. V. Tyuntesheva / Institut filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Novosibirsk: OOO «Akademizdat» [«Akademizdat» Publ.], 2021. 300 p. In Russian.

Kondrat'eva N. V. Obraz «solnca» v poezii Kuzebaya Gerda [The image of the “sun” in the poetry of Kuzebai Gerd] // *Linguistic Typology 2: Problemy lingvisticheskoy tipologii i kul'turologii. Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 90-letiyu Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta i udmurtskogo filologicheskogo obrazovaniya v vuze. Sbornik nauchnyh statej* [Problems of linguistic typology and cultural studies. Materials of the II International Symposium dedicated to the 90th anniversary of Udmurt State University and Udmurt philological education at the university: Collection of scientific articles] / red. kol.: N. N. Timerhanova (otv. red.), T. A. Krasnova, N. V. Il'ina. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet [Udmurt State University Publ.], 2021. Pp. 8–14. In Russian.

Kononova S. P. Russko-hantyjskij tematiceskij slovar' (kazymskij dialekt) [Russian-Khanty thematic dictionary (Kazym dialect)]. SPb.: «Prosveshchenie» [«Prosveshchenie» Publ.], 2002. 216 p. In Khanty and Russian.

Koshkareva N. B. Cветоoboznacheniya v ural'skikh yazykakh Sibiri: cvet ili svet, prilagatel'nye ili glagoly? [Color meanings in the Ural languages of Siberia: color or light, adjectives or verbs?] // Kritika i semiotika [Criticism and semiotics]. 2020. №2. Pp. 152–166. In Russian.

Kuznecova E. V. K probleme semantizacii bazovykh edinic v slovare semanticheskikh klassov russkikh glagolov [To the problem of semantisation of basic units in the dictionary of semantic classes of Russian verbs] // Slovarnye kategorii [Dictionary categories]: sbornik statej / otv. red. Yu. N. Karaulov. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1988. Pp. 23–27. In Russian.

Kuklin A. N. Etnokul'turnye i mezh'yazykovye kontakty finno-ugrov i samodijcev (na materialah marijskogo i sel'kupskogo yazykov) [Ethno-cultural and inter-linguistic contacts of Finno-Ugric and Samoyed (based on materials from the Mari and Selkup languages)] // Ural'skie i altajskie yazyki i narody: sopostavitel'no-tipologicheskij vzglyad [Ural and Altai languages and peoples: a comparative-typological view]: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 200-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya finno-ugroveda i altaista M.-A. Kastrena (1813-1852) (Abakan, 25-28 sentyabrya 2013 g.) / otv. red. A. D. Kaksin. Abakan: Izdatel'stvo HGU im. N. F. Katanova [Katanov Khakass State University Publ.], 2013. Pp. 80–87. In Russian.

Monastyryov V. D., Efremov N. N. Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii obraznosti v yakutskom i mongol'skom yazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo dejstviya, harakterizuyushchih dvizhenie) [Lexical means of expressing the category of imagery in the Yakut and Mongolian languages (based on the material of figurative verbs of visual action that characterize movement)] // Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazahskim, kirgizskim, altajskim i mongol'skim yazykami) [Imagery category in the language (based on the material of comparing the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages)]: kollektivnaya monografiya / otv. red. S. M. Prokop'eva. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU [SVFU Publishing House], 2019. Pp. 163–174. In Russian.

Normanskaya Yu. V. Nazvaniya odezhdy u prasadijcev [Clothes Vocabulary in the Proto-Samoyed Language] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University: Philology]. 2020. №68. Pp. 42–57. In Russian.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Talk dictionary of the Russian language] / Institut russkogo yazyka RAN; Rossijskij fond kul'tury. M.: Az" Ltd. [Az" Ltd. Publ.], 1992. 960 p. In Russian.

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1974. 484 p. In Russian.

Petrov A. A. Yazykovaya kartina mira v etnokul'turnom mentalitete tunguso-man'chzhurskih i tyurkskih narodov Severa Rossii [The linguistic picture of the world in the ethnocultural mentality of the Tunguso-Manchu and Turkic peoples of the North of Russia] // "Homo Eurasicus" v sistemah «kartin mira» ["Homo Eurasicus" in the systems of "paintings of the world"]. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena [Cercen namen University Publ.], 2021. Pp. 19–32. In Russian.

Potpot R. M. Koncept 'dom' v hantyjskom i neneckom yazykovom soznanii [The concept of "house" in the Khanty and Nenets language consciousness] // Sovremennye issledovaniya social'nykh problem [Modern studies of social problems]. 2017. T. 9. №4-1. Pp. 292–302. In Russian.

Randymova Z. I. Hantyjsko-russkij slovar' (priural'skij dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Ural dialect)]. Salekhard: Izdatel'stvo «Krasnyj Sever» [«Krasnyj Sever» Publ.], 2011. 96 p. In Khanty and Russian.

Tihonov A. N. Voprosy semantizacii proizvodnykh slov v tolkovykh slovaryah [Questions of semanticization of derived words in explanatory dictionaries] // Slovarnye kategorii [Dictionary categories]: sbornik statej / otv. red. Yu. N. Karaulov. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1988. Pp. 59–68. In Russian.

Cygankin D. V. O slovoobrazovatel'noj potencii prafinno-ugorskogo slovoobrazovatel'nogo suffiksa -ŋ v mordovskih, hantyjskom i mansijskom yazykakh [On the word-forming potency of the pre-Finno-Ugric word-forming suffix - ŋ in Mordovian, Khanty and Mansi languages] // Cygankin D. V. Mordovskie yazyki glazami lingvista-finno-ugroveda [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist]: sbornik izbrannykh statej. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta [Mordovian University Publ.], 2014. Pp. 43–52. In Russian.

Cypanov E. A. Razvitie semantiki slov komi poz, udm. puz v permskikh yazykakh [Development of semantics of Komi *noz*, Udm. *nyz* words in Permian languages] // Linguistica Uralica. 2018. T. 54. №1. Pp. 31–39. In Russian.

Cheremisina M. I. Yazyki korennyh narodov Sibiri: Uchebnoe posobie [Indigenous languages of Siberia: Textbook] / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet [Novosibirsk State University]. Novosibirsk, 1992. 92 p. In Russian.

Chesnokov P. V. Neogumbol'dtiansstvo [Neogumboldtianism] // Filosofskie osnovy zarubezhnyh napravlenij v yazykoznanii [Philosophical foundations of foreign directions in linguistics]. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1977. Pp. 7–62. In Russian.

Jelisejev Ju. Gummeruksen suomi venäjän suomi sanakirja. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 430 p. In Finnish and Russian.

Langacker R. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 405 p. In English.

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 154 p. (Studia Uralica Upsaliensia 33). In English.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. 2019 p. In Khanty, German, and Russian.

Vilja O. The Words for Malt in Finnic Languages // Linguistica Uralica. 2021. Vol. 57. №4. Pp. 241–249. In English.

Wierzbicka A. Semantic, Culture, and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 496 p. In English.

Received 21.02.2023

Kaksin Andrey Danilovich

Doctor of Philology

Leading Researcher, Katanov Khakass State University

90, Lenin St., Abakan, 655017, Russia

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID.org: 0000-0001-9632-8286

Н. А. Козловцева

УДМУРТСКИЕ СЕРИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Сериальные конструкции в удмуртском языке представляют собой особое сочетание вербальных единиц, основными признаками которого являются монопредикативность, моноклаузальность, моносубъектность. Между ними имеется тесная семантическая связь, способствующая созданию новых – более сложных – значений.

Основной целью данной статьи является выявление особенностей функционирования сериальных конструкций в современном удмуртском языке. На материале приведенных примеров были выявлены семантические возможности и структурные характеристики исследуемых языковых единиц.

В качестве основных методов исследования использовались описательный, метод контекстного анализа, структурно-типологический метод.

Научная новизна статьи заключается в том, что в работе впервые исследуется глагольная сериализация в удмуртском языке как единый целостный феномен. Результаты исследования могут быть использованы для разработки теоретических и практических курсов по синтаксису финно-угорских языков.

Ключевые слова: Сериальные конструкции, удмуртские сериальные конструкции, сочетание конверба с финитным глаголом, моноклаузальность, монопредикативность, моносубъектность.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-323-330

Введение

В лингвистической системе многих языков особое место занимают сериальные конструкции, под которыми традиционно понимается «последовательность глаголов, которые действуют вместе как единственный предикат, без какого-либо явного признака координации, подчинения или синтаксической зависимости» [Aikhenvald 2006, 1]. Как правило, они моноклаузальны; их интонационные свойства такие же, как и у моновербального предложения. Иными словами, сериальная глагольная конструкция осмысливается как единое действие.

Сериальные конструкции в разных языковых системах подробно описаны с точки зрения их образования, семантики, функциональности и продуктивности [Kageyama et al. 2021, Шлуинский 2016, Гращенков 2015, Aikhenvald 2006 и др.]. Как подчеркивают ученые, исследуемые конструкции служат для выражения цели, образа действия, направление действия (события) в пространстве, значение аспекта и акционзанта, бенефактива и малефактива и др. [Kageyama et al. 2021]. С точки зрения структуры, сериальные конструкции состоят из двух или более глаголов, но самыми распространенными являются бивербальные.

В научной литературе представлены различные классификации сериальных конструкций. Но наиболее полная и развернутая классификация сериальных конструкций с типологической точки зрения представлена А. Айхенвальдом [Aikhenvald 2006]. Именно она легла в основу настоящего исследования, основной целью которой является описание удмуртских сериальных глагольных конструкций в типологическом освещении.

1. Сериальные конструкции в удмуртском языкознании

До сих пор в удмуртоведении не было работ, посвященных сериальным конструкциям. Исследовались «спаренные глаголы» [Кельмаков 1975; Каракулова 1988; Морфология 2011] или тот же феномен под другими названиями: «конструкции с деепричастиями» [ГСУЯ 1962], «аналитические глагольные образования» [Тараканов 1982, 2013], «аналитические деепричастные конструкции» [Пишлётгер 2017], «конвербальные конструкции» или «семантические конструкции» [Хонти 2013]. И дело не только в том, что не использовался термин «сериальная конструкция», важно отметить, что это понятие более узкое, чем «спаренные глаголы». Иначе можно сказать, что сериальные конструкции – это подмножество «спаренных глаголов», которые являются бивербальными конструкциями, выражающими единое действие, единую ситуацию и образующие единую клаузу в предложении. Таким образом, в примере (1) сериальная конструкция, в то время как в примере (2) полипредикативная

единица (или свободное глагольное сочетание) выражает два параллельно происходящих действия или их последовательность. Компоненты свободных глагольных сочетаний могут выступать самостоятельно в предложении, независимо друг от друга.

1. Быззы-са кошк-и-э¹
Бежать-CONV уйти- PAST-3SG
Убежал (убегая ушёл) [Кельмаков 1975, 90].
2. Кырза-са мын-э
Петь-CONV идти-PRES.3SG
Идет распевая (песню) (= Идет и поет).

До сих пор такие конструкции не различались. Под вышеперечисленными названиями эти конструкции изучались с точки зрения их происхождения, синтаксической роли в предложении, количества составных частей; с точки зрения семантики внимание уделялось выражению ими образа действия или видовременных значений. Самые ранние исследования таких удмуртских глагольных конструкций нашли свое отражение в первых учебниках и грамматических очерках удмуртского языка как зарубежных, так и отечественных исследователей [об истории изучения этих конструкций в удмуртском языкознании см. подробнее Козловцева 2020].

2. Особенности удмуртских сериальных конструкций

Сериальные конструкции современного удмуртского языка чаще всего имеют следующую структуру: V1 + V2, где первый компонент V1 выражается деепричастием образа действия на -са или каритивным деепричастием на -тэк (далее – конверб), а второй компонент V2 является финитным глаголом. Эта схема является самой распространенной в языках мира.

В некоторых языках имеются сериальные конструкции, в которых сочетается более двух глагольных компонентов, удмуртские же сериальные конструкции чаще всего представлены в виде бивербальных глагольных сочетаний (примеры 3, 4).

3. Шур-ез уя-са мын.
Река-ACC плавать-CONV идти.IMP.2SG
Переплыви реку.
4. Быззы-са туб-и-з
Бежать-CONV взбираться-PAST-1SG
Бегом взобрался.

Сериальные конструкции бывают симметричные и асимметричные. В симметричных оба компонента представлены закрытыми / ограниченными семантическими классами глаголов, в асимметричных оба компонента могут быть как из закрытых, так и открытых классов глаголов. Удмуртские сериальные конструкции чаще асимметричны, так как первый компонент, выраженный деепричастием, представлен открытыми классами глаголов, а второй компонент, выступающий в роли финитного глагола, представлен закрытыми/ ограниченными классами.

В ходе исследования мы выявили семантические классы деепричастных компонентов и финитных глаголов сериальной конструкции в удмуртском языке. Исследование показало нам абсолютную сочетаемость деепричастных компонентов с фазовыми финитными глаголами (5), чуть меньше с глаголами физиологического воздействия (6) и глаголами со значением предоставления, наделения (7). А финитные глаголы движения (8) и состояния (9) показали свою избирательную сочетаемость [подробнее см. Козловцева 2021].

5. Ярам, коть коньдон-ме ваты-са вутт-й.
Хорошо, хоть деньги-PX1SG спрятать-CONV успеть-PAST.1SG
Хорошо, (я) успел деньги спрятать.
6. Си-са утча-ло-м.
Есть-CONV пробовать-FUT-1PL
Попробуем на вкус (еду).
7. Вера-са сёт вал но, ...
Сказать-CONV дать.IMP быть.PAST но

¹ Приведенные примеры по умолчанию получены в ходе опроса информантов-носителей языка. Примеры, приведенные из источников, имеют ссылку.

- (Я) бы сказал, но ...
8. Вить километр уя-са оритч-иск-о.
 Пять километр плавать-CONV проходить-PRES-2SG
 Пять километров проплываю.
9. Їок ини, туна-са у-д улы...
 Пусть уж гадать-CONV NEG.FUT-2SG быть.CON
 Пусть уж, не угадаешь.

В симметричных сериальных конструкциях расположение компонентов иконично (iconic) [Aikhenvald 2006, 22], т. е. первый компонент V1 всегда стоит перед вторым компонентом V2. От последовательности компонентов напрямую зависит значение сериальной конструкции, если же первый компонент поставить после второго, то и сериальной конструкции не будет, глагольные компоненты будут выражать два самостоятельных действия.

Среди асимметричных сериальных конструкций имеются следующие группы:

- первый компонент V1 стоит только перед вторым компонентом V2;
- первый компонент V1 может стоять как перед вторым компонентом V2, так и после него.

Значение сериальной конструкции при этом не изменится.

Среди удмуртских асимметричных сериальных конструкций могут встречаться и такие конструкции, в которых деепричастие может стоять как перед финитным глаголом (10), так и после него (11, 12), при этом значение сериальной конструкции от этого не меняется.

10. Тузонэз ёушылы-са быдт-й
 Пыль-ACC вытирать-CONV закончить-PAST.1SG
 Пыль вытер.
11. Пока ёд ват, со отын ул-э
 Пока не-PAST.NEG.2SG хоронить-CON он там быть- PRES.3SG
 мад'ы-са
 рассказывать-CONV

Пока не похоронили, он молился (читал молитвы)
 [Кельмаков 1998, 185].

12. Мед быдт-о-з ини вера-са
 Пусть заканчивать-FUT-3SG уже сказать-CONV
 Пусть расскажет уже (все до конца) [Пишлөггер 2017, 256].

Сериальные конструкции бывают неразрывными (contiguity), в которых глагольные компоненты стоят непосредственно рядом друг с другом, и разрывными (non-contiguity), в которых между глагольными компонентами могут появляться какие-либо другие словоформы. Например, в (13) между конвербом и финитным глаголом появляется субъект, а в (14) наблюдаем фокусную частицу.

13. Бызы-са Лариса-мы лыкт-э
 Бежать-CONV Лариса-PX.1PL прийти, приехать-PRES.3SG.
 Лариса бежит навстречу [Пишлөггер 2017, 255].
14. Лобзы-са=ик кошк-и-з!
 Лететь-CONV=FOC уйти-PAST-3SG
 Словно улетел же!

3. Выражение грамматических категорий

Грамматические категории глагола чаще всего выражаются финитной частью (время (15), аспект (16), модальность (17,18)), но некоторые категории выражаются конвербом (см. ниже).

15. Изы-са вутт-й
 Спать-CONV успеть-PAST.1SG
 Я поспал (букв.: успел поспав).
16. Пенси-ын кертгйсьлы-са пук-е вал.
 Пенсия-INESS. Вязать-CONV сидеть-PRES.1SG PAST
 На пенсии вязала.
17. Ма тон, пе, пыд-азь-дэ утчаськы-са ветл-ы
 Так ты мол ноги-перед-ACC.2SG искать-CONV ходить-IMP.2SG
 Так, ты, говорит, под ноги смотри.
18. Изы-са кыллы-сал

Ревнует.

29. Сыл-са кылл-е
Стоять-CONV лежать-PRES.3SG
Стоит.

Важно также отметить, что удмуртскому языку свойственна ограниченность в последовательности действий при образовании сериальных конструкций. Так, например, в (30) перед нами сериальная конструкция со значением 'сбежал', а в (31) мы видим свободное глагольное сочетание (иначе: полипредикативную конструкцию) со значением 'ушел и (затем) убежал':

30. Пегзы-са кошк-и-з
Убежать-CONV уйти-PAST-3SG
Сбежал (не заметно для всех).

31. Кошкы-са пегз-и-з
Уйти-CONV убежать-PAST-3SG
Ушёл и убежал (букв. уйдя убежал).

Помимо описанных выше признаков сериальных конструкций, в [Aikhenvald 2006] выделяются и другие типы, которые можно обнаружить и в удмуртском языке:

а) сериальные конструкции с функцией переключения (*Switch-function serial verb constructions*), когда объект V1 совпадает с субъектом V2 (32). К ним относятся причинно-следственные сериальные конструкции (*Cause-effect serial verb constructions*): когда первый компонент V1 описывает результат или эффект второго компонента V2 [Aikhenvald 2006, 13].

32. Книга-зэ лыдзы-са быдт-й-з.
Книга-ACC.PX3SG читать-CONV заканчивать-PAST-3SG
(Он) книгу прочитал.

б) сериальные конструкции с дополнительным аргументом, выраженный наречием, (*event-argument serial verb constructions*) [Aikhenvald 2006, 19], который служит для усиления значения, например, длительности происходящего действия (33).

33. Учкы-са кема сыл-й-з на
Смотреть-CONV долго стоять- PAST-3SG еще
Еще долго смотрел (вслед) [Пишлөгер 2017, 255].

в) сериальные конструкции, выражающие способ протекания действия (*aktionsart*), например, в (34, 35) выражено начало действия.

34. Кырза-са лэз-ё-м...
Петь- CONV запустить-FUT-1PI
Запоем...

35. Вера-са кушт-ыны
Сказать- CONV бросить-INF
Высказать.

Способ протекания действия может выражаться как конвербом (36), так и финитным глаголом (35, 37).

36. Уя-са кошк-и-з
Плавать-CONV уйти-PAST-3SG
Уплыл.

37. Из-эз кыдёке кушты-са лэз-и-з
Камень- ACC далеко бросить-CONV пустить-PAST-3SG
Камень далеко забросил (запустил).

Заключение

В данной статье мы описали особенности функционирования сериальных конструкций в современном удмуртском языке. Анализ собранного языкового материала позволил нам сделать следующие выводы:

а) удмуртские сериальные конструкции чаще всего образуются с помощью двух глагольных компонентов (1,2);

б) они мультивербальны, т. к. образуются от разных глагольных основ (3,4);

в) по сочетаемости компонентов эти явления асимметричны (5-9);

г) удмуртские сериальные конструкции не иконичны по расположению компонентов; они могут быть смежными и несмежными (10-14);

д) грамматические категории глагола выражаются как при финитном глаголе, так и в конвербе (15-21);

е) отрицание в удмуртских сериальных конструкциях может выражаться сочетанием деепричастия образа действия и отрицательной формой финитного глагола (22), а также сочетанием каритивного деепричастия и утвердительной формой финитного глагола (23); удмуртским сериальным конструкциям свойственно и двойное отрицание, которое придает значению конструкции положительное значение (24);

ж) сериальные конструкции в удмуртском языке продуктивны (25-37).

Таким образом, сериальные конструкции удмуртского языка представляют собой особую структурно-семантическую единицу, обладающую своими признаками и характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск, 1962. С. 249-252.
2. *Гращенков П. В.* Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. Москва: Языки славянской культуры, 2015. 259 с.
3. *Каракулова М. К.* Спаренные глаголы в удмуртском языке. – диссертация. 1988 г.
4. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
5. *Кельмаков В. К.* Спаренные глаголы // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. Вып. 3 [редакционная коллегия: В. М. Вахрушев (отв. редактор) и др.]. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, 1975. С. 90-105.
6. *Козловцева Н. А.* Сериальные конструкции в удмуртском языкознании // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. Вып. 833. Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. Стр. 164-173.
7. *Козловцева Н. А.* Лексическая сочетаемость компонентов сериальных конструкций (на материале удмуртского языка) // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. Вып.851. М/а: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. С. 174-189.
8. Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание / А. А. Алашеева [и др.]; отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 408 с.
9. *Пишлӧгер К.* Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Сборник статей. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 250-261.
10. *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
11. *Хонти Л.* К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона // Урало-алтайские исследования. Институт языкознания РАН: М.: 2013. № 2 (9). С. 109-113.
12. *Шлуинский А. Б.* Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // Татевосов С. Г. (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 6-53.
13. *Шлуинский А. Б.* Структурные характеристики сериальных конструкций в языках ква: внутригенетическая типология // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН), XII(1), 2016. С. 264-278.
14. *Aikhenvald A. Y., R. M. W. Dixon.* (eds). Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. 369p.
15. *Andrey Shluinsky.* Verb-verb complexes in Turkic languages: Interaction of lexical and delexicalized verbs // Verb-Verb Complexes in Asian Languages. Oxford university press, 2021. P. 397-429.
16. *Kageyama Taro, Peter E. Hook, and Prashant Pardeshi* (eds.). Verb-Verb Complexes in Asian Languages / Oxford university press, 2021 г. 578 p.

Поступила в редакцию 16.06.2022

Козловцева Наталья Александровна
старший преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ
119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
E-mail: nati_shud@mail.ru

N. A. Kozlovtsseva

UDMURT SERIAL CONSTRUCTIONS IN TYPOLOGICAL COVERAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-323-330

Serial constructions in the Udmurt language are a special combination of verbal units, the main features of which are monopredicativity, monoclausality, monosubjectivity. There is a close semantic connection between them, which contributes to the creation of new – more complex – meanings.

The main purpose of this article is to identify the features of the functioning of serial constructions in the modern Udmurt language. Semantic possibilities and structural characteristics of the studied linguistic units were revealed on the basis of the examples given.

Descriptive method, contextual analysis, structural and typological methods were used as the main research methods.

The scientific novelty of the article lies in the fact that the work for the first time explores verbal serialization in the Udmurt language as a single integral phenomenon. The results of the research can be used to develop theoretical and practical courses on the syntax of Finno-Ugric languages.

Keywords: Serial verb constructions, Udmurt serial verb constructions, combination of a converb with a finite verb, classification of serial verb constructions, types of serialverb constructions, monoclausality, monopredicativity, monosubjectivity.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 323–330. In Russian.

REFERENCES:

Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology] / otv.red. P. N. Perevoshchikov. Izhevsk, 1962. Pp. 249-252. In Russian.

Grashchenkov P. V. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic converbs and serialisation: syntax, semantics, grammaticalisation]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 259 p. In Russian.

Karakulova M. K. Sparenyye glagoly v udmurtskom yazyke [Paired verbs in the Udmurt language]. – dissertation. 1988. In Russian.

Kel'makov V. K. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [A short course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Bibliography]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1998. 386 p. In Russian.

Kel'makov V. K. Sparenyye glagoly [Paired verbs] // Voprosy udmurtskogo yazykoznanii: sb. st. Vyp. 3 (redaktsionnaya kollegiya: V. M. Vakhrushev (otv. redaktor) i dr.) [Problems of Udmurt linguistics: collection of articles. Issue 3 (editorial board: V. M. Vakhrushev (editor-in-chief) and others)]. - Izhevsk: Udmurtskii nauchno-issledovatel'skii institut istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka pri Sovete Ministrov Udmurtskoi ASSR, 1975. Pp. 90-105. In Russian.

Kozlovtsseva N. A. Serial'nye konstruksii v udmurtskom yazykoznanii [Serial constructions in Udmurt linguistics] // Vestnik MGLU: Gumanitarnye nauki. Vyp. 833. Moskva: FGBOU VO MGLU, 2020. Pp. 164-173. In Russian.

Kozlovtsseva N. A. Leksicheskaya sochetaemost' komponentov serial'nykh konstruksii (na materiale udmurtskogo yazyka) [Lexical combinability of the components of serial constructions (on the material of the Udmurt language)] // Vestnik MGLU: Gumanitarnye nauki. Vyp.851. Moskva: FGBOU VO MGLU, 2021. Pp. 174-189. In Russian.

Morfologiya udmurtskogo yazyka: nauchno-uchebnoe izdanie [Morphology of the Udmurt language: scientific and educational edition] / A. A. Alasheeva [i dr.]; otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2011. 408 p. In Russian.

Pishleger K. Eshche raz ob analiticheskikh deeprichastnykh konstruksiyakh v udmurtskom yazyke // Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya KH: aktual'nye problemy normativnoi i istoricheskoi fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki. Sbornik statei. [On analytical participle constructions in the Udmurt language, revisited // Language contacts of the peoples of the Volga region X: actual problems of normative and historical phonetics, grammar, lexicology and stylistics. Collection of articles.] – Izhevsk: Izdatel'skii tsentr «Udmurtskii universitet» [Udmurt State University Pbl.], 2017. Pp. 250-261. In Russian.

Tarakanov I. V. Zaimstvovannaya leksika v udmurtskom yazyke (Udmurtsko-tyurkskie yazykovye kontakty) [Borrowed lexicon in the Udmurt language (Udmurt-Turkic linguistic contacts)]. Izhevsk: Udmurtiya, 1982. 188 p. In Russian.

Khonti L. K voprosu o proiskhozhdenii sparenykh glagolov v finno-ugorskikh yazykakh Volzhsko-Kamskogo regiona // Uralo-altaiskie issledovaniya. Institut yazykoznaniiya RAN [On the Origin of Paired Verbs in Finno-Ugric

Languages of the Volga-Kama Region // Ural-Altai Studies. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]: M.: 2013. № 2 (9). Pp. 109-113. In Russian.

Shluinskii A. B. Biverbal'nye konstruksii i ikh leksicheskie ogranicheniya [Biverbal constructions and their lexical restrictions] // Tatevosov S. G. (red.). Tubalarskie ehtyudy. M.: IMLI RAN, 2009. Pp. 6-53. In Russian.

Shluinskii A. B. Strukturnye kharakteristiki serial'nykh konstruksii v yazykakh kwa: vnutrigeneticheskaya tipologiya [Structural characteristics of serial constructions in Kwa languages: intra-genetic typology] // Acta Linguistica Petropolitana (Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovatelei RAN), XII(1), 2016. Pp. 264-278. In Russian.

Andrey Shluinsky. Verb-verb complexes in Turkic languages: Interaction of lexical and delexicalized verbs // Verb-Verb Complexes in Asian Languages. Oxford university press, 2021. Pp. 397-429. In English.

Aikhenvald A. Y., R. M. W. Dixon. (eds). Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. 369p. In English.

Verb-Verb Complexes in Asian Languages / Taro Kageyama, Peter E. Hook, Prashant Pardeshi. Oxford university press/ 2021. 578 p. In English.

СОКРАЩЕНИЯ

- ACC – аккузатив
- CON – коннегатив
- COND – кондиционал
- CONV – конверб
- ELAT – элатив
- FOC – фокусная частица
- FUT – будущее время
- IMP – императив
- INESS – инессив
- INF – инфинитив
- KAUS – каузатив
- KOMP – компаратив
- NEG – отрицание
- PAST – простое прошедшее время
- PL – плюралис
- PRES – презенс
- PTCP.PST-MULT-PASS- притворная модальность
- PX – посессив
- V1 – первый компонент
- V2 – второй компонент
- 1SG – 1 л., ед.ч.
- 2SG – 2 л., ед.ч.
- 3SG – 3 л., ед.ч.
- 1PL – 1 л., мн.ч.
- 3PL – 3 л., мн.ч.

Received 16.06.2022

Kozlovtseva Natalya Alexandrovna
Senior Lecturer of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages
of the Faculty of Translation, FSBEI HE MSLU
38/1, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia
E-mail: nati_shud@mail.ru

М. В. Куцаева

**«ВЕРА И ЯЗЫК – ЭТО НАШ ГЕННЫЙ КОД»:
САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ МАРИЙСКОГО
В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ДИАСПОРЫ**

В статье приводятся результаты социолингвистического обследования, проведенного автором в марийской диаспоре московского региона с целью описания функционирования этнического языка. В ходе обследования был установлен набор функций, закрепленных за марийским языком в условиях внутренней диаспоры при суженных сферах его использования. Данная статья посвящена подробному описанию одной из этих функций – сакральной.

Среди марийцев не наблюдается конфессионального единства: горные марийцы придерживаются православия, луговые являются преимущественно двоеверами, восточные марийцы выступают главным образом хранителями традиционных верований. В выборке 36% опрошенных (луговые и восточные – в отличие от горномарийцев, которые лишь *слышали* о частичном употреблении марийского в литургии на малой родине) активно используют марийский в качестве языка религии: традиционные религиозные отправления на марийском совершаются не только на малой родине респондентов, но и в московском регионе, где по инициативе *картов* (представителей марийской религии) проводятся регулярные моления. 24% респондентов (луговые и восточные) используют марийский в сакральной функции в повседневной жизни, сохраняя связь с обрядовой культурой. Во втором поколении диаспоры ввиду слабой межпоколенной передачи этнического языка, угасает использование марийского и в качестве языка религии. Вымывание этнического языка из языковых биографий респондентов приводит в том числе к угасанию традиционной веры как элементу духовной культуры. Однако конструирование этнической идентичности и связанные с ним духовные поиски могут способствовать пробуждению интереса среди новых носителей к изучению этнического языка и выступать в качестве одного из оснований для ревитализации языка в диаспоре.

Ключевые слова: марийский язык, этнический язык, сакральная функция языка, внутренняя диаспора, московский регион, марийская традиционная религия, православие, православно-языческий синкретизм.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-331-342

Введение

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона, посвященное описанию функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Выборка является репрезентативной и включила сто представителей первого поколения диаспоры, уроженцев Республики Марий Эл (71 чел. (из них 58 – лугомарийцы, 13 – горномарийцы), районов компактного (Башкортостан (18 чел.), Татарстан (3 чел.), Кировская (5 чел.), Свердловская области) (2 чел.)) и дисперсного (1 чел.) проживания марийцев на территории Российской Федерации, в настоящее время на постоянной основе проживающих в московском регионе и идентифицирующих себя в качестве этнических марийцев. Второе поколение в выборке представлено шестью респондентами (подробнее об опыте и методологии обследования см. [Куцаева 2020а]).

Один из аспектов исследования касался описания сфер использования этнического языка и установления функций, закрепленных за марийским в условиях внутренней диаспоры. Было обнаружено, что при достаточно суженных сферах употребления марийского в московском регионе, этнический язык имеет широкий спектр функций в диаспорной среде, которые в общем виде были освещены нами в [Куцаева 2021а]. В настоящей статье автором предпринимается попытка подробного описания одной из этих функций – сакральной.

Ключевыми маркерами этнической идентичности в выборке выступают «малая родина», «язык», «этническая культура» [Куцаева 2020б]. Этническую идентичность группы определяют родовые связи [Edwards 1994, 128], общее происхождение и вследствие этого – культурное наследие [Joseph 2004, 162]. Религия, являясь одной из областей духовной культуры и частью культурного универсума, выполняет ряд функций в обществе, одна из которых – интегрирующе-дезинтегрирующая [Лобазова 2005, 32]. В этом смысле религиозная идентичность сближается с этни-

ческой, в своем противопоставлении «нас» «им». Этническая и религиозная идентичности придают глубокое значение «именам», с которыми мы идентифицируем себя как индивиды и члены группы, служат сюжетом для истории нашей жизни, связаны с нашими глубинными представлениями о жизни, Вселенной и т. д. [Joseph 2004: 172]. Эти идентичности предназначены для ориентации и мобилизации совокупностей людей [Fishman 1991, 9], «церковь» (подразумевается любая развитая религиозная система – прим. М. К.) является не только ключевым аспектом этнокультуры, но и инструментом поддержания ее границ [там же, 360].

Сохранение этнической культуры представляется для респондентов важным [Куцаева 2021б, 7]. Вследствие миграций (переселение этнической группы, разрыв традиции, языковой сдвиг), идентичность не относится более к той «самой» культуре, с которой она изначально ассоциировалась; кроме того, и сама этнокультура неизбежно меняется со временем (даже вне контекста разрушительных воздействий, вызванных миграциями и языковым сдвигом), тем не менее подобные изменения, с большей вероятностью будут регулироваться группой изнутри, что приведет к преемственности (или, по крайней мере, к ощущению преемственности) [Fishman 1991, 27].

Важным каналом поддержания устойчивости культуры выступает этнический язык. Культура конституируется преимущественно вербально, охватывая практически всю нематериальную ее часть; песни, молитвы, пословицы, сказки, приветствия, проклятия и благословения, философия, история и пр. обычно выражаются с помощью традиционно ассоциируемого с данной культурой языка [там же: 24]. Разнообразные виды знаний «упакованы» в языковые и культурные практики: одни знания «упакованы» непосредственно в слова, другие – в более широкие коммуникативные практики. Этнический язык используется в священных обрядах в религиозных контекстах и содержит информацию о богах, космологии, важных духовных и философских вопросах; служит для общения с духами. Таким образом, культурные практики варьируют от возвышенных до повседневных и обыденных [Grenoble 2021, 16–17].

Другим источником поддержания этнокультуры является религия. При всем многообразии сущностных определений религии, разработанных в русле различных традиций [Лобазова 2005, 11], все они, однако, несвободны от идеологических коннотаций [Торчинов 2021, 12] и в этой связи в качестве первоэлемента религии со всеми ее верованиями, догматами и институтами следует рассматривать именно *религиозный опыт*, или глубинные, а подчас и более поверхностные психические переживания и состояния [там же, 29]. Решение данной задачи, однако, не ставилось нами изначально и в целом не представлялось возможным в рамках социолингвистического обследования; тем не менее, представленное ниже описание религиозных практик и субъективных ощущений опрошенных, оставляет надежду на то, что в своих изысканиях нам удалось в какой-то мере зафиксировать в том числе и их религиозный опыт. Рассмотрение религии в разных парадигмах (социологическо-культурологической и психологической) способствует ее пониманию как целостности [Торчинов 2021, 53]; ограниченное число ответов (36 %), учтенное нами при изучении такого аспекта как *язык религии* (при том, что подавляющее большинство опрошенных указали свою конфессиональную принадлежность), служит косвенным указанием на то, что приоритетным в анализе результатов исследования был признан именно *религиозный опыт* респондентов.

Система религиозных верований

В силу исторических причин (см. [Сепеев [2006]], марийцы отличаются сильной диаспоризацией, тесные контакты с соседними народами привели к формированию трех субэтнических групп марийского этноса (горные, луговые, восточные), четырех диалектов марийского языка (луговое, горное, восточное, северо-западное) и нескольких конфессиональных групп (марийская традиционная религия, православно-языческий синкретизм, православие).

Ядро духовной культуры марийцев составляли религиозные верования, охватывающие все сферы жизни общества, определяющие образ жизни народа, его характер, поведение, мировоззрение [Марийцы 2013, 287]. Марийская религия формировалась на базе древнего¹ миропредставления с

¹ Об этом нам говорили и сами респонденты, подчеркивая древний характер марийских верований. «Вот в роще – дерево. Икона – тоже дерево. Дальше – в роще идет дым, ну, когда молятся, типа жертвоприношения. В церкви тоже дым идет. Дальше – в роще, когда молятся, жрецы стоят, они там в транс входят и звук издают. В какое-то железо бьют. В церкви – колокол. Дальше – в роще напиток, а в церкви – кагор. Это я смотрел. Это же наблюдения. Это все одно и то же. Это все пришло оттуда. Это первобытная вера. Это сейчас веру

идеей единства человека и окружающей среды, краеугольными камнями древнемарийской веры выступало обожествление природы, ее стихий, почитание предков наряду с другими культурами – под эгидой Кугу Юмо – Верховного Бога [Шкалина 2019, 184].

Первые шаги по распространению православия среди народов Поволжья были предприняты в связи с вхождением Казанского края в состав Российского государства и учреждением Казанской епархии в 1555 г. [Марийцы 2013, 295]. На фоне последовавшей христианизации, в течение второй пол. XVI – сер. XVIII вв., происходил постепенный отток марийского населения в Прикамье и Приуралье и формирование вторичного (приуральского) ареала [Сепеев 2006, 92–112] проживания марийцев, известных как *чимарий* (истинные, настоящие, некрещенные мари). С середины XIX в. осуществляется переход к просветительско-миссионерской деятельности РПЦ за счет привлечения в ряды служителей церкви представителей местного населения, развития богослужения и школы на этнических языках, создания национальных монастырей [Исхаков 2018, 13]. В результате наметился процесс этноконфессиональной дифференциации, обозначились различия в религиозной ориентации горных и луговых мари [Таймасов 2004, 72] и формирование православно-языческих синкретизированных культов [Марийцы 2013, 296]. Возникшая в первые годы советской власти инициатива по формированию организованного марийского язычества [Съезды 2008: 71–76] в целях сохранения этнической идентичности была подавлена в 1929 г., когда в СССР был взят курс на борьбу с религией и марийская вера ушла в подполье [Молотова 2019, 323]. Впрочем, полулегальное положение всякой религии тогда способствовало сохранению и бытованию марийской обрядовой культуры [Тойдыбекова 1997, 330], а кроме того, отсутствию давления на нее со стороны РПЦ. 1990-е гг. ознаменовались, с одной стороны, активизацией деятельности РПЦ, с другой стороны, возрождением марийской традиционной религии (см. [Попов 2002]). В настоящее время исследователями констатируется заметное повышение роли православия в общественно-политической жизни России (и в целом – общемировая тенденция растворения локальных традиций под влиянием мировых религий) [Шкалина 2019, 9]; выявлен процесс сближения со стороны марийской традиционной религии с РПЦ, тогда как РПЦ ориентирована на продвижение собственной веры и просвещение населения относительно ложности совмещения двух религиозных традиций, недопустимости православно-языческого синкретизма (двоеверия) [Виноградова 2018, 46].

На протяжении веков марийская традиционная религия (далее – МТР)² развивается в сложных условиях борьбы за сохранение самобытной веры, культуры, языка [Тойдыбекова 1997, 14]; она сыграла важную роль в сохранении этнической идентичности, в том числе в условиях диаспорного проживания [Молотова 2019, 326], поскольку организационная структура, заложенная в марийской культурной практике (человек-семья-род-община-регион-округ-мир), способствовала консолидации народа, компенсировала отсутствие национальной государственности, обеспечивала устойчивость духовной традиции и традиционной культуры [Шкалина 2019, 126, 153]. В этом смысле МТР приобретает особое значение в условиях диаспорного проживания группы.

В московском регионе ежегодные марийские моления проводятся с 2015 г. *Карты*, марийские жрецы, с которыми нам удалось познакомиться (всего *картов* в московском регионе четыре), оба являются выходцами из Башкирии, представителями восточных мари, что вовсе не случайно, учитывая, что высокая сохранность традиционных верований характерна именно для данного региона (см. [Садиков 2020]). Кроме того, как отмечено в [Тойдыбекова 1997, 151], именно башкирские марийцы про-

превратили в механизм управления. Но здесь я указал самое важное. И больше никто ничего не придумал» (№ 6, М., 49) (здесь и далее в скобках приводятся номер анкеты, пол и возраст респондента).

² Укажем на идеологическую трансформацию, коснувшуюся терминологического определения традиционных марийских верований в недавнем прошлом. В работах, последовавших за возрождением традиционных верований в 1990-х гг., по инерции употребляли термин «язычество», собирательно обозначавший комплекс первобытных верований, обрядов, воззрений [Тойдыбекова 1997, 25], однако в более поздних работах очевиден пересмотр термина [Попов 2012, 13] и постепенное его замещение и утверждение «марийской традиционной религии» [Резолюция 2020]. Кроме того, следует отметить, что современные приверженцы традиционных верований не называют себя язычниками, а говорят о себе «ошмари-чимари» (белый мари – чистый мари) [Шкалина 2019, 87]. Это же подтверждается и нашими респондентами: «Вы знаете, нам все учебники прожужжали уши, что мы язычники. А сейчас новые карты, они говорят: «Традиционная религия». Это новое веяние. А мы уже, старое поколение, мы привыкли, что мы язычники. Как нас обозвали – так мы и привыкли! (смеется). Мы, в Башкирии, — это те, кто не отказался» (№ 24, Ж., 61). «У нас своя вера марийская. *Чимарий* это. Русские нас считают язычниками, но мы себя язычниками не считаем!» (№ 29, Ж., 53).

являют наибольшую активность и энтузиазм при возобновлении религиозных ритуалов³, тогда как в РМЭ моления проводятся скорее в местах, где живы действующие жрецы. Уроженцы Башкортостана в выборке подчеркивали преемственность традиций и сохранность МТР в регионе. «Наша деревня – ее жители и мой род, который пришел и осел на этих землях, – ей, наверное, порядка двухсот лет. Это луговые мари были, мой род, они снялись со своих мест, для того чтобы сохранить свою веру, свою религию. Потому что были постоянные войны в это время, они ушли. Шли через Татарию, потом попали в Башкирию. Это было уже четвертое место стоянки, прежде чем они пришли» (№ 28, М., 47). «В советское время дома все делали – обычаи, традиции. Свечки дома ставили. Дома никто не помещает! Неважно, какой строй на улице, а дома не мешают. У нас сейчас уже открыты на родине рощи, службы проводятся, уже открыты с десятков» (№ 25, М., 69). «Язычество, язычество у нас в Башкирии. Безусловно» (№ 98, М., 60).

Представители исконной марийской веры определяются опрошенными как *некрещеные, язычники, не православные, воинственные, лесные, традиционной веры*. «У нас на марийском языке говорят Юмо. Бог. И мама говорила: «Вот если у русских всегда через этого Христа, через посредника, к Богу обращаются, то мы обращаемся напрямую к Богу». Вот так она нас всегда учила» (№ 48, Ж., 51).

В отношении уроженцев Республики Марий Эл отметим, что наблюдается четкая корреляция относительно района проживания на малой родине опрошенных и их конфессионального статуса (Горномарийский район – православие («Горные марийцы в одном районе Республики только. У нас много церквей, храмов. Мы в основном православные» (№ 26, Ж., 60)), районы проживания луговых марийцев подразделяются на те, где распространена преимущественно традиционная религия («В Сернуре – там вообще самая *черемисинская* область, там очень много всего. У каждой деревни свои рощи» (№ 66, М., 42), отдельные районы с преобладанием православных традиций («Мы вот православные, у нас была церковь, она, к сожалению, сейчас уже разрушилась, в советские времена ее разобрали» (№ 14, Ж., 33, Оршанский р-н) (см. [Тойдыбекова 1997: 67, 327]) и, наконец, остальные районы, где наблюдается православно-языческий синкретизм («Ну я крестился. Но все-таки себя считаю больше традиционной религии приверженцем. У нас ведь одно другому не противоречит – поэтому не сказать, что именно у меня преобладает. Но сейчас вот преобладает именно языческая религия» (№ 65, М., 43). «Двоевер скорее всего я, потому что не отвергла свою религию» (№ 41, Ж., 29).

Кировские марийцы в средних когортах в выборке упоминали о том, что когда-то давно их предки имели свою веру, тогда как представителям более старших когорт, по их словам, в детстве довелось даже участвовать с бабушкой в молениях. Уроженцы Свердловской области и Татарстана (см. [Молотова 2019]) являются преимущественно приверженцами МТР (в одних случаях семейная традиция не прекращалась, в других – оборвалась, и ныне они пытаются ее восстановить).

Некоторые респонденты, в основном женщины заявили о том, что на моления, которые проводятся весной и осенью, они обычно выезжают на малую родину, поскольку священные рощи в тех местах и традиции являются для них знакомыми и родными: «Ездим. Дай Бог, как говорится! Нас так учили – мы ездим» (№ 3, Ж., 64). «Корни там, и такие мероприятия должны проходить там» (№ 32, Ж., 37). «Нужно там, где люди живут в одной деревне, где они *прирастились* этим местом, они его больше любят, наверное» (№ 82, Ж., 32). Мужчины (включая тех, кто относительно недавно вновь приобщились к вере и хранят яркие детские воспоминания о молениях) отметили, что предпочитают ездить в Кировскую область, на гору Чумбулат, где на одном из огромных камней установлен символ марийской традиционной религии [Степанова 2012, 83] (о культе *Курык Кугыза*, средневекового легендарного вождя мари см. [Шкалина 2019, 116], о возрождении коллективных молений см. [Попов 2002: 100]). «Я всегда хожу, я выбираю отпуск именно в июне, чтобы сходить на Чумбулат к Богу. Первое посещение было такое: там такая аура – добрая, я чувствовал себя счастливым почему-то там! То есть все, кто там был, сколько там было людей – я не знаю, больше сотни, наверное, – все они приехали с добрыми помыслами, все – вот это всё – марийцы! И эта общность придает силы! И понравилось еще то, что я вот попросил Его – и все сбылось. За год! Я, конечно же, был в шоке, потому что до этого как-то все не выходило, а после все как-то пошло и поехало!» (№ 81, М., 29). Для таких респондентов моления в московском регионе «имеют не тот масштаб», «места не такие силь-

³ Издревле марийский «клир» отличается демократическими принципами – выборностью, открытостью, доступностью [Шкалина 2019, 187]. Об этом нам рассказывал респондент (уроженец Кировской обл.) «Хотя мне и предлагали. «Давай, – говорят, – к нам. Будете жрецом, мы одну рошу тебе дадим, чтобы моления проводить». Я говорю: «Нет, ребят». Но мы предполагаем, а Бог располагает!» (№ 49, М., 52).

ные»; впрочем, не стоит отрицать важность организации молений даже на новых местах, поскольку в *кўсото* (священной роще) происходит не только священнодействие, но и кооптация неопитов в профессиональную общину [Шкалина 2019, 158].

К выбору мест для организации молений в московском регионе *карты* подходят со всей тщательностью: *кўсото* – центр Вселенной, место, где человек может выйти на контакт с Божествами [Степанова 2012, 69]. Одно из таких мест находится в лесной зоне в Истринском районе (другие – под Дмитровым и Сергиевым Посадом, в парке Коломенское в Москве). По воспоминаниям участников первых молений под Истрой, инициативной группой заранее было определено «место силы на исконных финно-угорских землях», где был найден большой камень и «деревья определенные, многолетние, за пятьдесят, за сто лет» (священное дерево символизирует «ось Мира», выполняет функцию инструмента связи, дороги между тремя мирами и чисто коммуникативную функцию [Шкалина 2019, 125]). Моления начинаются весной, в день весеннего солнцестояния, проводятся на растущую луну, когда снег тает и природа начинает пробуждаться. В условиях карантина в 2020 г. марийцы проводили также домашние моления: «У нас домашние моления происходят каждые выходные в 10.30 по московскому времени. Мы все встаем, созваниваемся и создаем некое энергоинформационное пространство (ЭИП) на пробуждение спящих душ не только марийского народа, но и всего народа постсоветского пространства. Это тоже очень важно. Чем больше молятся, тем лучше. Когда вы входите в одно ЭИП – я знаю того, того, того, мысленно представляю, что он где-то там произносит молитвенные слова, я подключаюсь в это ЭИП, – эти вибрации, которые мы производим, они влияют на весь окружающий мир» (№ 28, М., 47).

Об особенностях устных марийских молитвословий *кумалтыш мут* сообщалось уже в ранних этнографических работах ([Смирнов 2014, 165–169], подчеркивался их сугубо практический характер [Яковлев 1887, 31]). Не отрицая значимость данных работ, скажем, однако, что они не лишены православной догматики. Между тем в текстах молитв, обращенных к божествам, в первую очередь закодирована информация о традиционных представлениях марийцев об идеальном мироустройстве на его важнейших структурообразующих уровнях «человек-общество-природа» [Тойдыбекова 1997, 154]; мари обращаются не к Богу далекому, а к Богу, который ближе к нему, к жизни его семьи, рода, общины [Шкалина 2019, 187] (в современных молитвах звучат просьбы об улучшении экономического состояния страны, облегчении участи людей, покровительстве руководителям страны [Попов 2002, 106]). Высокая сохранность традиционных мотивов марийских молитв обусловлена тем, что моления были под запретом, жрецы подвергались преследованиям, *кумалтыш мут* бытовали в каждой семье, переписывались от руки и хранились в сундуках [Тойдыбекова 1997, 153]. «В советское время никаких рощ не было. Все запрещали, все было закрыто! Если кто-то ходил, то тех на партсобраниях чистили. Даже партийных работников исключали сразу! Но у меня дед топил печку, надевал вот эту самую шляпу, форму. У нас одежда была белая, самотканая. Садился рядом с печкой и начинал читать молитвы, кидал туда, я помню, блинчики. Обязательно с утра испекут, рано-рано, пока еще спят дети. Блины, молоко принесут, и вот кидают все в огонь, и приговаривается, и читается молитва. Дед ни одного праздника не пропускал! Садился и читал молитвы, когда все было запрещено. И я помню слова, какие он произносил, маленькая хотя была. Мне очень нравилось: огонь горит, дед сидит, а потом еще и трубку закурит» (№ 24, Ж., 61). Кроме того, живы и далекие воспоминания, связанные с *результатом* молений в прошлом. «Я только помню, что была очень сильная засуха. Там резко континентальный климат в Башкирии, поэтому лето – жара, зима – холод. И в одно лето засуха, мы босиком бегали, и, значит, старый, самый главный типа *муллы* что ли⁴, или как его называли *карт*, и просили у Бога дождя дождь. Я там находился и *кумалтыш* этот видел, и я помню, что, по-моему, в эту же ночь был ливень. Гроза, ливень. В общем, это как-то врезалось в память» (№ 106, М., 58) (об устройении экстренных молений по случаю разных бедствий см. [Смирнов 2014, 181]).

Респондент, прошедший обучение на курсах марийских жрецов (*картов*), открытых в Йошкар-Оле в 2018 г., и получивший квалификацию «специалист по национальным и межрелигиозным вопросам», рассказал о том, что слова молитв передавались в его роду из уст в уста. «Маленькими детьми мы ходили на кладбище, также праздники проводили родители, они ставили нас рядышком, и мы все это видели и слышали» (№ 28, М., 47). При том, что существуют общие правила проведения общественных молений [Степанова 2012], им было отмечено следующее: «Не существует единого варианта молений. У нас, например, в разных деревнях моления проходят по-разному. И нет какой-то

⁴ У восточных мари молениями руководили *молла* [Марийцы 2013, 293].

стандартизации.. Когда я проходил курсы картов, даже более старшие говорили, нет надобности прибегать к какой-то стандартизации. Если в эту деревню вы приехали, там моления вот так проводят, то смотрите и учитесь, как они проводят. И если вы проводите у себя, то проводите, как умеете, как знаете. Вы там увидели что-то для себя хорошее, возьмите для себя, если считаете для себя нужным и возможным» (№ 28, М., 47) (см. [Попов 2002, 115]). Подобная открытость в целом способствует тому, что слова молений являются для участников церемонии понятными, особенно, если моления они посещают на малой родине, «потому что это местный диалект» (№ 12, Ж., 12).

Язык *кумалтыш мут* характеризуется опрошенными (двоеверами) как доступный в сравнении с церковнославянским (в их терминологии – русским). «Моления у марийцев, конечно, на более доступном языке. Там в церкви все слова и не поймешь, а тут – все слова понятны. Нет каких-то заумных слов» (№ 57, Ж., 57). «У себя понятнее. Ну, потому что все равно эта религия для меня ближе, и поэтому это мне как-то понятнее» (№ 74, М., 28). «В роще. Там душа спокойнее как-то. Там уже слова понимаешь, там всё по-марийски говорят. В церкви-то там поют только. А у нас говорят» (№ 83, Ж., 60). «Марийский язык понимать легче во время таких религиозных моментов. Там, конечно, есть эмоциональные моменты. Возвышенные. При этом по сравнению с русским все-таки доступнее» (№ 54, Ж., 27). «Когда ты его слушаешь, ты все понимаешь. Но все равно он какой-то особенный» (№ 53, Ж., 30). Это объясняется тем, что каждый текст *кумалтыш мут* содержит архаичные речевые обороты и стилевые приемы, древние образы и символы [Тойдыбекова 1997: 154], отсюда и возможные затруднения при восприятии – «не все понимаю, потому что там старый марийский язык» (№ 41, Ж., 29). Для лиц, в силу ряда причин (см. [Куцаева 2022] пассивно владеющих этническим языком степень доступности сакральных и ритуализированных текстов неизбежно снижается. «Моления происходят на современном марийском языке. Слова моления – я знаю какие-то просто слова там: *ача-ава*, отец-мать, *Ош* – белый, *Юмо* – Бог. Ну, я такие слова понимаю, но общего смысла я не могу понять. Я только могу предполагать смысл!» (№ 50, Ж., 53).

Кумалтыш мут играют большую роль в марийской духовной традиции, для молитвы мари выбирает подробные слова, которые в полной мере выражают его [Шкалина 2019, 183]. И эту традицию самостоятельного выбора наиболее подходящих для ситуации прошения слов респонденты-двоеверы с легкостью переносят в православие, они пользуются, по их признанию, «своим» языком даже в церкви: «Я спокойно живу двоеверием. Могу и в церковь зайти, могу и просто поклониться солнцу. Я и в церкви своим языком общаюсь» (№ 57, Ж., 38). В этом заключается коренное отличие в религиозных практиках луговых и горных марийцев в выборке: значительное число луговых марийцев используют этнический язык в сакральной функции (36% в выборке), активно и самостоятельно, тогда как горномарийцы, по их словам, лишь слышали о том, что на малой родине кое-где проводятся службы с некоторыми элементами («По-моему, «Верую» и «Отче наш» поют на горномарийском. Я так была умилена, удивлена. Надо же, думаю! (№ 26, Ж., 60)), но сами участия в них никогда не принимали.

В московском регионе несмотря на то, что на коллективных молениях молитвенные слова полностью произносятся на марийском, широко привлекается русский язык. Это связано с тем, что московские марийцы достаточно открыты⁵. Моления посещают не только луговые и восточные марийцы, активно владеющие этническим языком, но и пассивные билингвы, которые, будучи выходцами из городской среды, лишь знакомятся с марийской культурой, религией и языком. «Языческая у нас вера, если по корням брать. Мы были некрещенные, нас крестили всей семьей. Могу в церковь зайти, заказать записочки. А я уже роши посещаю здесь, в Москве. Два раза подряд мы собирались, весной и осенью. У нас специальные есть московские *арвуи*, они молятся за нас за всех, проводят это мероприятие. Они самые старшие как бы. Жрецы. У них одежда специальная, интересная. Там какую-то помощь у Бога просишь. Оказывается, у нас свой языческий Бог есть! Как бы обращением к Богу не забывать чтобы. Конечно, мне как-то радостно, с одной стороны, но думаешь: «Почему раньше ничего не знали?». Слабоватые как бы корни» (№ 19, Ж., 53). Кроме того, по словам *карта*, на моления приходят и некоторые горные марийцы⁶, а также русские. Основная цель молений – восполнить по-

⁵ Ср. с наблюдениями в [Яковлев 1887: II]: «С русскими о вере бывают неразговорчивы, ничего не высказывают, на бескровные мольбища допускают неохотно, считая их присутствие препятствием к благоуспешности своей молитвы перед богами».

⁶ Среди респондентов-горномарийцев один из 13 заявил о том, что, углубившись в вопрос, связанный с марийской традиционной религией (опосредованно через луговых марийцев), он пришел к выводу, что и у горных была своя вера (живая традиция древних горномарийских верований, схожих с луговыми, фиксируется еще в

требность людей в духовности, независимо от их этнической или конфессиональной принадлежности. «Люди начинают ощущать благодать именно в священном лесу» (№ 28, М., 47). «Мы чего хотим? Чтобы вернулись старые ценности. Не позвать в пещеру! Моральные духовные ценности чтобы вернулись. Чтобы пять моральных заветов-наставлений стали преобладающим для нас в России. И не только в России, но и на Земле. Вот три – они известные. Отношение к другому человеку. К животному миру. К растительности. Четвертый гласит так – знай Бога. Бог, в принципе, – это неправильное название. Бог – это энергоинформационная структура Вселенной. Пятое – это душа, это структура связи с космосом. Все марийское моление на этом основано» (№ 91, М., 63).

В ряде случаев в процессе ревитализации одним из факторов⁷ неожиданно устойчивого поддержания языка выступали религиозные практики и церемонии; наличие сильной религиозной базы, безусловно, является источником психологического комфорта, необходимого для сохранения языка группы перед лицом значительного на нее социального давления извне и языкового сдвига [Dogian 1998, 15]. Кроме того, зачастую сохранность языка в качестве языка религии выше, чем в какой-то иной функции, поскольку религиозная сфера имеет более официальные (а значит, более устойчивые) границы, чем «светская» этнокультурная система, с которой она ассоциируется, использование сакрального языка освящено и защищено ритуализацией [Fishman 1991, 362].

Как показали результаты исследования, марийская традиционная религия позволяет группе не только сохранять свои этнические границы в условиях внутренней диаспоры, но и расширять их за счет привлечения новых членов, которые в своих духовных поисках приобщаются в том числе к этническому языку.

Система ритуалов и обрядов

Ритуал – совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных на воспроизведение глубинного переживания или его символическую репрезентацию. Обряд – это ритуал, утративший связь с глубинным переживанием даже в форме символической репрезентации [Торчинов 2021, 92]. В марийском языке термин *йўла* вбирает оба значения – ритуал и обряд [Тойдыбекова 1997, 24]. В выборке 24% опрошенных (луговые и восточные мари) указали на использование марийского в повседневной жизни в сакральной функции при соблюдении определенных ритуалов или обрядов (примечательно, что среди горномарийцев – ни одного).

Издавна подлинным защитником и кормильцем для марийцев выступал лес. Деревья воспринимались как живые существа, покровители рода, хранители его жизненной силы. Уважительное отношение к деревьям сохраняется и в наши дни [Марийцы 2013, 289, 306]. Опрошенные неоднократно сообщали о том, что не мыслят своей жизни без леса, неслучайно при выборе жилья (аренда, ипотека), московские мари ориентируются на наличие поблизости лесопарковой зоны. «С детства я была ближе к природе. Меня бабушки водили в лес, по грибы, по ягоды. Папа у меня был рыбаком, на рыбалку ходили. Папа меня учил с детства почитать природу. Сказать спасибо, поздороваться с лесом, вот такие какие-то вещи делать. И для меня это нормально. То есть на природе я могу с деревом общаться. На марийском языке. В Москве мы постоянно ходим в лес! У нас прямо рядом с подъездом лес. Наверное, это было важно, когда мы покупали квартиру» (№ 96, М., 27). «Лес я сам люблю, без леса не могу представить себя» (№ 16, М., 47). «Я мужу всегда говорю: «Мы – марийцы, нас долго в городе держать нельзя! Поехали в лес на природу!»» (№ 12, Ж., 50).

Мари особо почитают воду. Богиня *Вүд Ава* заботится о чистоте водоемов, защите и исцелении людей и животных, обеспечении рыбаков богатым уловом [Марийцы 2013, 307]. У марийцев и ныне жива традиция общения с водой [Степанова 2012, 47]. Респонденты обращаются к богам и духам леса и воды на марийском. Среди представителей старших когорт один респондент занимается сбором лекарственных трав и использует марийский в сакральной функции: «Травы люблю собирать. Когда собираю, разговариваю с травами. По-марийски» (№ 29, Ж., 53) (о широком использовании трав в народной марийской медицине см. [Марийцы 2013, 316–319]). Молодые респонденты, заходя в лес, даже в московском регионе обращаются к нему на марийском (в том числе и двоеверы). «По идее, по православному, если обращаться к Богу леса, это как бы к бесу обращаться. Но бывает, что я благодарю. Хотя нельзя так делать по православному. Но у меня бывает такое» (№ 73, М., 38). «Эти слова

[Яковлев 1887, 31]. Это убеждение привело к тому, что респондент посещает предполагаемые сакральные места на малой родине, однако от посещения общих с луговыми молений воздерживается.

⁷ В случае возрождения иврита религиозный фактор был центральным [Edwards 2009, 110].

– это обращение к Богу леса. Банальные слова, чтоб найти побольше ягод, чтоб не заблудиться. Я на рыбалке к Богу воды обращаюсь. Вот, давайте, допустим, чтоб все хорошо прошло, чтобы рыбалка была, чтобы рыба клевала» (№ 70, М., 28). Вода служит источником жизни, большим грехом считается осквернять водный источник [Тойдыбекова 1997, 61], мари стараются соблюдать заветы предков. «Воду не засорять. Не плевать на землю – это то же самое что плевок твоей матери. Это очень мне близко. Или, например, нельзя просто так в лесу выпить водички, нужно обязательно кинуть туда хотя бы маленький листочек, сказать: «Я дарю тебе листочек, чтобы ты позволил мне выпить воду». Ну это я вам по-русски говорю. А так, конечно, на марийском, абсолютно в лесу. Мы, например, недавно ходили собирать грибы, в подмосковный лес. Я зашла и как-то на подсознательном уровне сразу произнесла: «*Кожла юмо!*» Бог леса, чтобы он мне помог собрать ягоды» (№ 53, Ж., 30).

Эти традиции передаются в семье и подкрепляются собственным примером. «Мама нас учила, когда к речке, ручью спускаешься, всегда нужно сказать молитвы. Обязательно. Всегда умывались. Всегда благодарили. Даже когда в лес заходили – молились. Определенные молитвенные слова говорили. Лесу поклонялись, хозяину леса, в переводе на марийский язык *Авайнур*. *Авай* – мама. *Ачай* – папа, *нур* – лес. Мы всегда поклонялись, чтобы наши лукошки, ведра, корзиночки были наполнены. Свои молитвы. Сейчас я тоже некрещеная. Обязательно обращаюсь к лесу, воде. Я удивлялась: мама нас всегда будила в шесть утра, мы быстренько завтракали и в лес. И мы часов в десять возвращались. Люди говорили, что в лесу грибов и ягод нет, а мы всегда возвращались с полными ведрами. Почему? А потому что мы, как говорила мама, ходили с утра, просили у Бога, у леса, дары и возвращались. И мы, правда, заходили в лес – и мы всегда собирали. И мы же раньше детьми этого не понимали! А сейчас начинаем осознавать все эти действия. Я то же самое рассказываю сыну. Он вначале не слушал, смеялся: «Ну, мам, сказки!». А сейчас он начинает осознавать. Или, может, он видит во мне эти действия. Да, оказывается, все так!» (№ 48, Ж., 51). «Потому что родители так делали, ну и что-то внутри такое есть, наверное, что хочется так делать. Вот смотрите – что-то есть. Что-то в воде, что-то в лесе, ну что-то есть, мне кажется. Стараюсь максимально аккуратно вести себя в лесу. То есть опять-таки если мы выезжаем на пикники, все убираем за собой» (№ 70, М., 28). «Мое отношение больше мистическое все равно, потому что привыкли мы, что у воды есть боги, у огня есть боги, у травы, хоть у чего угодно. И, собственно, это не дань даже, это как уважение. Ты показываешь свое уважение» (№ 53, Ж., 30).

Важное место в культовой практике мари занимало почитание предков. Умершим приписывалась сила, тождественная силе богов [Смирнов 2014, 145]. Они не прерывали связь с родственниками, периодически навещали их и могли оказывать помощь в повседневных делах или в случае невнимания к ним – нанести вред. Для того чтобы предотвратить нежелательное вмешательство умерших, следовало периодически их поминать [Марийцы 2013, 291]. Причитания с подробным текстом молитв приводятся в [Яковлев 1887: 69–74], причем наряду с ключевым *шужо* (да дойдет до тебя, пусть удовлетворит вас) в луговом марийском приводится горномарийский вариант (*шожа*). Примечательно, что в выборке ни один горномариец не указал на такой случай использования языка, тогда как среди луговых марийцев эта традиция жива. «А осенью у нас делают эти праздники. В каждой семье поминают. Я уже в октябре вижу сны. Родителей, тетю вижу. Я потом что-нибудь варю, готовлю. Потом сяду за стол и говорю: «Мама, вот *шужо*». Чтобы дошла до вас моя еда. До вас чтобы дошло. *Шужо*, не ругайте меня, не сердитесь на меня! Я приеду! Вы знаете, я обязательно приеду. Только не ругайте. Пока ходите туда, там у нас много родственников. К ним ходите, только не обижайтесь». Потом что-нибудь если готовлю, если я даже про маму, иногда бывает так, что я забыла, не вспоминаю, что ли. Чай пью или супчик готовлю, я всегда: «*Шужо*, мама, отец, чтобы дошло. Ну вот, бабушка, дедушка, чтобы до вас дошло». Если вот такое слово я забываю, меня как будто кто-то по рукам бьет, у меня или хлеб или что – падает» (№ 22, Ж., 51).

Очевидно, что сохранение традиционной религии среди луговых и восточных мари (в отличие от горномарийцев в выборке) способствует более активному использованию этнического языка в сакральной функции в ритуально-обрядовой системе.

Заключение

Выборка во втором поколении диаспоры составила шесть человек. Слабая репрезентативность объясняется в большей мере тем, что члены диаспоры второго поколения являются *русскими марийцами, марийцами без языка* (в марийском языке бытуют выражения *марий ватын руш удыржө* (другой вариант — *мари куван руш удыржө*) — «русская дочка марийской женщины») и *марий ватын*

руи эргыже («русский сын марийской женщины»), следовательно, с утратой языка происходит постепенная смена этнической идентичности [Куцаева 2020б: 145].

Результаты, полученные во втором поколении диаспоры (респонденты идентифицируют себя в качестве этнических мари) относительно сохранности этнической культуры в диаспорных условиях, свидетельствуют о том, что постепенно видоизменяется или вовсе утрачивается этнокультурная составляющая их идентичности ввиду угасания этнического языка [Куцаева 2021в: 18]. В выборке один из шести опрошенных посещал священные рощи (другой – слышал рассказы отца о том, что бабушка была язычницей, остальные являются православными или некрещеными, но ходят в храм). Респондент в осознанном возрасте начал самостоятельно изучать марийский («у родителей не было таких приоритетов, но марийский – мое наследие»), посещает рощи. Слова молитв глобально считает доступными, размышляя об этом, провел аналогию с марийской песней: «Я даже когда марийскую песню слушаю, мне кажется, некоторые эмоции, если ее перевести, – то есть это можно только прочувствовать. Только на марийском это можно понять» (№ 62, М., 29). Эту связь подчеркивал Дж. Фишман: огромные пласты культуры выражаются и реализуются посредством языка, с которым эта культура традиционно ассоциировалась; эта связь настолько тесная, что для тех, кто изучал их на языке оригинала, в переводе они не имеют того же вкуса, очарования, магии, ассоциаций и воспоминаний [Fishman 1991, 24].

Таким образом, необходимо прежде всего *владение* этническим языком для его полноценного использования в сакральной функции. Вымывание этнического языка из языковых биографий респондентов приводит к угасанию традиционной веры как элементу духовной культуры опрошенных. Однако конструирование этнической идентичности и связанные с ним духовные поиски могут способствовать пробуждению интереса к изучению марийского и выступать в качестве одного из оснований для ревитализации языка, в том числе среди новых носителей марийского в диаспоре.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградова С. О. Современная ситуация межконфессиональных отношений русской православной церкви и марийской традиционной веры // Финно-угроведение, 2018. № 59. С. 45–48.
- Исхаков Р. Р. Обращение в православие и христианизация марийцев-язычников в 1830–1913 гг. // Финно-угроведение. 2018. № 59. С. 5–18.
- Куцаева М. В. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции. М., 2020а. С. 104–111.
- Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020 б. № 2. С. 124–150.
- Куцаева М. В. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021а. Вып. 4 (34). С. 58–72.
- Куцаева М. В. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // Этническая культура. 2021б. 3(№ 4). С. 6–21.
- Куцаева М. В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона // Урало-алтайские исследования. 2022. № 1 (44). С. 116–153.
- Лобазова О. Ф. Религиоведение. М., 2005. 384 с.
- Марийцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. 482 с.
- Молотова Н. В. Особенности современной культовой практики марийцев Татарстана // Национальная культура в социальном пространстве и времени. – Йошкар-Ола, 2019. С. 323–328.
- Попов Н. С. Күсото – национальный символ мари // Күсото. Святая роща. Йошкар-Ола, 2012. С. 9–27.
- Попов Н. С. К истории возрождения марийских традиционных молитв в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность). Йошкар-Ола, 2002. Вып. 26. С. 92–120.
- Резолюция Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения Марийской Традиционной Религии» (г. Йошкар-Ола, 25.06.2020) // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 145–147.
- Садиков Р. Р. Конфессиональные процессы среди марийцев Башкирии (история и современность) // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 177–183.
- Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.
- Смирнов И. Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Йошкар-Ола, 2014. 304 с.
- Степанова И. Күсото. Святая роща. Йошкар-Ола, 2012. 196 с.
- Съезды народа мари. 1917 – 2004. Йошкар-Ола, 2008. 832 с.
- Таймасов Л. А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. 523 с.

- Тойдыбекова Л. С. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсуу, 1997. 397 с.
Торчинов Е. Опыт запредельного: религии мира. СПб., 2021. 576 с.
Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола, 2019. 303 с.
Яковлев Г. Я. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. 87 с.
Dorian N. C. Western language ideologies and small-language prospects // Grenoble L., Whaley L. (eds.)
Endangered languages: languages loss and community response. Cambridge University press, 1998. P.3–21.
Edwards J. Multilingualism. Routledge, 1994. 256 p.
Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters, Clevedon, 1991. 431 p.
Grenoble L. A. Why Revitalize? Introduction // Olko J., Sallabank J. (eds.). Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 9–22.
Joseph J. E. Language and Identity: National, Ethnic, Religious – Palgrave Macmillan, 2004. 268 p.

Поступила в редакцию 28.10.2022

Куцаева Марина Васильевна
кандидат филологических наук
научный сотрудник группы финно-угорских языков
отдела урало-алтайских языков
ФГБУН Институт языкознания РАН
125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

M. V. Kutsaeva

**"FAITH AND LANGUAGE ARE OUR GENETIC CODE":
A SACRED FUNCTION OF MARI IN THE CONDITIONS OF INTERNAL DIASPORA**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-331-342

The article presents the results of a sociolinguistic survey conducted by the author in Moscow region Mari diaspora, aimed at describing the functioning of an ethnic language. Despite a limited number of domains of use, the Mari language has various functions in the internal diaspora. The present article deals with a sacred one. There is no confessional unity among the Mari people: Hill Maris are Orthodox, Meadow Maris are mainly dual believers, Eastern Maris preserve Mari traditional beliefs. In the sample, 36% of respondents (Meadow and Eastern Maris, cf. Hill Maris who only *heard* about the partial use of Mari in liturgy in their small homeland) actively use Mari as a language of religion. Traditional religious services in Mari are not only in the respondents' small homeland, but also in Moscow, where regular prayers are held on the initiative of *karts* (Mari priests). 24% of respondents (Meadow and Eastern) use Mari in a sacred function in everyday life, keeping in touch with the ritual culture. In the second generation of diaspora, due to a weak intergenerational transmission of the ethnic language, the use of Mari as a language of religion is fading. The lack of the ethnic language in linguistic biographies of respondents leads, among other things, to the extinction of traditional faith as an element of spiritual culture. However, the construction of ethnic identity and related spiritual searches contribute to raising language-awareness among new speakers and is a factor of revitalization movement in the diaspora.

Keywords: Mari language, ethnic language, sacred function of language, internal diaspora, Moscow region, Mari traditional religion, Orthodoxy, Orthodox-pagan syncretism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 331-342. In Russian.

REFERENCES

- Vinogradova S. O.** *Sovremennaja situacija mezhhkonal'nyh otnoshenij russkoj pravoslavnoj cerkvi i marijskoj tradicionnoj very* [Current situation of interfaith relations of Russian Orthodox Church and Mari traditional religion]. Finno-ugrovedenie, 2018, no. 59, pp. 45–48. In Russian.
Iskhakov R. R. *Obrashhenie v pravoslavie i hristianizacija marijcev-jazychnikov v 1830–1913* [Conversion to Orthodoxy and Christianization of Mari pagans in 1830–1913] // Finno-ugrovedenie, 2018, no. 59, pp. 5–18. In Russian.

Kutsaeva M. V. *Ob opyte sociolingvističeskogo obsledovanija v marijskoj diaspore moskovskogo regiona* [On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari diaspora group]. *Malje yazyki v bolshoi lingvistike* [Small languages in big linguistics]. A collection of papers. Moscow, 2020a, pp. 104–111. In Russian.

Kutsaeva M. V. *Marijcy Moskvy: etničeskaja identičnost' i jazykovaja lojal'nost' v uslovijah vnutrennej diaspory* [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty]. *Rodnoj jazyk. Lingvističeskij žurnal* [Native language. Linguistic journal], 2020b, no. 2, pp. 124–150. In Russian.

Kutsaeva M. V. *Funkcii etničeskogo jazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona* [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of Moscow region]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021a, no. 4 (34), pp. 58–72. In Russian.

Kutsaeva M. V. *Moskovskie marijcy: etničeskaja kul'tura v uslovijah vnutrennej diaspory* [Moscow Mari: ethnic culture in the internal diaspora]. *Etničeskaja kul'tura* [Ethnic culture], 2021b, no. 3(№ 4), pp. 6–21. In Russian.

Kutsaeva M. V. *Jazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona* [Language biographies of representatives of the Maris of Moscow region]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai studies], 2022, no.1 (44), pp. 116–153. In Russian.

Lobazova O. F. *Religiovedenie* [Religion studies]. Moscow, 2005. 384 p. In Russian.

Marijcy. Istoriko-jetnografičeskie očerki [Maris. Historical-ethnographic outlines], Yoshkar-Ola, 2013. 482 p. In Russian.

Molotova N. V. *Osobennosti sovremennoj kul'tovoj praktiki marijcev Tatarstana* [Peculiarities of current ritual practices of Maris of Tatarstan]. *Nacional'naja kul'tura v social'nom prostranstve i vremeni* [National culture in social space and time]. Yoshkar-Ola, 2019, pp. 323–328. In Russian.

Popov N. S. *Kÿsoto – nacional'nyj simvol mari* [Kÿsoto, a national Mari symbol]. *Kÿsoto. Svjataja roshha* [Kÿsoto. A sacred grove]. Yoshkar-Ola, 2012, pp. 9–27. In Russian.

Popov N. S. *K istorii vozrozhdenija marijskih tradicionnyh molenij v konce XX veka* [The history of Mari traditional prayers revival at the end of XX c.]. *Etničeskaja kul'tura marijcev (tradicii i sovremennost')* [Mari ethnic culture (traditions and modernity)]. Yoshkar-Ola, 2002, vol. 26. pp. 92–120. In Russian.

Rezolucija Mezhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii «Aktual'nye voprosy izučeniya Marijskoj Tradicionnoj Religii» (Yoshkar-Ola, 25.06.2020) [Resolution of Transregional scientific-practical conference «Major Aspects of Mari Traditional Religion Study» (Yoshkar-Ola, June 25, 2020)]. *Finno-ugrovedenie*, 2020, no. 61, pp. 145–147. In Russian.

Sadikov R. R. *Konfessional'nye processy sredi marijcev Bashkirii (istorija i sovremennost')* [Confessional processes among the Mari people of Bashkiria (history and modernity)]. *Finno-ugrovedenie*, 2020, no. 61, pp. 177–183. In Russian.

Sepeev G. A. *Istorija rasselenija marijcev* [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006. 200 p. In Russian.

Smirnov I. N. *Cheremisy: ist.-jetnogr. očerki*. Yoshkar-Ola, 2014. 304 p. In Russian.

Stepanova I. *Kÿsoto. Svjataja roshha* [Kÿsoto. A sacred grove]. Yoshkar-Ola, 2012. 196 p. In Russian.

S'jezdy naroda mari. 1917 – 2004 [Mari congresses. 1917 – 2004]. Yoshkar-Ola, 2008. 832 p. In Russian.

Tajmasov L. A. *Pravoslavnaja cerkov' i hristianskoe prosveshhenie narodov Srednego Povolzh'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Orthodox Church and Christian Enlightenment of the peoples of the Middle Volga region in the second half of the XIX – early XX cc.]. *Cheboksary*, 2004. 523 p. In Russian.

Tojdybekova L. S. *Marijskaja jazyčeskaja vera i etničeskoe samoznanie* [Mari pagan faith and ethnic identity]. Joensuu, 1997. 397 p. In Russian.

Torchinov E. *Opyt zapredel'nogo: religii mira* [Experience of the Beyond: religions of the world]. SPb, 2021. 576 p. In Russian.

Shkalina G. E. *Svjashennyj mir marijskij* [Sacred Maru world]. Yoshkar-Ola, 20019. 303 p. In Russian.

Yakovlev G. Y. *Religioznye obrjady cheremis* [Cheremis religious rites]. Kazan, 1887. 87 p. In Russian.

Dorian N. C. *Western language ideologies and small-language prospects* // Grenoble L., Whaley L. (eds.) *Endangered languages: languages loss and community response*. Cambridge University press, 1998. P.3–21. In English.

Edwards J. *Multilingualism*. Routledge, 1994. 256 p. In English.

Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. *Multilingual Matters*, Clevedon, 1991. 431 p. In English.

Grenoble L. A. *Why Revitalize? Introduction* // Olko J., Sallabank J. (eds.). *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*. Cambridge University Press, 2021. P. 9–22. In English.

Joseph J. E. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious* – Palgrave Macmillan, 2004. 268 p. In English.

Received 28.10.2022

Kutsaeva Marina Vasilevna

Candidate of Philological Sciences

Researcher of the group of Finno-Ugric languages

Department of Ural-Altai languages

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

1/1, Bolshoi Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

**РЕЧЕВОЙ КОРПУС ВЕПКАР КАК ИНСТРУМЕНТ
СОХРАНЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ КАРЕЛИИ¹**

Статья посвящена описанию Речевого корпуса прибалтийско-финской речи, созданного на платформе «Открытого корпуса вепского и карельского языков» (ВепКар), его архитектуре и возможностям. Разработанный сотрудниками Института языка литературы и истории (ИЯЛИ) и Института прикладных математических исследований (ИМПИ) Речевой корпус представляет собой собрание звучащих текстов на разных диалектах карельского и вепского языков, снабженных транскрипцией, разметкой и переводом на русский язык, а также необходимые для работы поисковые фильтры (поиск по языку/диалекту, месту и году записи, информанту и собирателю, источнику). Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего развития корпуса ВепКар, широко востребованного как в научных исследованиях, так и в процессе развития литературных форм карельского и вепского языков. Применение современных технологий и методик к накопленному на протяжении многих десятилетий полевому материалу в совокупности с новейшими данными позволит восполнить целый ряд лагун, выявленных лингвистами в данной системе ранее. Для наполнения корпуса аудиозаписями карельской и вепской речи исследователи используют три основных источника: аудиокolleкции Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, аудиозаписи передач на ливвиковском наречии карельского языка, а также полевые материалы авторов, записанные в ходе экспедиций. Научная новизна обоснована недостатком речевых корпусов прибалтийско-финских языков. Цифровизация архивных и полевых аудио-образцов карельской и вепской речи в формате Речевого корпуса в дальнейшем сможет упростить обработку и хранение материалов, позволит ввести в научный оборот и представить в открытый доступ уникальные аудиоматериалы, отражающие состояние карельских и вепских диалектов начиная с середины прошлого столетия.

Ключевые слова: Речевой корпус, вепский язык, карельский язык, корпусная лингвистика, аудио-образцы, разметка текста.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-343-351

Введение

Начавшееся десятилетие (2022–2032 гг.) названо в мире Десятилетием языков коренных народов, которое, в первую очередь, сосредоточено на правах носителей языков коренных народов. Для сохранения языкового богатства и последующего изучения языков коренных народов создаются лингвистические корпуса.

В мире существует большое количество лингвистических корпусов. К наиболее известным в мировом масштабе относятся: Национальный корпус русского языка [НКРЯ], Британский национальный корпус [БНК], Чешский национальный корпус [ЧНК]. Известны три наиболее крупных корпуса финно-угорских языков: Языковой банк Финляндии [ЯБФ], Сводный корпус эстонского языка [СКЭЯ] и Венгерский национальный корпус [ВНК]. Среди корпусов финно-угорских республик России можно выделить Национальный корпус удмуртского языка [НКУЯ], Корпус лугового марийского языка [КЛМЯ], Корпус коми-зырянского [ККЗЯ] и Коми-пермяцкого языков [ККПЯ] и т. д. В условиях цифровизации научного знания языковеды ИЯЛИ КарНЦ РАН совместно с исследователями ИМПИ в 2016 году занялись разработкой нового направления: созданием интернет-ресурса «Открытый корпус вепского и карельского языков» [ВепКар]. Корпус ВепКар является многофункциональным, т. к. содержит большое количество инструментов, позволяющих языковедам успешно использовать этот ресурс в своих исследованиях. В настоящее время размещено более 4,1 тыс. текстов на 46 диалектах карельского и вепского языков, словари и компьютерные программы для обработки, поиска и представления данных. Основу корпуса составляют письменные тексты различных жанров и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК) проект № 22-28-20215 «Создание речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии».

типов, созданных начиная с XIX столетия [Бойко 2021, 103, Krizhanovskaya 2022, 48]. В корпусе в настоящее время также организована удобная система поиска, которая помогает отфильтровать тексты не только по языковой или стилистической, но и по диалектной принадлежности, или, например, по информанту, собирателю или автору, году записи или году публикации (рис. 1). Поиск лемм возможен по диалектам, частям речи, грамматическим признакам и даже по лексико-семантическим категориям [Крижановский 2019, 289; Воуко 2022, 37;]. Таким образом, ВепКар стал основной базой для исследования прибалтийско-финских языков Северо-Запада России.

Однако одних лишь текстовых данных недостаточно для проведения качественных фонетических исследований с применением современных программ обработки и анализа речи. В связи с этим в 2022 году исследователи ИЯЛИ и ИПМИ приступили к работе над созданием Речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии.

В процессе исследования использовались теоретические **методы** исследования (ознакомление с материалом, оценка основательности предположения), методы корпусной лингвистики, лексикографии, лингвистической географии. Собранный материал анализируется с использованием преимущественно сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов. Отсутствие хронологических рамок при отборе материала позволяет проводить диахронические исследования языков корпуса.

При проведении исследования использовались теоретические источники [Бойко 2021; Зайцева 2012; Крижановский 2019; Кузнецова 2019; Новак 2021; Родионова 2022; Воуко 2022; Krizhanovskaya 2022]. Для наполнения корпуса аудиозаписями карельской и вепсской речи исследователи привлекают материалы Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН [ФА], в том числе опубликованные и изданные в образцах карельской речи [Баранцев 1978; Макаров 1969; Näytteitä karjalan kielestä 1994], аудиозаписи передач на ливвиковском наречии карельского языка, а также полевые материалы авторов, записанные в ходе экспедиций.

Речевой корпус прибалтийско-финских языков Карелии

Ситуация, в которой пребывают прибалтийско-финские языки Карелии, можно назвать тревожной. Численность носителей карельского языка, являющегося языком титульной нации республики, и вепсского – языка коренного малочисленного народа Российской Федерации – стремительно сокращается из года в год. Кроме этого, для вышеназванных языков характерно сужение языкового пространства, поскольку говоры постепенно уходят вместе с деревнями, а молодому поколению преподаются нормированные варианты языков. При этом именно говоры способствуют сохранению национально-культурной идентичности народа.

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН является ведущим российским центром исследования прибалтийско-финских языков России, традиции которого заложены еще основателем современного российского финно-угроведения Д. В. Бубрихом. Начиная с 1940-х годов [Кузнецова 2019, 185] накоплен обширный полевой материал, проведены исследования главных параметров прибалтийско-финских языков Карелии на всех языковых уровнях и выявлены их основные «лакуны». В Фонограммархиве института хранится 450 часов вепсских и около 3000 часов карельских записей [ФА]. Работа по сбору диалектного материала продолжается и в настоящее время.

Цифровизация архивных аудио-образцов карельской и вепсской речи не только упрощает обработку и хранение материалов, но также позволяет ввести в научный оборот и представить в открытый доступ уникальные аудиоматериалы, отражающие состояние карельских и вепсских диалектов начиная с середины прошлого столетия. Именно аудиокolleкции ФА стали одним из основных источников для наполнения корпуса аудиозаписями карельской и вепсской речи. Исследователи определили список говор карельского и вепсского языков для дальнейшего отбора аудиоматериалов с целью их переноса в Речевой корпус. Была поставлена задача максимально полно представить все многообразие живой и утраченной прибалтийско-финской диалектной речи не только в Республике Карелия, но также в Мурманской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской и Тверской областях. Решение расширить границы проекта до Северо-Запада Российской Федерации было принято в связи с тем, что носители карельского и вепсского языков проживают за пределами республики, и их говоры представляют собой не меньшую ценность для решения проблем карельской и вепсской диалектологии. В настоящий момент уже проанализированы материалы тверских и людиковских аудиокolleкций ФА, а именно выявлены населенные пункты, в которых производились записи; все записи были распределены по годам; отмечено наличие оцифрованных копий и расшифровок для отдельных

кассет; произведено их сопоставление с опубликованными образцами речи; все выявленные записи распределены по диалектам [Новак 2021, Родионова 2022].

№	Язык	Диалект	Подкорпус	Жанр	Заголовок	Перевод
1	вепсский	Средневепсский западный	диалектные тексты	бытовой рассказ	Maria Košeleva. <i>Kut leib tehtihe</i>	Кошелева Мария. Как хлеб заготовливали
2	карельский: ливвиковское наречие	Новописьменный ливвиковский	художественные тексты		Nikolai Karpin. <i>Vala vai, Vasle!</i>	

Рис. 1. Система поиска в Открытом корпусе вепсского и карельского языков

В настоящее время Речевой корпус пополнился аудиофрагментами, записанными в 1959–1990 годы на магнитофонные пленки: на кестеньгских, юшкозерских, подужемских, поросозерских, тихвинских, валдайских, весьегонских и толмачевских говорах собственно карельского наречия карельского языка, а также на северно- и средневепсских говорах. Кроме того, для наполнения Речевого корпуса были подобраны аудиозаписи, произведенные сотрудниками института уже в цифровом формате в 2003–2021 годы: керетьские, оулангские, кестеньгские, вокнаволоцкие, ребольские, паданские, толмачевские говоры собственно карельского наречия, средне-, южнолюдиковские и михайловские говоры людиковского наречия, а также южновепсские говоры.

Кроме материалов аудиоколлекций ФА Речевой корпус пополняется полевыми аудиозаписями, произведенными в местах компактного проживания карелов и вепсов, а также фрагментами аудиозаписей радиопередач на ливвиковском наречии карельского языка, подготовленными сотрудниками ГТРК «Карелия» на сяозерских, тулмозерских, ведлозерских, видлицких, коткозерских, рыпушкальских и некулских говорах. Для расшифровки аудиофрагментов был разработан набор транскрипционных символов. В его основу положены как упрощенная финно-угорская транскрипция, с одной стороны не перегружающая текст дополнительными диакритическими знаками, в чем нет необходимости при наличии аудиозаписей, а с другой, отражающая на письме важнейшие фонетические диалектные особенности устной речи, так и современные алфавиты новописьменных карельских и вепсских языков, что позволяет значительно расширить пользовательскую аудиторию создаваемого ресурса. Все аудиофрагменты Речевого корпуса переведены на русский язык, а также произведена их полная разметка, грамматическая (определены грамматические формы каждого слова текста) и семантическая (отмечены значения каждого слова текста). Помимо этого, выявлены основные фонетические диалектодифференцирующие черты, к которым следует отнести, в первую очередь, особенности систем восходящих нисходящих дифтонгов и переднеязычных щелевых согласных, конечную огласовку начальных и словоизменительных форм слов, особенности альтернативной системы согласных и др. В ходе морфологической разметки расшифрованных текстов были определены основные диалектные особенности грамматических систем карельских и вепсских говоров, к которым стоит отнести особенности падеж-

ных систем, отличия в количестве временных форм условного наклонения, особенности образования возвратных глагольных форм и пр. Семантическая разметка позволила выявить лексические междиалектные соответствия, т. е. были определены лексемы, имеющие в говорах отличное значение, или выявлены понятия, для именованя которых в говорах используются разные слова.

Проделанная работа позволила создать модуль «Речевой корпус» в котором представлены тексты корпуса, сопровождаемые аудиозаписями, а также необходимые для работы поисковые фильтры (поиск по языку / диалекту, месту и году записи, информанту и собирателю, источнику) (рис. 2).

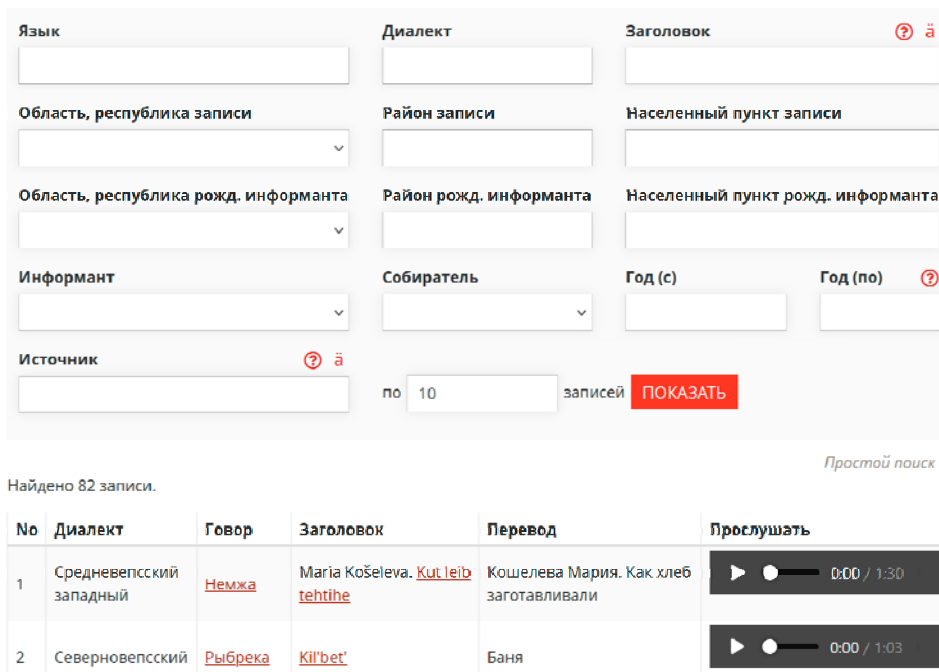

Рис. 2. Речевой корпус прибалтийско-финских языков Карелии

В настоящий момент Речевой корпус содержит более шестидесяти аудиофрагментов, длительностью от одной до трех минут, представляющих собой разнообразие карельской и вепсской устной диалектной речи. Особую ценность представляет фрагмент записи валдайской речи, единственный обнаруженный к настоящему времени (рис. 3).

Tullah kozimmiehet

подкорпус: диалектные тексты

информант(ы): Павлова Мария Егоровна, 1900, Марково, Валдайский р-н, Новгородская обл.
место записи: Марково, Валдайский р-н, Новгородская обл., г. записи: 1990
записали: Пунжина Александра Васильевна
источник: Слушаю карельский говор. Образцы речи дёржанских и валдайских карел / сост. Пунжина А.В., 2001, с. 180-181

Tullah kozimmiehet

Карельский: собственно карельское наречие Валдайский

- Kozittih milma kozimmiehet. Rista tuli. Ka šanou: "Kozimmiehet tullah." No ollä Kozittih, kozittih. A mie šanon tällä... "Seičas en lähe, vuuvveksi jätän." Jätin Ka vuotti, gul'aičči. I znakomči, gul'aičči hänenke kaikki. A šiid' tuli koziččoma Mie hänellä en otkaziin. Ei pidän i... srazu i nainun. A nyt, - šanou, - mid-

tulla VERB (1) возвращаться, заходить, приходить, прибывать, приезжать) индикатив, имперфект, 3 л., ед. ч., полож. ф.

Пунжина Александра Васильевна

Сваты приходят

Русский

ня сваты. Крестный пришел. И ты придут." Ну, пусть приходят ли, сватали. А я и говорю... Я час не пойду, на год оставлю." год. Вот ждал, гулял. я, гуляли с ним все. А потом аться, сосватал. Я ему не

Рис. 3. Пример страницы текста Речевого корпуса

Для облегчения работы пользователей с Речевым корпусом и для обеспечения возможности наглядного представления звукового материала была разработана мультимедийная аудио-карта говоров прибалтийско-финской речи Карелии и сопредельных областей (рис. 4).

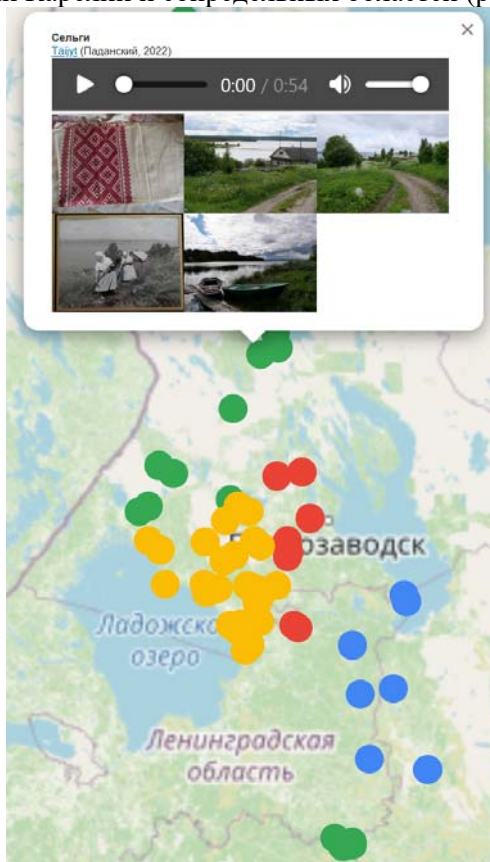

Рис. 4. Аудиокарта говоров прибалтийско-финской речи Карелии и сопредельных областей

На карте нашли отражение все подготовленные аудиофрагменты на ливвиковском наречии (ведлозерский, видлицкий, коткозерский, неккульский, рыпушкальский, сямозерский, тулмозерский диалекты), аудио-образцы на людиковском наречии (среднелюдиковский, южнолюдиковский и михайловский диалекты), на собственно карельском наречии (валдайский, весьегонский, вокनावолокский, дёржанский, керетьский, кестеньгский, оулангский, паданский, подужемский, поросозерский, ребольский, тихвинский, толмачевский, юшкозерский диалекты) и на вепском языке (северновепский, средневепский восточный, средневепский западный и южновепский диалекты). Работа над пополнением Речевого корпуса продолжится и в будущем, с целью представить все многообразие живой и утраченной прибалтийско-финской диалектной речи Карелии.

Заключение

Значимость Речевого корпуса связана с тревожной ситуацией, в которой пребывают прибалтийско-финские языки Карелии. Численность носителей карельского языка, являющегося языком титульной нации республики, и вепского – языка коренного малочисленного народа Российской Федерации – стремительно сокращается из года в год. Практическая значимость Речевого корпуса продиктована также постоянно возрастающим объемом запросов от общественных организаций, культурных объединений и рядовых граждан на обнаружение «местных» – на уровне говоров и диалектов – материалов на карельском и вепском языках. При этом заинтересованных граждан, работников культуры и национальную общественность, наряду с фольклорными произведениями и материалами этнографического и топонимического характера, в последние годы все чаще интересуют собственно языковые особенности родных населенных пунктов. Отметим, что в местах компактного проживания карелов и вепсов преподавание национальных языков в школе, обучение населения на языковых курсах, использование фольклорных и языковых элементов в туризме, музейном деле и т. д., за редким исключением, осуществляются на литературных формах карельского и вепского языков. С этой точ-

ки зрения Речевой корпус удовлетворит запросам граждан, заинтересованных в изучении и сохранении именно местных форм языка и культуры. Актуальность запланированных нами исследований определяется не только их собственно научной составляющей, но и востребованностью практики языкового строительства, а также необходимостью сохранения диалектов карельского и вепского языков. Достижение поставленных целей будет способствовать как поддержанию жизнеспособности, популяризации и повышению грамматического потенциала новописьменных карельского и вепского языков, так и ревитализации и поднятию престижа диалектов этих прибалтийско-финских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранцев А. П.* Образцы людиковской речи (образцы корпуса людиковского идиолекта) / А. П. Баранцев. Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.
- Бойко Т. П.* Лингвистический корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии / Бойко Т. П., Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А., Новак И. П., Пеллинен Н. А., Родионова А. П., Трубина Е. Д. // Труды КарНЦ РАН. – 2021. – № 7. – С. 100-115
- БНК – Британский национальный корпус: URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 18.11.2022).
- ВепКар – Открытый корпус вепского и карельского языков: URL: <http://www.dictopus.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 05.12.2022)
- ВНК – Венгерский национальный корпус: URL: http://mnsz.nytud.hu/index_eng.html/ (дата обращения: 16.11.2021).
- Зайцева Н. Г.* Вепские причитания в фокусе корпусной лингвистики и лингвофольклористики / Зайцева Н. Г. // Материалы ХLI Международной филологической конференции. 26-31 марта 2012 г. Секция «Уралистика». – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 16-26.
- Зайцева Н. Г.* Корпусная лингвистика в прибалтийско-финском исследовательском пространстве (на материале Корпуса вепского языка и Открытого корпуса вепского и карельского языков) / Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – 2018. – Выпуск 3. – С. 264-273.
- ККЗЯ – Корпус коми-зырянского языка: URL: <http://komi-zyrian.webcorpora.net/> (дата обращения: 16.11.2022)
- ККПЯ – Корпус коми-пермяцкого языка: URL: <http://komi-permyak.web-corpora.net/> (дата обращения: 16.11.2022)
- КЛМЯ – Корпус лугового марийского языка: URL: <http://meadow-mari.web-corpora.net/> (дата обращения: 16.11.2022).
- Крижановский А. А.* Представление диалектов в Открытом корпусе вепского и карельского языков (ВепКар) / Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Новак И. П. // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2019». СПб, 2019. С. 288-295.
- Кузнецова В. П.* Формирование фондов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, проблемы их сохранения и систематизации / Кузнецова В. П. // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. С. 185-192.
- Макаров Г. Н.* Образцы карельской речи / Г. Н. Макаров, В. Д. Рягов. Ленинград: Наука, 1969. 283 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка: URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.11.2022).
- НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка: URL: <http://udmcorpus.udman.ru/> (дата обращения: 16.11.2022).
- Новак И. П.* Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН / Новак И. П. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 41–51.
- Родионова А. П.* О коллекциях людиковских диалектных материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН / Родионова А. П. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022 Т. 44, № 7 С. 64–70
- СКЭЯ – Сводный корпус эстонского языка: URL: <https://www.cl.ut.ee/korpused/segakorpus/index.php?lang=en/> (дата обращения: 16.11.2022).
- ФА – Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН: URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 16.11.2022).
- ЧНК – Чешский национальный корпус: URL: <https://www.korpus.cz/> (дата обращения: 17.11.2022).
- ЯБФ – Языковой банк Финляндии: URL: <https://www.kielipankki.fi/aineistot/ftc/> (дата обращения: 16.11.2022).

Boyko Tatyana. The Open corpus of the Veps and Karelian languages: overview and applications / Boyko Tatyana, Zaitseva Nina, Krizhanovskaya Natalia, Krizhanovsky Andrew, Novak Irina, Pellinen Nataliya, Rodionova Aleksandra // KnE Social Sciences. –7(3). – 2022. – P. 29–40.

Krizhanovskaya, N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs / Krizhanovskaya, N., Novak, I., Krizhanovsky, A., Pellinen, N. Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, 13(2). 2022. P. 47–78.

Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи). Joensuu-Петрозаводск, 1994. 455 с.

Поступила в редакцию 29.05.2023

Родионова Александра Павловна

Кандидат филологических наук
научный сотрудник сектора языкознания
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: santrar@krc.karelia.ru, sashenka22@yandex.ru

Крижановская Наталья Борисовна

ведущий инженер-исследователь
лаборатории информационных
компьютерных технологий
Институт прикладных математических исследований
Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: nataly@krc.karelia.ru

Пеллинен Наталия Александровна

Кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
сектора языкознания
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: nataliapellinen@gmail.com

A. P. Rodionova, N. B. Krizhanovskaya, N. A. Pellinen

**VEPKAR SPEECH CORPUS AS A TOOL TO PRESERVE THE DIALECT SPEECH
OF THE BALTIC-FINNISH PEOPLE OF KARELIA**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-343-351

The article is devoted to the description of the Speech Corpus of the Baltic-Finnish Speech, created on the platform of the Open Corpus of the Vepsian and Karelian Languages (VepKar), its architecture and possibilities. The speech corpus was developed by the staff of the Institute for the Language, Literature and History and the Institute of Applied Mathematical Research. The corpus includes a collection of spoken texts in different dialects of the Karelian and Vepsian languages, provided with transcription, markup and translation into Russian. The corpus also contains search filters necessary for work (search by language/dialect, place and year of recording, informant and collector, source). The need to develop the VepKar corpus is very relevant, the corpus is in great demand both in scientific research and in the process of developing the literary forms of the Karelian and Vepsian languages. The use of modern technologies and methods, the field material accumulated over many decades and the latest data will make it possible to fill in a number of gaps that were previously identified by linguists in this system. Researchers use three main sources to fill the corpus with audio recordings of Karelian and Vepsian speech: audiocollections of the Phonogram Archive of the ILLH KRC RAS, audiorecordings of broadcasts in the Livvic dialect of the Karelian language, as well as field materials of the authors recorded during the expeditions. Scientific novelty is justified by the lack of speech corpora of the Baltic-Finnish languages. Digitization of archival and field audio samples of Karelian and Vepsian speech in the Speech Corpus format will further simplify the processing and storage of materials. It will also make it possible to introduce unique audio ma-

materials reflecting the state of the Karelian and Vepsian dialects since the middle of the last century into scientific circulation and make them available to the public.

Keywords: Speech corpus, Vepsian language, Karelian language, corpus linguistics, audio samples, text markup.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 343–351. In Russian.

REFERENCES

- Barantsev A. P.** *Obraztsy lyudikovskoy rechi (obraztsy korpusa lyudikovskogo idiolekta)* [Samples of Ludic's speech (samples of the corpus of Ludic's idiolect)]. Petrozavodsk: Karelia, 1978. 287 p. In Russian, In Karelian.
- Boyko T. P., Zaitseva N. G., Krizhanovskaya N. B., Krizhanovsky A. A., Novak I. P., Pellinen N. A., Rodionova A. P., Trubina E. D.** *Lingvisticheskiy korpus VepKar – «zapovednik» pribaltiysko-finskiy yazykov Karelii* [The linguistic corpus VepKar is a language refuge for the Baltic Finnish language of Karelia]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk.* [Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. 2021, 7. P. 100-117. In Russian.
- BNK – Britanskiy national'nyy korpus** [British national corpus]. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed November 11, 2022). In English.
- VepKar – Otkrytyy korpus vepsskogo i karel'skogo yazykov** [Open corpus of Vepsian and Karelian languages]. Available at: <http://www.dictopus.krc.karelia.ru/> (accessed December 05, 2022). In Karelian, In Vepsian, In Russian, In English.
- VNK – Vengerskiy natsional'nyy korpus** [Hungarian national corpus]. Available at: http://mnsz.nyud.hu/index_eng.html/ (accessed November 16, 2021). In Hungarian.
- Zaiceva N. G.** *Vepsskie prichitaniya v fokuse korpusnoj lingvistiki i lingvofol'kloristiki* [Vepsian lamentations in the focus of corpus linguistics and linguistic folkloristics]. *Materialy XLI Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii. 26-31 marta 2012 g. Sekciya "Uralistika"* [Materials of the XLI International Philological Conference. March 26-31, 2012 Section "Uralistics"]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2012. P. 16-26. In Russian.
- Zaiceva N. G., Krizhanovskaya N. B.** *Korpusnaya lingvistika v pribaltiysko-finskom issledovatel'skom prostranstve (na materiale Korpusa vepsskogo yazyka i Otkrytogo korpusa vepsskogo i karel'skogo yazykov)* [Corpus linguistics in the Baltic-Finnish research space (based on the Vepsian Language Corpus and the Veps and Karelian Open Corpus)] *Al'manakh severoevropejskikh i baltiyskikh issledovaniy* [Almanac of Northern European and Baltic Studies]. Issue 3, 2018. P. 264-273. In Russian.
- KKZJA – Korpus komi-zyrianskogo yazyka** [Corpus of Komi-Zyrian language]. Available at: <http://komi-zyrian.webcorpora.net/> (accessed November 16, 2022). In Komi.
- KKPJA – Korpus komi-zyrianskogo yazyka** [Corpus of Komi-Permian language]. Available at: <http://komi-permyak.web-corpora.net/> (accessed November 16, 2022). In Komi.
- KLMJA – Korpus lugovogo marijskogo yazyka** [Corpus of Meadow Mari language]. Available at: <http://meadow-mari.web-corpora.net/> (accessed November 16, 2022). In Mari.
- Krizhanovskij A. A., Krizhanovskaya N. B., Novak I. P.** *Predstavlenie dialektov v Otkrytom korpusse vepsskogo i karel'skogo yazykov (VepKar)* [Representation of dialects in the Open Corpus of Veps and Karelian languages (VepKar)]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Korpusnaya lingvistika – 2019»* [Transactions of the international conference "Corpus linguistics – 2019"]. SPb, 2019. P. 288-295. In Russian.
- Kuznetsova V. P.** *Formirovanie fondov Fonogrammarhiva IYALI KarNC RAN, problemy ih sohraneniya i sistematizacii* [Formation of the funds of Phonogram archive of the ILLH KRC RAS, problems of their preservation and sistematization]. *Kizhskij vestnik* [Kizhi's Bullenten]. 2017, 17. P. 185-192. In Russian.
- Makarov G. N., Ryagoyev V. D.** *Obraztsy karel'skoy rechi* [Samples of Karelian speech]. Leningrad: Nauka, 1969. 283 p. In Karelian.
- NKRJA – Natsionalnyy korpus russkogo yazyka** [Russian national corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed November 16, 2022). In Russian.
- NKUJA – Natsionalnyy korpus udmurtskogo yazyka** [National corpus of the Udmurtian language]. Available at: <http://udmcorpus.udman.ru/> (accessed November 16, 2022). In Udmurtian.
- Novak I. P.** *Kollektsiya tverskikh karelskikh dialektnykh materialov v fonogrammarhive IJALI KarNTS RAN* [Collection of Tver Karelian materials in the phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2021, 43(1). P. 41–51. In Russian.
- Rodionova A. P.** *O kollekciyah lyudikovskikh dialektnykh materialov Fonogrammarhiva IJALI KarNTS RAN* [Collection of the Ludic materials in the phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of Academy on Sciences]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2022, 44 (7). P. 64-70. In Russian.
- SKEJA – Svodnyy korpus estonskogo yazyka** [Consolidated corpus of the Estonian language]. Available at:

<https://www.cl.ut.ee/korpused/segakorpus/index.php?lang=en/> (accessed November 16, 2022). In Estonian.

FA – *Fonogrammarhiv IJALI KarNTS RAN* [Phonogram archive of the ILLH KRC RAS]. Available at: <http://phonogr.krc.karelia.ru/> (accessed November 16, 2022). In Karelian, In Vepsian, In Russian.

CHNK – *Cheshskij natsionalnyj korpus* [Czechian national corpus]. URL: <https://www.korpus.cz/> (accessed November 17, 2022). In Czechian.

YABF – *Yazykovej bank Finlyandii* [Language bank of Finland]. URL: <https://www.kielipankki.fi/aineistot/ftc/> (accessed November 16, 2022). In Finnish.

Boyko T., Zaitseva N., Krizhanovskaya N., Krizhanovsky A., Novak I., Pellinen N., Rodionova A. *The Open corpus of the Veps and Karelian languages: overview and applications. KnE Social Sciences.* 2022, 7(3). P. 29–40. In English.

Krizhanovskaya, N., Novak, I., Krizhanovsky, A., Pellinen, N. *Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs. Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics.* 2022, 13(2). P. 47–78. In English.

Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu-Petrozavodsk, 1994. 455 p. In Karelian.

Received 29.05.2023

Rodionova Alexandra Pavlovna

Candidate of Philology,
Research Associate in the Linguistic Section
Institute of Language, Literature and History
of Karelian Research Centre RAS.
11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: santrar@krc.karelia.ru, sashenka22@yandex.ru

Krizhanovskaya Natalya Borisovna

Leading Research Engineer of the Laboratory for
Information Computer Technologies
Institute of Applied Mathematical Research
of Karelian Research Centre RAS
11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: nataly@krc.karelia.ru

Pellinen Natalia Alexandrovna

Candidate of Philology
Junior Research Associate in the Linguistic Section
Institute of Language, Literature and History
of Karelian Research Centre RAS
11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: nataliapellinen@gmail.com

Фольклористика

УДК 398(=511.112):81'373(045)

В. П. Миронова

ОСОБЕННОСТИ КАРЕЛЬСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СУПРУЖЕСТВА И СВОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В настоящей статье рассматривается комплекс карельской терминологии супружества и свойства в контексте языковой картины мира. Объектом анализа послужили двуязычные, этимологические и сопоставительно-ономасиологический словари, а также фольклорные источники: фразеология, поговорки, карельские заговорные тексты, причитания, ёрги, свадебные песни рунического типа и лиро-эпические песни. В результате исследования были выявлены две группы терминов: исконно карельские (шире – прибалтийско-финские), а также позднее вытеснившие их русские заимствования. Бытование новой группы наименований родства и супружества обусловлено проходившими в Карелии социальными процессами: развитием карельско-русских связей, а также постепенной ассимиляцией карелов на территориях, находящихся в языковом пограничье. Для Северной Карелии характерно употребление исконно карельских наименований, тогда как в Южной Карелии карельские термины постепенно замещаются на русские заимствования. На основе анализа словарных материалов описана лексика супружества и свойства, определена их семантика и этимология, выявлен исконный и заимствованный характер слов. В качестве дополнительного источника привлечены фольклорные тексты, которые показали, что наряду с терминами, используемыми носителями языка в повседневной речи, широкое распространение получили табуированные наименования, выражаемые метафорами или устоявшимися формулами. Используемые в быденной речи, а также в контексте различных произведений устной народной поэзии номинации супружества и свойства или их описательные эквиваленты зачастую отражают характер отношений между различными членами семьи. Большая часть наименований обладает положительной коннотацией, однако встречаются термины, изначально наполненные негативным оттенком, иронией и пренебрежением.

Ключевые слова: карелы, карельский свадебный фольклор, поговорки, термины супружества и свойства, положительная и негативная оценка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362

Введение

Терминология супружества, родства и свойства становилась предметом изучения у широкого круга специалистов, занимающихся как русской [Бурыкин, Попов 2020], так многими другими национальными культурами, в том числе финно-угорскими [Андрианова 2010; Кривошекова 2007; Максимов 2019 и др.]. Однако до настоящего времени указанной лексике карелов не было уделено должного внимания. Между тем данная тематическая группа попутно рассматривалась этнографами в контексте описания семейных обрядов [Сурхаско 1985]. Некоторые ее аспекты были освещены при изучении терминологии женской социовозрастной стратификации [Литвин, Минвалеев 2021]. На протяжении многих лет термины супружества являлись предметом скрупулёзного лингвофольклористического анализа: номинации персонажей свадебных и похоронных обрядов, выявленных в причетных текстах, стали основой корпуса «Толкового словаря языка карельских причитаний», подготовленного А. С. Степановой [Степанова 2004], а также рассматривались в ряде научных статей этого же автора [Степанова 2003]. Схожие исследования были проведены учеными и по вепским материалам: были выявлены основные наименования членов семьи [Винокурова 2020], отмечен круг номинаций, характеризующих девушек и юношей добрачного периода [Зайцева, Жукова 2020].

В центре внимания настоящей статьи – терминология супружества и свойства, получившая бытование в традиционной культуре карелов. Материалами исследования стали двуязычные, этимологические и сопоставительно-ономасиологический словари, а также фольклорные источники: фразеология, поговорки, карельские заговорные тексты, причитания, ёрги, свадебные песни рунического типа и лиро-эпические песни. Анализ проведен на основе сравнительно-типологического и лингвофольк-

лористического методов. Комплексное изучение источников позволило определить круг используемых наименований данного типа и описать их специфику.

Термины родства в языковой картине мира карелов

Реализация концептов отец – мать

В карельской языковой картине мира супружеские и родственные отношения реализуются с помощью широкого спектра различных терминов. К числу наиболее архаичных именованных относятся карельские (шире – прибалтийско-финские) термины типа *isä* (ск.) / *ižä* (ливв.) – ‘отец’, *emä* – ‘мать’ (ск., ливв.), *antilas* (ск.) / *andilas* (ливв.) – ‘невеста’, *sulhani* (ск.) / *sulhoi* (ливв.) – ‘жених’, *isintimä* (ск.) / *ižindäm* (ливв.) – ‘отчим’ (производное от *isä*), *emäntimä* (ск.) / *emändim* (ливв.) – ‘мачеха’ (производное от *emä*).

С течением времени на территориях Южной Карелии¹, граничащих с русским населением, произошло частичное заимствование русской родственно-супружеской терминологии. В карелоязычной среде появились новые номинации, широко используемые наряду с исконно карельскими, типа *tuatto* – ‘отец’, *tuato* – ‘мать’, производные от них *tuatandim* (*tuatandam*) – ‘отчим’, *tuamandima* (*tuamandam*) – ‘мачеха’, *ženih* ‘h’y – ‘жених’, *neves* ‘ky – ‘невестка’.

Первоначально лексемы *isä* / *ižä* и *emä* имели несколько значений. Наиболее архаичная семантика наименований, на наш взгляд, закрепились в фольклорных текстах, например, в заговорах слова *isä* / *ižä*, и *emä* употреблялись при обращении к Богу и обозначали Небесного отца и Богоматерь: *Izä*, *emä*, *pyhähengi*, *poigu*, *ota paha voimatuz eäre* [KKS 1968, 462] – ‘Небесный Отец, Богоматерь, Святой дух, сын, забери болезнь’. В разговорной речи лексема *isä* / *ižä* обозначала отца, старшего мужчину в семье, хозяина дома.

Семантика слова *emä* несколько шире, помимо вышеуказанных понятий (мать и Богоматерь), данная лексема употреблялась при обозначении основной части какого-то предмета, к примеру, лодки: *emäpui* – ‘материнское дерево’; части невода: *emälaudui* – ‘доска-поплавок в устье невода’ [Макаров 1990, 48], части ограждения: *emoaita* – ‘центральная огороженная часть при выпасе оленей’, части корня растений: *emäjyuri* – ‘центральный корень’ [KKS 1968, 114]. Словом *emä* называли также мотню невода или прорубь, через которую тянули невод зимой, сиденье (донце) прялки, ствол дерева, большую чурку. В повседневной речи производные от лексемы *emä* могли обозначать дно посуды с крышкой – *emus*, лиф рубахи или платья, в некоторых случаях – нижнюю часть юбки – *emusta*, кусок кожи, из которой шили сапоги – *emäs* [SSA 1992, 104]. Таким образом, основное значение полисемантической лексемы *emä* заключается в описании главной, центральной, основной части по отношению к целому предмету или понятию.

Примечательно, что лексемы *isä* / *ižä* и *emä* или производные от них *ižäččy-emäččy*, *emakko-emäkkö* зачастую обозначали пол животного. С аналогичной семантикой они активно использовались в составе сложных слов, к примеру, *emäjanoi* – ‘зайчиха’, *emäkana* – ‘наседка’, *emäpyu* – ‘самка рябчика’ и т. д. [Макаров 1998, 48] или *isäsorsa* – ‘селезень’, *isätetri* – ‘тетерев’ и т. д.

В мифологических рассказах, заговорных текстах и фразеологии широкое бытование получила лексема *tuamemä* – ‘мать земля’, ‘прародительница’. Это образ хозяйки земли, к которой карелы обращались во время различных обрядов. К примеру, во время свадебного ритуала молодая жена просила у хозяйки земли принять ее в свой род: *Muamemä, kallis kandajoini, ota omakse armahakse täh kohtah!* [KKS 1983, 334] – ‘Хозяйка земли, дорогая, меня выносившая, прими своей любимой в это место’. Сходное наименование встречается и в заговорах, направленных на излечение болезней, полученных от различных природных стихий. К примеру, для исцеления от недуга почтительно обращались к хозяйке воды, называя ее *vienemut* – ‘Мать Воды’ [Иванова 2012, 442]. Об умершем человеке говорили *meni tualemah* – ‘умер’ (букв. ушел в землю-матушку) или *tualemassa makuaja* – ‘умерший человек’ (букв. спящий в земле-матушке). В повседневной речи сохранились выражения *tuamemä kaikkii keräy* – ‘все в землю лягут’ (букв. всех земля-матушка соберет) и противоположное

¹ К Южной Карелии относятся Прияжинский, Олонецкий, Кондопожский районы, на этих территориях говорят на ливвиковском наречии карельского языка. К Северной Карелии относятся Медвежьегорский, Калевальский, Муезерский, Беломорский районы, на этих территориях говорят на севернокарельском наречии карельского языка.

tuaemä ei priimi – ‘предан проклятью’ (букв. земля-матушка не приняла) [Федотова 2000, 25]. Лексемой *emut* обозначалось предчувствие человека о каком-то несчастье или болезни, равно как и о какой-то удаче: *No omat emuoh šillä on, aina še šattuu hyväh lykkyh* [KKS 1968, 114] – ‘Есть у тебя свое чутье, коль тебе все время везет’.

В карельской терминологии супружества широкое распространение получили производные от рассматриваемых слов *isäntä* (ск.)/*ižändy* (ливв.) в значении ‘хозяин, глава семьи, муж’ и *emäntä* (ск.)/*emändy* (ливв.) в значении ‘хозяйка, жена’ или ‘свекровь’: *Emändy sie oli ukkoh luo* [KKS 1968, 116] – ‘Хозяйка, жена там была со своим мужем’. Примечательно, что наименования карельских мифологических персонажей, хозяев/хозяек леса, воды, дома, бани и т. д. представляли собой словосочетание, главным словом которого была лексема *isäntä/ižändy* – ‘хозяин’ или *emändä/emändy* – ‘хозяйка’. К примеру, *vienemändy* – ‘хозяйка воды’, *vienižändy* – ‘хозяин воды’, *mečänemändy* – ‘хозяйка леса’, *mečänižändy* – ‘хозяин леса’ и т. д.:

<i>Terveh veinižändät,</i> <i>Terveh veinemändät,</i> <i>Terveh vein vallad vahnebat!</i>	Здравствуйте, хозяева воды, Здравствуйте, хозяйки воды, Здравствуйте, сильные старейшины воды. [Иванова 2012, 183].

В повседневной речи встречаются глаголы *emändöijä* – ‘стряпать’, *emändöijäkseh* – ‘вести хозяйство’, отражающие функции хозяйки дома, а также образованный от глагола субстантив *emändus* – ‘стряпня’.

Термины *isä/ižä* и *emä* получили широкое распространение как в повседневной речи, так и фольклорных текстах. В количественном отношении преобладают примеры с основой *emä*, что, вероятно, может свидетельствовать не только об архаичности самой лексемы, но и значении женского начала в традиционной культуре карелов.

Реализация концептов невеста - жених

Следующую группу терминологии супружества составляет пара невеста-жених. За невестой первоначально закрепился термин *antilas/andilas*, обозначающий просватанную девушку до свадьбы: *Antilaš ku jo oli kihloissa, še oli antilaš* [KKS 1968, 57] – ‘Андилас, если просватана, тогда ее называли андилас’. Этимология слова *antilas/andilas* восходит к глаголу *antaa* – ‘отдавать’, ‘давать, платить за что-то’ [SSA 1992, 77]. Таким образом, семантика слова отражает реальную картину свадебного обряда, *antilas/andilas* – это девушка, отданная жениху, «проданная» или обещанная ему за выкуп. После свадьбы, а в некоторых случаях уже и во время свадьбы невесту называли *mičoi* (ск., ливв.) или *moršien* (ск.) – ‘молодица’: *Moršiemekši (alettiin kutsua) kohta kun vain sorokka peäh pantih (häissä)* [KKS, 1983, 389] – ‘Молодицей стали звать, как только сороку² на голову наденут’. Указанные термины закреплялись за женщинами, у которых не было детей, даже после рождения сына ее называли *mičoi* или *morsien*. Только после рождения дочери женщину именовали *akka* – *акка* (‘женщина’). У северных карелов за молодой женой закрепился также термин *min'n'a*, данное слово этимологически связано с глаголом *mennä* – ‘идти’ [SSA 1995, 195], так называли девушку, покидающую свой род, дом. Таким образом, возникающий в ходе свадебного ритуала целый комплекс переходов способствовал появлению определенных наименований, характеризующих статус девушки от сватовства до рождения детей определенного пола. Однако со временем указанные термины вышли из употребления, и невесту могли называть русским заимствованием *nevestä*, только что вышедшую замуж девушку – *neves'ku* (ливв.), а жену или женщину в браке, имеющую детей – *акка*.

Аналогичные изменения своего социального статуса переживал и юноша, парень, что нашло отражение в терминах, закрепленных за ним. Жениха, как и молодого мужа, от момента сватовства до рождения дочери, называли *sulhaine/sulahaine*, *sulhoi*, говорили: *Mistä soitanda kuuluu, sieldä sulahane tulou* [SSA 2000, 211] – ‘Откуда слышен звук гармошки, оттуда и жених придет’. Термин *sulhaine* известен не только карелам, но и большей части прибалтийско-финских народов [СОС 2007, 284]. К примеру, у северных карелов так называли молодого мужа, а у финнов аналогичное наименование обозначало жениха. Наряду с указанной семантикой, у карелов за лексемой сохранилось значение миловидного мужчины, а производный глагол *sulhastaa* являлся маркером добрачного периода.

² Сорока – архаичный головной убор замужней женщины.

Наряду с этим как в фольклорных текстах, так и в обыденной речи употребляется термин *sulhaset* (ск.)/*sulhazet* (ливв.) – ‘женихи’: *Häneh käytiñ monet šulhaset* – ‘К ней многие женихи ходили’. Подобного рода понятия относятся к соционимам, обозначавшим коллективное имя сватающихся.

Свидетельств об изменениях наименований жениха, а позже мужа сохранилось немного. Лишь редкие фольклорные источники показывают, что после рождения дочери в семье мужа называли *ukko* – ‘укко’: *Ukko da päčči kuolendoa vast armastuu. Tyttären ku soannoo, sid mičoi akaks, sulhain ukoks menöy* [KKS 2005, 399] – ‘Муж и печка лучше становятся перед смертью. Дочь если родится, тогда мучой станут звать акка, а мужа – укко’.

Наряду с карельским термином в обыденной речи закрепилось и заимствованное из русского языка слово *senihh'a* (ск.)/*ženihhy* (ливв.): *Konža koziččou, šilloin šanotah brihoa ženihhä* [KKS 1997, 335] – ‘Когда сватает, тогда парня женихом называют’; *Briha ottamah vai lähtöö, dai ženihh'a* [KKS 1997, 335] – ‘Парень как свататься поехал, уже жених’. В некоторых случаях женихом называли бо-быля, т. е. мужчину, не нашедшего себе пару и на долгое время оставшегося в статусе жениха.

Примечательно, что в текстах, приуроченных к свадебному обряду³, жениха и невесту, а также их родителей (отца и мать) представляют посредством устоявшихся описательных формул, синонимических слов и выражений. Их возникновение опирается на существование в карельской (шире – прибалтийско-финской) традиции запрета на упоминание имя или обозначение родства. В состав этих формул входили метафоры, оценочные эпитеты, отглагольные имена, указывающие на основные функции персонажей. К примеру, в причетной традиции мать представлялась как вырастившая, носившая, качающая, выпестовавшая свое дитя: *aikojaiseni* – ‘моя [меня] создавшая [вырастившая]’, *luatijaiseni* – ‘моя [меня] сделавшая, создавшая’ и т. д. [Степанова 2004, 17-24]. Отец изображался как хороший, красивый, милостивый: *armas hyväseni* – ‘мой милый хороший’, *viekaš hyväseni* – ‘мой мудрый хороший’, *lempi armoseni* – ‘мой любимый милостивый’ и т. д. [Степанова 2004, 42-46].

Аналогичные наименования матери и отца встречаются в текстах карельских ёйг [Карельские ёйги 1993, 218-220].

*Ta pitäis vet tullai kukla kuvua myöten kuvuajaisella,
Vet on kuvuajaisen kovuan kulkija
Hyvin kukkahilla töillä.
Ka še vet on valkie hyväsen vaipuvulla akäpuolella
Vesilošon virpivarši.*

Должна бы стать кукла по нраву и его создавшей,
Ведь его создавшая усердно справляет все домашние работушки,
А его светлый, хороший уже в убывающем возрасте ...
Стройного (как шнур) стана с водянистой низины.
[Карельские ёйги 1993, 87–88].

Причем, в карельских причитаниях дается характеристика родителей невесты, а в карельских ёйгах, напротив, родителей жениха. Эта особенность объясняется приуроченностью причети к локусу невесты, а ёйг – к локусу жениха соответственно.

В обозначенных текстах за невестой и женихом также сохранились свои наименования, невеста в причитаниях – несчастная, печальная жалкая и т. д.: *ozatoin varduoni* – ‘несчастный стан’, *udrane* – ‘несчастливая/жалкая’ [Степанова 2004, 60-65], в ёйгах *kukla* – ‘кукла’, *maima* – ‘рыбка’, *kukka* – ‘цветок’ и т. д. (Карельские ёйги 1993, 218). Образ жениха (или женихов) в причитаниях представлен как некто дальний, чужой, миром созданный т. д.: *etähäiset kanntut* – ‘дальние выношенные’, *ilmoin elätetyt* – ‘миром/светом выкормленные’ [Степанова 2004, 38-42], в ёйгах: *šoreivarsi* – ‘красивый стан’, *kaunistuato* – ‘красивый стан’, *šulkkutukka* – ‘шелковый волос’ [Карельские ёйги 1993, 216–217].

Зачастую в карельских свадебных текстах в репрезентации образов жениха и невесты значительное место отводится орнитоморфному коду: жених представляется как *kokko* – ‘орел’, *havulintu* – ‘глухарь’; невеста — *lintuseni* – ‘птичка’, *alli* – ‘уточка’, *joutsen* – ‘лебедь’, *kanaseni* – ‘курочка’ и т. д.

³ К вербальному коду карельской свадьбы относятся карельские ёйги, маркирующие досвадебный период жениха, карельские свадебные руны или карельские свадебные песни рунического типа, оформляющие линию контактов родов как в доме невесты, так и в доме жениха, а также причитания, были связаны с обрядовыми действиями, ориентированными на локус невесты в предвенечный период.

В целом эмоциональные эпитеты, отглагольные имена, метафоры, используемые для создания анализируемых образов в фольклорных текстах, усиливают мелиоративную коннотацию. Исключением является круг негативно окрашенных характеристик невесты в свадебных причитаниях. Однако их появление обусловлено самим свадебным ритуалом: невеста расстается с родным домом, прощается с девичеством и т. д.

Термины родства с негативной коннотацией

Ряд карельских наименований родства или супружества изначально имели негативную оценку в социуме, к примеру, к этой группе относятся первоначально карельские (прибалтийско-финские) термины *isintimä* (ск.)/ *ižindäm* (ливв.) – ‘отчим’ (производное от *isä/ižä*), *emäntimä* (ск.)/ *emändim* (ливв.) – ‘мачеха’ (производное от *emä*), *appi* (ск.) – ‘свёкр, тещь’; *emäntäakka* (ск.) – ‘свекровь’, *anoppi* (ск.) – ‘свекровь, теща’; *kyty* (ск.)/ *kydy* (ливв.) – ‘деверь’, *nato* (ск.)/ *nado* (ливв.) – ‘золовка’. Позже часть из них уступила место русским заимствованиям: *muatušku*, *muatkoï* – ‘свекровь, теща’, *buatušku*, *buat'koi* – ‘свекр’, *muamandima* (*muamandam*) – ‘мачеха’, *tuatindam* – ‘отчим’.

Рассматривая героев волшебной сказки, Е. М. Мелетинский писал: «Мачеха – жена, взятая из другого племени. А представители чужого племени обычно рисовались первобытному человеку как исконные враги, людоеды, как существа, мощь которых, не только военная, но и колдовская, враждебна данному племени. <...> Естественно, что мачеха – женщина чужого племени – становилась в сказках злодейкой, ведьмой. [Мелетинский 1958, 182]. Подобное отношение просматривается к мачехе и в карельской сказочной традиции, где она во многом сближается с образом мифической бабы Сювяйнттери (Сююятяр), сходного с Бабой Ягой [Карельские сказки 1963, 496–498]. Примерами негативного отношения к падчерице могут стать также многочисленные примеры из карельской паремии: *Emändäm ei gu ota muato, kudai käil nostau; toizel kattau* – ‘Мачеха не как родная мать, которая одной рукой будит, другой накрывает (одеялом)’ [Макаров 1990, 48]; *Muamindamua enembäl kuundelet gu omua muamia* – ‘Мачеху больше слушаешься, чем свою мать’ [Макаров 1990, 209]. Причем, с отрицательной стороны характеризуют чаще всего мачеху: *Tuatindan pidäy brihaččuü gu omua poigua* – ‘Отчим относится к мальчику, как своему сыну’ [Макаров 1990, 387].

Анализируя пары: невестка – родня мужа, зять – родня жены, замечаем, что изначально родители мужа и жены могли иметь аналогичные наименования, но их оценка менялась в зависимости от адресата. Обособленным является термин *emäntäakka* – букв. ‘старшая женщина-хозяйка’ и *isäntäukko* – букв. ‘старший мужчина-хозяин’ и *appiukko* – букв. ‘свёкр-старший мужчина’, которые, на наш взгляд, наиболее точно характеризуют положение невестки в доме мужа. Свадебный обряд – это не только изменение социального статуса девушки-невесты, но и переход молодой женщины из одной семьи в другую, из одного рода в другой. В доме мужа между молодой невесткой и свекровью/свёкром складываются достаточно сложные отношения, в процессе которых происходит приобщение к новому роду. Фольклорные тексты наглядно иллюстрируют, что невестке приходилось во всем слушаться свою свекровь: *Muatuškal on hambahat pitkäd* [KKS 1983, 341] – ‘У свекрови зубы длинные’; *Emäntakan kera šitit riitelöy kum mänöy miehellä* [KKS 1968, 116] – ‘Со свекровью (женщиной-хозяйкой) ругается, как замуж выходит’; *Kai itkestih nevesky moatuškan čakattuu* [KKS 1968, 465] – ‘Невестка заплакала даже после того, как свекровь поругала’; *Maltau muatušku neveskoi kuundeluttoa, neveskoi kai pidäy kylyh kävvä selgeä pezemäh* [KKS 1974, 495] – ‘Умеет матушка заставить себя слушать: невесткам приходится даже в бане спину ей мыть’; *Robehel liendy keittämah opastau muatušku* [KKS 1974, 495] – ‘Свекровь в кузовке суп варить научит’.

Теща, напротив, уважительно относилась к зятю: *Vävy gostih tulou, ga muatuškal seinäd voiz ollah* [KKS 1974 341] – ‘Зять если в гости придет, у тещи стены в масле’. Причем ценились зятья, которые живут подальше, а если дочка вышла замуж за парня из своей деревни, его называли *huttuvävy* – букв. ‘зять-каша’, ‘кашный зять’: *Susiedu hävii, huttuvävvy rodih* [KKS 2005, 728] – ‘Соседа не стало, появился кашный зять’. Вероятно, такое наименование закрепилось за зятем, который часто бывал в доме тещи, был на глазах у нее.

Реализация концептов зять – примак

Образ зятя в целом в карельской традиционной культуре оценивается неоднозначно. С одной стороны, его уважали в семье жены, он всегда был почетным гостем: *Vävyn tulduu anopin lehmäd voidu lypsäy, a lähtiettyy ei ni maiduo* [KKS 2005, 728] – ‘Зять пришел – коровы маслом доятся, ушел – и молока не дают’. Однако к нему относились с некоторой осторожностью, не ждали от него большой помощи: *Vävyn avut olah stolan piäs* [KKS 2005, 728] – ‘Помощь зятя только за столом’, т. е. зять при-

ходить только поест. Теща не рассчитывала на его особую поддержку: *Vävyym päčč on st'oklaine, terväs sie pakud* [KKS 2005, 728] – ‘У зятя печь стеклянная, быстро с нее упадешь’. По мнению родителей девушек, не всякий парень годился в зятя: *Ei kai savet poakse pädietä, ei kaikiz jauholois talkkunoa, ei kaikiz brihoiz vävyu* [KKS 2005, 728] – ‘Не из всякой глины делают горшки, не из всякой муки толокно, не из всех парней выходят зятя’.

Образ примака заслуживает отдельного внимания. По-карельски примак *kodavävy* – букв. ‘домашний зять’, ‘зять из домика’, ‘зять из конуры’. Уже в названии высвечивается отрицательное отношение к этому персонажу в рамках сельской общины. В большинстве случаев такого зятя могла принять семья невесты, если ее родители были уже в преклонном возрасте, и в семье не было своих сыновей. В фольклорных текстах негативное впечатление усиливается за счет использования поэтических приемов, разного рода сравнений. Свидетельством этому является паремиологическая репрезентация образа примака. Он был не самым желанным зятем: *Kodavävy miehistä pahin* [KKS 1973, 349] – ‘Примак худший из мужчин’; *Kodavävy paha mužikka, hyvä mužikka ei tule kodavävyksi* [KKS 1973, 349] – ‘Примак – плохой мужчина, хороший не придет примаком’. Зачастую не заслуживал хорошего к себе отношения в семье жены: *Yks česti on kodavävyllä kui n'eveskärupal* [KKS 1973, 349] – ‘Примак что невестка-бедняжка’. Примаками в основном приходили мужчины в бедные семьи: *Kodavävy otetah kodah* [KKS 1973, 349] – ‘Примака берут в избушку’; *Hiildy ku syöz, halguo šittuz, sid olis kodavävy hyvä* – ‘Ел бы уголь, опорожнялся бы дровами, тогда бы был примак хорошим мужчиной’ [Федотова 2000, 90]. Чаще всего мужчина был вынужден стать примаком, поскольку не имел своего дома, хозяйства: *Kodavävvyu sanotah: valmehen koin syöjy* [KKS 1973, 349] – ‘Про примака говорят; пожирает готовый дом’. Он приходил в семью ни с чем: *Kodivävynä tullun, šorokkah vaihettu* [KKS 1973, 349] – ‘Примаком пришел, обмененный на сороку’. *Kotavävylä on šen verran osua taloh, min verta kynnykšeh puuta mänöy* – ‘От примака столько же счастья в дом, сколько дерева уйдет на порог’ [Федотова 2000, 90]. Заслужить уважение в семье жены надо было огромным трудолюбием: *Kodavävvyllä pidäy astavoin šorpil muata, äsken roiheze mužikku* – ‘Примаку надо поспать на остриях бороны, после этого станет мужчиной (хозяином)’ [Макаров 1990, 147].

Считалось, что с таким хозяином дом, хозяйство обязательно пропадет: *Kodavävy – koin loppu* [KKS 1973, 349] – ‘Примак – дому конец’; *Sih jäi kuldani kodini päppelipeäl, päiväh perzeim moannuol elozed jäi sil* [KKS 1993, 584] – ‘Остался мой золотой домик бездельнику, все добро тому, кто спит дни напролет’.

Таким образом, за примаком и зятем в речи закрепились свои термины: *vävy* и *kodavävy*. Лексема *kota/koda* – ‘дом, избушка’ в составе сложного слова *kodavävy* – примак обладает явной негативной оценкой, что нашло подтверждение в широком пласте паремии, раскрывающем ироническое, а в некоторых случаях пренебрежительное отношение к этому персонажу в деревенском сообществе.

Реализация концептов невестка – золовка и невестка – деверь

На протяжении долгого времени в карельской традиционной культуре был распространенная большая неразделенная семья, состоящая из нескольких поколений родственников. Наравне с отношениями невестка-свекровь, теща-примак складывались контакты в парах невестка – золовка и невестка – деверь.

Как уже отмечалось выше, отношения между молодой невесткой и семьей мужа были непростыми. Однако в народной традиции все члены новой семьи: свёкр, свекровь, деверь, золовка как равноправные члены «чужого» рода становились участниками установления новых родственных отношений. Наиболее ярко этот процесс описан в карельских свадебных песнях рунического типа на сюжет *Miero vuotti uutta kuuda* («Мир ждал новолуния»), исполняемых в доме жениха во время приезда молодой пары. Представленная с позиции невесты характеристика всех членов новой семьи имела негативную окраску. Она усиливалась за счет использования в текстах устойчивых сравнений-метафор: свёкр – волк, свекровь – медведица и т. д. По отношению к деверю и золовке использовались свои постоянные уподобления с отрицательными оттенками: ‘деверь – змея на пороге’ (*kydy – mado kynnyksel*) и ‘золовка – гвоздь в стене’ (*nado – nuoglu seinäs*).

Одним из основных мотивов рассматриваемой песни являются поучения: молодую жену наставляют, как нужно вести себя в новом доме и как необходимо строить отношения с новыми родственниками:

<i>Ei niin kun omasi koissa, Eikä varsin vanhenpiisi. Ukko on susi talossa, Akka karhu kartanolla. Käly on kykki kynnyksellä, Nato nuoklana čupussa. Näitä sie kovin varaja Kuvyn kylmiä sanoja, Navon niskanaskuloja.</i> НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 291-292.	Не так, как в своем доме, Не как в доме у родителей. Старик волком в доме, Старуха – медведица в усадьбе, Деверь змеей на пороге, Золовка – гвоздем в стене. Их ты сильно бойся, Холодных слов деверя, Подзатыльников золовки. Перевод мой – В. М.

Однако фольклорная традиция сохранила и другой, прямо противоположный сценарий отношений невестки и членов нового рода. В лиро-эпической песне *Pahan sulhon saannuh* («Жалобы молодухи»), имевшей распространение на всей территории Карелии, повествуется о том, как молодая жена плачет в лесу (в вариантах – по дороге на сенокос, сидя на пестром камне). Неизвестный (в вариантах – чужой, незнакомец, родственники: отец и мать) выведывает ее о причине слез и узнает, что батюшка (свёкр) относится к ней, как родной отец, матушка (свекровь) – как родная мать, деверь – как брат, золовка – как сестра. Молодая жена жалуется на мужа:

<i>Sehän on se mustu mado, Pidällä vičalla viuhkuttau.</i> [SKVR 1927, 267–268].	Именно он как черный змей, Машет-свищет длинной вицей.

Вероятно, это уже наиболее поздний по времени возникновения сюжет, отразивший не отношения между родами, а уже внутрисемейные отношения.

Выводы

Основываясь на словарном, а также обширном фольклорном материале, можно выделить следующие термины супружества и свойства, характерные для карельской традиции и используемые в как в речи, так и текстах народной поэзии:

Таблица 1

Наименования супружества и свойства

Отец	<i>Isä/izä; tuatto</i>
Мать	<i>Emä, muamo</i>
Отчим	<i>Isintimä/ižindäm</i>
Мачеха	<i>Emäntimä/emändim</i>
Невеста, молодуха	<i>Antilas/andilas, min'n'a, mičoi</i>
Жена, хозяйка	<i>Akka, emäntä/emändy</i>
Жених	<i>Sulhani/sulhoi, ženihh'a</i>
Муж, хозяин	<i>Ukko, isäntä/ižändy</i>
Свекр, тесть	<i>Appi, isäntäukko, appiukko, buatušku buat'koi</i>
Свекровь, теща	<i>Anoppi, emäakka, muatušku, muatkoi</i>
Невестка	<i>Nevesky</i>
Деверь, золовка	<i>Kydy, nado</i>
Зять	<i>Vävy</i>
Примак	<i>Kodavävy</i>

Наряду с собственно карельскими наименованиями как в повседневной речи, так и в фольклорных источниках довольно часто используются русские заимствования, в некоторых случаях происходит замещение архаичных наименований русизмами. Особенно это характерно для носителей ливвиковского наречия карельского языка, проживающих в Южной Карелии. Кроме того, с течением времени под воздействием изменений института семьи в деревенском сообществе стираются границы

между определенными периодами жизненного цикла. Следствием подобных процессов становится утрата исконно карельской лексики, относящейся к терминологии супружества и свойства. Устойчивыми остаются лишь наиболее употребляемые именованья.

Получившие повсеместное распространение запреты на упоминание имя или обозначение родства способствовали появлению в фольклорных текстах широкого пласта сравнений, иносказаний, метафор, ставших основой для описательных терминов.

Большая часть рассматриваемых наименований имеют мелиоративную коннотацию, однако за рядом терминов изначально закрепилась негативная оценка в социуме. В основе подобных характеристик лежат сложные взаимоотношения, к примеру, между свекровью и молодой женой сына. При-мак, мужчина не имевший своего хозяйства и дома и вынужденный прийти в дом к своей жене также испытывал неодобрительное отношение как в кругу «новой семьи», так и в деревенском сообществе.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ск. – собственно карельское наречие карельского языка

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

букв. – буквально

НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук

СОС – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков

KKS – Karjalan kielen sanakirja

SSA – Suomen sanojen alkuperä

SKVR – Suomen kansan vanhat runot

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН

ЛИТЕРАТУРА

Андриянова Е. М. Термины родства и свойства в марийском языке // *Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum. Pars IV: Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2010. S. 26–29.*

Бурькин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 320 с.

Винокурова И. Ю. К характеристике типов вепсской крестьянской семьи второй половины XIX — начала XX века (по этнографическим и лингвистическим материалам) // *Альманах североевропейских и балтийских исследований. Выпуск 5, 2020. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1649> (дата обращения 4.04. 2023).*

Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. «Пусть у вас будет девять сыновей и одна дочь»: именованья юноши и девушки в вепсском этноязыковом пространстве // *Научный диалог. № 4, 2020. С. 58–73.*

Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Ч. 1. Москва: Русский Фонд Содействия Образования и Науке. 2012. 557 с.

Карельские ёйги / изд. подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 239 с.

Карельские народные сказки. Южная Карелия // изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Степанова, Петрозаводск, 1967. 520 с.

Кривощечкова Л. В. Об особенностях функционирования терминов родства в некоторых коми-пермяцких письменных памятниках // *Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы III Международной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи»: в 2 т. Т. 2. Кудымкар, 2007. С. 93–96.*

Литвин Ю. В., Минвалеев С. А. Пожилая женщина в карельской традиционной культуре: возрастные рубежи и социокультурный статус // *Ежегодник финно-угорских исследований. Том 15, № 1. 2021. С. 116–126.*

Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

Максимов М. А. О терминах родства по материнской линии в удмуртском языке: Источник типологической модели // *Вестник Чувашского Государственного Педагогического Университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3(103). с. 126–134.*

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 254 с.

- Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков* / Под общей редакцией Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007. 347 с.
- Степанова А. С. Карельские плачи: специфика жанра (избр. ст.). Петрозаводск: Периодика, 2003. 216 с.
- Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 174 с.
- Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
- Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005. Osat 1–6.
- Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Osat 1–3.
- Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1927. Osa 2: Anuksen, Tverin- ja Novgorodin Karjalan runot. 739 s.

Поступила в редакцию 11.05.2023

Миронова Валентина Петровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: tutkija@mail.ru

V. P. Mironova

FEATURES OF KARELIAN TERMINOLOGY FOR RELATIONSHIPS THROUGH MARRIAGE (AS REPRESENTED IN FOLKLORE SOURCES)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362

The article examines the set of Karelian terminology for relationships through marriage in the context of the language-based worldview. The objects analyzed were bilingual, etymological, and contrastive onomasiological dictionaries, as well as folklore sources: phraseology, paroemia, texts of Karelian spells, laments, joiks, runo-type wedding songs, and lyrical-epical songs. The study revealed two groups of terms: originally Karelian ones (Balto-Finnic in a broader sense) and Russian borrowings that displaced them. The new group of appellations for relationships through marriage came into use as a result of the social processes taking place in Karelia: development of Karelian-Russian contacts and gradual assimilation of ethnic Karelians living in linguistic borderlands. Northern Karelia is noted for a predominant use of originally Karelian appellations, whereas in southern Karelia Karelian terms are gradually getting replaced with Russian borrowings.

Based on the analysis of dictionary materials, the vocabulary for relationships through marriage was described, their semantics and etymology were identified, the original or borrowed nature of the words was determined. Folklore texts were used as an additional source, demonstrating that alongside the terms used by native speakers in everyday communication also widely used are taboo appellations expressed through metaphors or established formulas.

When used routinely or in the context of various pieces of oral folk poetry, nominations for relationships through marriage or their descriptive equivalents often reflect the character of the relationships between family members. Most of the appellations have positive connotations, but some terms are inherently negatively-loaded, ironical, or contemptuous.

Keywords: Karelians, Karelian wedding folklore, paroemia, terminology for relationships through marriage, positive and negative assessments.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 352–362. In Russian.

REFERENCES

Andriyanova E. M. *Terminy rodstva i svojstva v marijskomazykye* [Terms of kinship and properties in the Mari language]. Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum. Pars IV: Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2010. pp. 26–29. In Russian.

Burykin A. A., Popov V. A. *Russkaja terminologija rodstva i svojstva: istoricheskaja dinamika, aksiologicheskie polja, komunikativnyj diskurs* [Russian Terminology of kinship and affinity. Historical dynamics, axiological fields, communicative discourse]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2020. 320 p. In Russian.

Vinokurova I. Ju. *K karakteristike tipov vepsskoj krest'janskoj sem'i vtoroj poloviny XIX – nachala XX ve-ka (po jetnograficheskim i lingvisticheskim materialam)* [On the characteristics of the types of vepsian peasant family in late 19th – early 20th century (Based on ethnographic and linguistic materials)]. *Al'manakh severnoevropejskikh i baltiiskikh issledovanii* [Nordic and Baltic studies review]. 2020, no 5. URL: <http://nbsr.petrstu.ru/journal/article.php?id=1649> (accessed 4.04. 2023). In Russian.

Zajceva N. G., Zhukova O. Ju. «Pust' u vas budet devjat' synovej i odna doch'»: imenovanija junoshi i devushki v vepsskom jetnojazykovom prostranstve [“Let You Have Nine Sons and One Daughter”: Naming a Young Man and a Girl in the Veps Ethnolinguistic Space]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2020, no 4. pp.58–73. In Russian.

Ivanova L. I. *Personazhi karel'skoj mifologicheskoj prozy.* [Characters of Karelian mythological prose]. Vol. 1. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovanija i Nauke Publ., 2012. 557 p. In Russian.

Karel'skie eigi [Karelian ioiks] /ed. composition N. A. Lavonen, A. S. Stepanova, K. Kh. Rautio. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 1993. 239 p. In Karelian, Russian.

Karel'skie narodnye skazki: (Yuzhnaya Kareliya) [Karelian folk tales. South Karelia] /ed. composition U. S. Konkka and A. S. Tupitsyna. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 520 p. In Karelian, Russian.

Krivoshheкова L. V. *Ob osobennostjah funkcionirovanija terminov rodstva v nekotoryh komi permjaskih pis'mennyh pamjatnikah* [On the peculiarities of the functioning of kinship terms in some Komi Permian written monuments]. *Komi-permjaki i finno-ugorskij mir: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Komi-permjaki i finno-ugorskij mir: budushhee kraja – otvetstvennost' molodezhi»* [Komi-Permyaks and the Finno-Ugric world: materials of the III International scientific-practical conference "Komi-Permyaks and the Finno-Ugric world: the future of the region is the responsibility of youth"]. Vol. 2. Kudimkar. 2007. pp. 93–96. In Russian.

Litvin Ju.V., Minvaleev S. A. *Pozhilaja zhenshhina v karel'skoj tradicionnoj kul'ture: vozrastnye rubezhi i sociokul'turnyj status* [Elderly woman in Karelian traditional culture: age boundaries and sociocultural status]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol. 15, no 1. 2021. pp. 116–126. In Russian.

Makarov G. N. *Slovar' karel'skogo jazyka* [Karelian dictionary]. Petrozavodsk, 1990. 495 p. In Karelian and Russian.

Maksimov M. A. *O terminah rodstva po materinskoj linii v udmurtskom jazyke: Istochnik tipologičeskoj modeli* [Maternal kinship terms in the Udmurt language: the source of the typological model]. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogičeskogo Universiteta im. I. Ja. Jakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev]. 2019. no 3(103). pp. 126–134. In Russian.

Meletinskij E. M. *Geroj volshebnoj skazki. Proishozhdenie obraza* [The Hero of the Fairy Tale: the Origin of the Image]. Moscow, Izdatel'stvo vostočnoj literatury Publ., 1958. 254 p. In Russian.

Sopostavitel'no-onomasiologičeskij slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo jazykov [Comparative onomasiological dictionary of the Karelian, Veps, and Saami languages]. Editors Yu. S. Eliseev, N. G. Zajceva. Petrozavodsk, KareFskij nauchnyj centr RAN Publ., 2007, 346 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Karel'skie plachi: spetsifika zhanra* [Karelian lamentations: the specifics of the genre]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2003. 216 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Tolkovyj slovar' jazyka karel'skikh prichitanij* [Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2004. 304 p. In Karelian, Russian.

Surkhasko Yu. Yu. *Semeinye obryady i verovaniya karel: konets XIX – nachalo XX v.* [Family rites and beliefs of the Karelians: the end of the 19th century - the beginning of the 20th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 174 p. In Russian.

Fedotova V. P. *Frazeologičeskij slovar' karel'skogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Karelian language]. Petrozavodsk, Karelija Publ., 2000. 260 p. In Karelian and Russian.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura Publ., 1968–2005. Osat 1–6. In Finnish and Karelian.

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ., 1992–2000. Osat 1–3. In Finnish and Karelian.

Suomen Kansan vanhat runot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ., 1927. Vol. 2: Anuksen, Tverin – ja Novgorodin Karjalan runot. 739 p. In Finnish and Karelian.

The paper was written within a collective planned project at the KarRC RAS

Received 11.05.2023

Mironova Valentina Petrovna

Candidate of Philology, Senior Researcher
Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: tutkija@mail.ru

Литературоведение

УДК 821.511.152-1.09(045)

А. А. Арзамазов

ПОЭТ ЭРЗЯНСКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АЛЕКСАНДРА ШАРОНОВА

В статье рассматривается стихотворное творчество известного эрзянского поэта и филолога, этнографа Александра Марковича Шаронова. В сферу исследования попал репрезентативный текстовый корпус, вошедший в сборник «Планета Эра» и охватывающий сорок лет литературной и научной жизни автора. Выявляется, что поэзия для А. М. Шаронова – одна из ключевых культурных форм этнической рефлексии, пространство конструирования этноутопических хронотопов. В своей стиховой действительности поэт апробирует собственные этнографические концепции, развивает гипотезу о разнородном родстве мордвы (эрзи) и русского народа. Прочитываются стихотворения геополитической тематики, включающие в себя индивидуально-авторское представление о современном мироустройстве, «полюсах» добра и зла. Особое внимание уделяется любовной лирике, для которой характерны тональность исповедальности, ностальгии, актуализация природно-пейзажного кода и этнической идентичности женского образа. Ставится вопрос о решении автора выбрать русский язык в качестве основного инструмента письма, критериях отождествления художественной модели мира писателя с национальной традицией. Поэтические практики А. М. Шаронова интересны и в сравнительно-сопоставительном аспекте, в контексте русскоязычного творчества других национальных писателей, представляющих народы России.

Ключевые слова: национальная литература, русский язык, эрзянская культура, фольклор, мифология, образная система, этнография, любовная лирика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-363-371

Одна из наиболее ярких индивидуальностей современного гуманитарного ландшафта Республики Мордовия – известный поэт и ученый-филолог, доктор филологических наук профессор Александр Маркович Шаронов (1942). Его многогранному научно-исследовательскому и поэтическому наследию должны быть посвящены отдельные монографии. Однако на фоне их несправедливого отсутствия важно проявить отдельные концептуальные темы, проблемные поля, сопряженные с художественным феноменом Шаронова, его этнографическими концепциями, преломленными в стихотворных текстах. Особенности творчества А. М. Шаронова правильно анализировать в контексте работ отечественных филологов, обращенных к мордовским / национальным литературам народов России, с учетом теоретико-методологического опыта, сфокусированного на этнической компоненте поэтического дискурса [Арзамазов А. А. 2022; Бахтикерева У. М. 2005; Жиндеева Е. А. 2006; Каторова А. М. 2013: 122–131; Лагунова О. К. 2007; Налдеева О. И. 2013; Султанов К. К. 2007; 2019].

Еще одно перспективное аналитическое направление *versus* стихотворения Шаронова – исследование языкового выбора, языковых «переключений» поэта. «Внутренняя» философия и внешние проекции русскоязычия А. М. Шаронова могут быть оценены в русле работ как российских, так и зарубежных лингвистов, литературоведов, специализирующихся на творческих «сдвигах» языков письма [Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. 2015, 298–303; Верещагин Е. М. 2014; Гируцкий А. А. 1990; Мазанаев Ш. А. 1997; Хугаев И. С. 2008; Хухуни Г. Т. 2018, 277–288; Sahnmann M. 2006, 342–352; Kellman S. G. 2019, 337–346]. Казалось бы, прекрасно ориентирующийся в эрзянской и мокшанской духовной культурах, фольклорно-мифологических концептосферах доктор филологических наук А. М. Шаронов должен писать на языке своего народа. В действительности всё оказалось намного сложнее. Шаронов своим творческим примером вновь подтвердил очевидную уязвимость мордовских (прежде всего – эрзянского) языков на фоне других языков Урало-Поволжья. Нельзя не заметить, что Александр Шаронов – представитель малочисленной этнической группы эрзян *шокиша*, говорящих на своем особом, существенно отличающемся от эрзянского литературного языка диалекте. Вероятно, это внутренняя генетическая связанность с «*шокиот*» воспрепятствовала литературному самовыражению по-эрзянски.

К отличительным граням поэтического творчества Александра Шаронова относятся большие размеры стихотворений. В его текстовом корпусе крайне редко встречаются миниатюры, небольшие стихи, лаконичные высказывания. Кажется, живущий высокими категориями эпоса автор «Масторавы» и не может писать иначе – лироэпические стандарты отвечают коммуникативному темпераменту, историко-культурному охвату, мифологической многомерности его художественных замыслов. Стихи А. М. Шаронова представляют интерес и как пространство нередко имплицитных рифморитмических особенностей. Очевидная поэтическая нацеленность на рифмовую прозрачность и простоту осложняется значительной текстовой протяженностью, продолжительностью однообразно-автоматизированного процесса рифмования, неизбежным возникновением специфических «осечек».

Отдельного упоминания заслуживает и принцип размещения стихотворений в анализируемой книге А. М. Шаронова «Планета Эра». Издание начинается с новых, последних текстов. Далее следуют произведения, написанные много лет назад. Между этими текстовыми группами имеются существенные интенциональные, эмоциональные различия. Складывается впечатление, что в стихах позднего Шаронова немало реакционности, радикальных выводов, дискуссионных предположений. Ранние стихи написаны в более миролюбивом ключе, еще без выстраивания жестких оппозиций и обозначения противостояний.

Следует признать, что Александр Шаронов – поэт ограниченного набора тем, однако каждая из них носит глобальный характер, провоцирует на субъективные оценки и альтернативные точки зрения, апеллирует к развернутым этнографическим картинам действительности, предполагает полемику, широту компараций. Произведения Шаронова можно / нужно рассматривать в проблемно-тематическом русле таких в функционально-содержательном плане недостаточно открытых категорий литературоведения как этнографизм, историзм, утопические хронотопы.

В художественном сознании Александра Шаронова не мог не найти выхода его многогранный научно-исследовательский опыт. Он ученый с разносторонними профессиональными интересами, увлечениями. Его работы неправильно квалифицировать *sub specie* конкретных областей знаний. Речь идет о взаимоналожении этнографии, «глубинного краеведения», истории, фольклористики, литературоведения. Все эти связанные между собой «специализации» высвечиваются на разных уровнях произведений и с той или иной интенсивностью проявляются в разные периоды творчества Шаронова. Его стихотворения – своеобразное закрепление отдельных концепций, историко-культурных представлений, этнографических гипотез. Иногда складывается впечатление, что поэтизация – один из важнейших для автора способов увековечивания знаковых понятийных конструкций.

Ключевой концепт поэзии А. М. Шаронова – **Русь-Эрзяния**. Этот мифологизированный топоним, локус регулярно актуализируется поэтом. По сути, Шаронов творчески создает новый стихотворно оформленный этнографический континуум. Им с большим поэтическим энтузиазмом, научным упорством конструируются контексты генетической и духовной, мировоззренческой сопряженности эрзян (мордвы) и русских. Нельзя не заметить, что такая этногражданская позиция в 1990-е – первой половине 2000-х годов была не самой популярной, не самой востребованной национальной интеллигенцией.

А. М. Шаронов в своем поэтическом творчестве отражает для многих неочевидно-неудобный опыт очень близкого соприкосновения финно-угров и славян. Для поэта-ученого стало очевидным, что «перетекание» финно-угров в русские – не только сценарий стирания культуры, драматический процесс языковых потерь, но и в некотором роде путь самоусиления народов, внутренний этноэкзистенциальный вектор, обусловленное историей пространство неоткрытых социогуманитарных возможностей, плодотворная реальность неосознанной самобытности. В поэтическом отображении А. М. Шаронова эрзяне и русские, финно-угры и восточные славяне выглядят как единый в плане духовного самопроявления, глубинных цивилизационных устремлений субстрат. Его важно принять, осмыслить, полноценно раскрыть. Эти интенсивно взаимодействовавшие земли, народы поэт именуется Белым Светом. И в таком символическом внимании к белому вновь просматриваются стержневые параллели в традиционном мировоззрении финно-угров и восточных славян.

Индивидуальный творческий проект сопряжения эрзяно-финно-угорского и славянско-русского, разумеется, представляет этнофилософский, этносоциологический интерес. Он мультипликативен в своих поэтических гранях воплощения, при этом чрезвычайно сложен в определении этнопсихологических феноменов, объективно-культурных позиций, аксиологических парадигм, полон противоречий, «опасностей». Отсюда – уход Шаронова в мифологические дали, погружение на большую глубину исторического времени. Сквозь призму прошлого создаваемая автором этнографи-

ческая картина кажется яркой и притягательно-убедительной, событийно насыщенной, легче понимаемо-принимаемой. Но если двигаться в сторону настоящего, отдельные ее «углы преломления» вызывают несогласие и прочитываются как ложные сюжеты искусственного сближения. Вместе с тем это авторский выбор, его собственные «мотивы мотиваций», от которых читателю не уйти.

А. М. Шаронов, исходя из своего понимания хода и кода истории, этногенетической «россыпи», в единую цепочку включает эрзян, русских, мерю, мешеру, чудь, весь и др.: «*Мы все есть Меря, Чудь и Весь. / От нас все русские истоки: / Язык, ум, музыка и песнь / И миром правящие боги. / От слова «Ерзя» вышла Русь / Без скифов и славянских уз. / В глазах у Мери синь и грусть / От светлых мыслей, добрых чувств...*» [Шаронов 2014, 43]. В результате подобных сложений, соединений финно-угорско-русские этнотерритории становятся по-настоящему огромными, обретают почти вселенские масштабы.

Художественным приемом высокой степени частотности в стихотворениях Шаронова является привлечение мифологических актантов широкого смыслового диапазона. Это и мордовские боги, взаимодействующие с миром людей, и представляющие древнерусский языческий пантеон божества. К ним добавляются и сказочные фольклорные восточнославянские персонажи, герои древнерусского былинного эпоса: «*От слова «Ерзя» слово «Русь». / От слова *tereys* слово «Меря». / В глазах у Мери синь и грусть, / В душе – в родного бога вера. / Великий Велес бог ее, / От бед и от врагов хранитель. / Ему подвластно в мире всё – / Богатство, / Мирный труд и битвы. / В Ростове гордо он стоит, / На Новгородском вече правит. / На Велесе вся Русь стоит / В довольстве полном и при славе. / При Велесе бог-гром Перун, / Подобный Зевсу громовержец. / Он не отступит, силой юн, / Каким бы ни был сильным «немец». / И Мокошь Мерю бережет. Растит детей, лелеет женщин» [Шаронов 2014, 42]; «*Жил Соловей- / Разбойник под Москвой. / Разбойничал порою, а, быть может, / Родную землю охранял и бой / Давал врагам, на силы тьмы похожим. / Был знатный воин он, и с ним никто / Не мог сравниться силой и отвагой. / Лишь Муромец Илья, как исцелился брагой, / Побил его однажды ни за что. / И так Эрзянь и Русь осиротил, / Оставил их без воина, который / Народ родимый истинно любил, / В нем усмирал кровавые раздоры. / Увы, увы, он, Муромец Илья! / Не ведал он, что Русь без Соловья / Как темный лес без волка и медведя, / Без них в нем быть усобицам и бедам. / Прошли века – и на Руси теперь / Ни Соловей, ни Муромец не в славе. / Ведутся здесь с миллионами потерь / Давным-давно бои без правил» [Шаронов 2014, 48].**

Такое многообразие имен не случайно. Автор, по-видимому, ставит перед собой цель задействовать большое количество этнографических маркеров, исторических контекстов, представить Русь-Эрзянию как особое духовное пространство живой культурной памяти. Мифология, фольклор, традиционная вера в стихотворном воплощении А. М. Шаронова – основы основ бытия народа, отдельно взятой этнической индивидуальности.

А. М. Шаронов особую значимость придает духовному наследию традиционной мордовской веры. И в целом – язычество для поэта понятнее и предпочтительнее, чем мировые религии. В его мировоззренческих посылах, ценностной системе, обрядовых практиках сохранился подлинный народный дух, там нет скрытых геополитических ориентиров, идеологических программ. Приверженность своим богам для автора – важное условие внутреннего этнического «полнокровия», особенно актуального в контексте не самых простых отношений с эрзянским языком. Это тот случай, когда, «все наши боги с нами и за нас» (С. М. Червонная): «*Я обычай предков не нарушу, / Не предаю свою родную веру. / Не пущу чужого бога в душу, / Бог чужой в ней будет хуже зверя. / Буду я Чам-Пасу поклоняться, / Стану возносить ему молитвы. / С ним с любым врагом смогу сражаться, / С ним любые выиграю битвы. / Мой Чам-Пас – мой мир в красе нетленной, / Люди, что со злом не водят дружбу; / Мой Чам-Пас – гармония Вселенной, / Люди, что добру лишь служат службу. / Я с родимой верой – дуб могучий. / Мимо пронесутся ураганы. / Даже если окажусь над кручей, / Не свалюсь на смех врагам незванным...*» [Шаронов 2014, 8].

В творчестве А. М. Шаронова не обходится без стихотворений, выражающих авторскую любовь к родному краю. И среди таких произведений имеют место не только произведения, написанные с большим этнографическим пафосом и стремлением при помощи разнообразных гипотез расширить этническую панораму, но и стихи более личного плана, сентиментальные, пронизанные невосклицательным, «человеческим» патриотизмом. Тема малой родины / родного края – одна из продуктивных в национальных литературах народов Поволжья, Приуралья. Максимальной концентрации художественного звучания эта тема (*туган як*) достигает в татарской словесности, и факт ее повсеместной представленности можно расценивать как заслуживающую исследовательского внимания этнопсихологиче-

скую проекцию, артикулирующую глубинную духовную связанность татар с родной землей, деревней (*туган авыл*), определенным укладом жизни. В мордовской поэзии (особенно – современной) родные места воспеваются ощутимо реже, с меньшей эмоционально-экзистенциальной вовлеченностью этнофора. Шаронов – убедительное исключение из правил: *«Я никуда не уйду с тех мест, / Где был рожден, где вырос, где живу. / Всё в диво мне, когда гляжу окрест, – / Поля, луга, одетые в траву, / Леса, где сосны встали до небес, / И реки, что текут до самой Волги... / Всё бесконечно нравится мне здесь, / Ничто не стало скучным и убогим. / Здесь с каждым днем красивее земля. / Здесь с каждым днем синей и выше небо. / Здесь с каждым днем погожее и я, / Который никогда в раздоре с ними не был. / Ты мера всех красот, родимый край. / С тобой в разлуке на душе нет света. / Покроется туманом синий май, / Без красных зорь начнут всходить рассветы. / Войду я в речку Шокишу, окунуюсь / И, родниковой водой омытый, / Я словно заново рожусь / Красивый, молодой, душой и телом чистый. / Прошло – не сосчитаю! – сколько лет, / Как я с тобой, туземец твой, живу. / Ты для меня, мой край, весь Белый Свет, / Где боги к людям сходят наяву»* [Шаронов 2014, 45].

Один из ключевых «шароновских» мотивов – ценностная противопоставленность прошлого и настоящего. У данной художественно реализуемой конфликтогенной оппозиции множество проблемно-тематических подтекстов, социопсихологических аргументаций, тонких когнитивных нюансов. Творческому человеку, интеллектуалу, сформировавшемуся в Советском Союзе, с одной стороны, очень непросто было смириться с крушением страны, идеологического фундамента, принять новые – во многом совершенно противоположные нравственные послылы и доминанты поведения, войти в хаос новой эпохи. С другой, появилась возможность почти неограниченных этнических репрезентаций, разноаспектных манифестаций национальной самобытности. Следует признать, такая «захватывающая» свобода продлилась недолго, полного удовлетворения представителям этноинтеллигентского истеблишмента не принесла. Вероятно, отсюда в стихах Шаронова немало взаимоисключающих элементов, очевидно противоречивого, сложно совместимого: искренняя, отсылающая к годам молодости поддержка идеологизированного социалистического мироустройства и «взрослое», поэтому негромкое признание его перегибов и «тупиков», открытый дискурс неприятия меркантильности, подобострастного «западничества» эпохи «парада суверенитетов» и понимание неизбежности многих случившихся в это время экономических реформ, геополитических поворотов, важности этнических активностей и «возвращений», повсеместно декларируемая «эрзянскость» и согласие с «переходом» в русских, апелляции к мордовским богам и компромиссно-уважительное отношение к православию. Упомянутые и оставляемые в стороне «рельефы» индивидуально-авторского восприятия, сочетаемость несочетаемого как минимум говорят об обилии и интенсивности внешних вызовов и внутренних трансформаций. Шаронов – поэт не компромиссов, а сопротивления, «острых углов» жизни.

Одна из поэтических реализаций темы этнического происхождения / проявления – констатация сложного, «сборного» генетического устройства, упоминание о наличии крови разных народов: *«О, сколько голосов звучит во мне! / Народ разноязыкий слово просит. / То гот, то балт, то росс заговорит, / То эрзянин поет про Мастораву, / То цудей напомним, что и он / Живет в моей душе, в крови и в мыслях, / То римлянин проснется и про Рим / Расскажет, о его великой славе, / Что некогда мы были с ним в родстве, / Но гунны нас по свету разбросали; / И финн порою голос свой подаст, / К покою тихому склоняя. / Я многолик, но в разуме един. / И потому одну имею душу. / Но как Европы древний сын, в себе / Гвалт голосов ее вседневно слышу»* [Шаронов 2014, 73].

По-видимому, автору важно на примере отдельно взятых людей продемонстрировать этнически многомерную природу российской нации. Именно такой исторически предопределенной «кровной» полифонией можно объяснить и «разновекторность» ментальности россиян, и плодотворное сосуществование противоположных мировоззренческих начал, и подлинную конкурентоспособность отечественной культуры.

Сочетание разных кровей в стихотворении «В Инсаре» [Шаронов 2014: 199–200] оказывается таинственным слагаемым привлекательности, сексуальной притягательности женщины-мокшанки. Кажется, что эта подчеркнутая, обнаруженная мужским персонажем «этническая смешанность» случайно-неслучайной подруги трогает его больше всего. Произведение выигрышно отличается от некоторых других «соседних» стихов погружающими в многообещающую импровизацию флирта личностно-мемуаристскими интонациями, выразительным в контексте наивно-диких обыкновений провинциального городка любовно-сентиментальным фоном. Рассматриваемый текст свидетельствует о том, что стихи о любви являют собой один из художественно оригинальных, раскрывающих авторский талант срезов творчества А. М. Шаронова.

В целой серии стихотворений А. М. Шаронов призывает Россию, русский народ вернуться к своим финно-угорским истокам. Это стало бы выходом из затяжного духовного кризиса, спасительным и естественным выбором.

Одна из центральных тем поэзии Александра Шаронова – судьбы России. Его категорически не устраивает местоположение страны на геополитической карте мира постсоветского времени. В системе координат Шаронова Россия – целая вселенная, которая должна жить по своим собственным законам, своим разумом, опираться на свои исконные ценности и обыкновения. Для российской цивилизации трагедия – стать / быть «трафаретным государством»: *«По людям пушки бьют. / С Нью-Йорком сравнивают рост / Санкт-Петербург, Москва. / Как будто их попутал Черт, / Засев в их головах. / Как им свой разум изменить, / К России стать лицом / И вновь по-муромски зажечь / С Ильей и Соловьем? / Увы! Увы! Но могут вновь / Владимир и Ростов / Вернуть нам русскую любовь, / Призвав к себе Тамбов. / Мы можем снова Русью стать, / Зажив своим умом. / Тогда вновь с неба благодать / Сойдет живым огнем...»* [Шаронов 2014, 34].

В одном из стихотворений поэт призывает на помощь современной России мордовского князя Пургаса, в другом утверждает, что Россию, Русь покинул Бог, в третьем проводит параллель с СССР, не в пользу современной России, которую никто не боится. Текстов, написанных в «ритме» разочарования, неоправданных надежд и ожиданий в книге *«Планета Эра»* очень много: *«Я слышу конский топ на Волге и Оке. / Всё ближе он и с каждым днем тревожней. / Кто скачет там с булавою в руке / Дорогой, может быть, пустопорожней? / Кто будит вековую тишину? / Кто к небесам вздымает пыль земную? / А, может, хочет он начать войну / За сторону свою родную?.. / Неужто это гордый князь Пургас, / Тринадцатый век роковой покинув, / Желает доскакать до нас, / Нам глядя из времен минувших в спину? / Неужто видит он – идут монголы, / И надо Русь от врагов спасти? / Иль видит он, как села наши голы, / Бурьяном буйным стали зарастать? / Всё видит он, великий князь Пургас, / И потому, прервав сон занебесный, / В век 21-й скачет, чтобы нас / Спасти от гибели вселенской. / Всё ближе конский топ. Уж вижу я / В ночной дали огни в глазах Пургаса, / Они кричат: «Живи, о, Русь, моя, / Для звездного, но уж другого, часа!...»* [Шаронов 2014, 44–45].

В своих произведениях А. М. Шаронов щедр на упоминание врагов России. Их имена произносятся громко и часто – они ни в коем случае не должны быть забыты. Враги у России есть внешние и внутренние. Речь идет о конкретных странах и политических деятелях, разваливших великую страну. Особенно достается цивилизации, странам Запада, олицетворяющим в восприятии эрзянского поэта коллективное зло. Поддерживающие политику США, Европы российские политики 1990-х удостоиваются самых уничижительных оценок.

Стихотворения, обращенные к любовным переживаниям, составляют в поэтических книгах А. М. Шаронова видный, значимый пласт. Они преимущественно расположены в финальной части книг, когда ослабевают этнографические, исторические контексты и на первый символический план выходят не меркнувшие за далью лет воспоминания любви. Следует заметить, эти тексты несколько контрастируют с образом солидного, увлеченного научными изысканиями профессора. Вместе с тем они пронизаны всё теми же «шароновскими» жаждой жизни, экспрессивностью миропознания. Лирический герой-мужчина в стихах Шаронова не может остановиться в своих любовных порывах – ему мало только одной возлюбленной. Он сомневающийся и самоуверенный одновременно, порывисто-импульсивный, часто живущий двойной, тройной жизнью, готовый одарить своим мужским вниманием каждую женщину. При некоторой наивности большинства любовных стихотворений Шаронову удается донести до читателя и боль разлук, разочарований. Любовные истории в произведениях Александра Шаронова не бывают простыми, идеальными – часто это половинчато-мучительное чувство, обманывающее иллюзией взаимности. Любовь – это и путь длиною в жизнь, и «вспышки» свиданий, в иных ситуациях неприемлемая для автора возможность потерять себя. Проанализированные любовные сюжеты или ретроспективны, как бы воспроизводят ситуации молодости, или это своеобразная фиксация синхронии переживаемого, изображение любви в разнообразных ее проявлениях здесь и сейчас. Обращает на себя внимание и то, что автор словно преподносит воспринимающей стороне свой донжуанский список, оперирует именами, обозначает некие количественные параметры. К слову, магия цифр, чисел привлекает, символически волнует поэта. Так, «Я»-субъект нередко напоминает о некоторых возрастных «порогах», важных в контексте взаимоотношений мужчины и женщины (двадцать, сорок, сорок восемь, пятьдесят лет). В стихотворениях о любви у Шаронова образ девушки / подруги выписан с разной степенью подробности. Иногда возлюбленная эфемерна, и реципиент лишь силой своего воображения может «реконструировать» всю ее психологическую

сложность и внешнюю красоту. В других случаях женский персонаж «погружен» в автобиографическую конкретику – перед читателем возникает живой образ, явленный в движениях внешних и внутренних. В любовной лирике А. М. Шаронова острота, масштабность переживаний передают природные символы, развиты образно-ассоциативные параллели, отражающие палитру любовной экзистенции. Возлюбленные нередко соотносятся с мифологическими персонажами, олицетворяющими женское начало, женский мир (древнегреческая Афродита, мордовская Анге). Приведем наиболее яркие образцы его стихотворений о любви: *«Наступит май – и будет вновь весна. / В Артанию вернутся журавли. / Но снова ты останешься одна, / Живя от суеты земной вдали. / Не встанут розы там, где ты пройдешь, / Не заалет красным цветом луг, / Покуда кровь из сердца не прольешь / На боль моей любви, на вопли мух. / Скорее укрощенной стань змеей, / Дающей исцеляющий мне яд. / Приди и, как жена, живи со мной, / Преодолей моих смятений ад»* [Шаронов 2014, 205]; *«Ты летний дождь в январские морозы. / Ты снег с небес в июльскую жару. / Ты из-под снега выросшие розы, / Которые, как варвар, я сорву. / Вчера на небесах явился ангел / И возвестил: «Идет к тебе любовь, / Ты несказанно будешь счастлив новь, / Она прекрасна и мила как Анге»* [Шаронов 2014, 200].

Один из регулярных мотивов в поэзии Александра Шаронова – мотив пути, дороги. Лирический герой в своих размышлениях, воспоминаниях, любовных и этнографических поисках перемещается от одного топоса к другому, движется из прошлого в настоящее и возвращается обратно. Главной становится дорога домой – на свою эрзянскую родину, малую и большую, реальную и глобально-мифологическую. Примечательно, что в тексте «В дороге» былой этнографический энтузиазм относительно русско-мордовского симбиоза неожиданно уступает место тихим, но прочным сожалениям – эрзянское стало российским: *«Знойный полдень. Стоят в полудреме деревья / Вдоль дороги-тоски из «мордвы» на Эрзянь. / По забытым следам к милой родине древней / Я иду, как когда-то мой предок Тюштянь. / Меня тянет туда. Нет в душе другой воли. / Хоть минуло с тех пор уже тысячу лет, / Как российским зовется эрзянское поле / И земля не хранит моих предков завет...»* [Шаронов 2014, 169].

Дорога в Москву (см.: «Поездка в Москву» [Шаронов 2014, 177–179]) – большое стихотворение, посыл которого видится спорным, трагичным, даже – провокативным. Автору, остро переживающему катаклизмы постсоветского времени, кажется, что в современной России почти не осталось настоящих русских. Они словно растворились, исчезли под руинами Советского Союза. Важно подчеркнуть, что это беспокойство о судьбах русского народа, охватившее представителя другого этноса – прецедент не единичный. Так, корякский русскоязычный поэт Владимир Коянто (см.: [Арзамазов 2021, 185]) в своем творчестве неоднократно касался этой острой этносоциальной темы – ему также внезапно стало не хватать русских на необъятных территориях родины. По всей вероятности, речь может идти о логически еще неоформленных, интуитивных, не поддающихся четкому выражению реакциях, ощущениях, продиктованных радикализацией межэтнической повестки, растерянностью перед интенсивностью «парада суверенитетов». В художественном преломлении некоторых писателей, в этногуманитарных дискурсах постсоветского пространства именно русские по целому ряду параметров оказались в наиболее уязвимом положении, стали объектом ненависти, адресатом обвинений. И дорога-поездка в Москву «за русскими» у Шаронова полна неутешительных выводов, печальных открытий – русский человек, русский народ больше, чем другие, утратили свою стержневую самобытность, в цивилизационном, социально-экономическом плане проиграли.

В книгу «Планета Эра» вошло немало стихотворений, относящихся к раннему периоду творчества А. М. Шаронова. Некоторые тексты датируются концом 1950–1960-ми годами. Очевидно, что эти произведения, их проблематику и символику естественно было бы рассмотреть, актуализируя культурный ландшафт советской литературы эпохи «оттепели». Важно подчеркнуть, что многое из написанного в обозначенный временной отрезок лишено фрагментов идеологической ангажированности, как будто поэт жил и писал в свободном от соцреалистических предписаний пространстве, здесь нет никаких следов советской мирореальности. Применительно к ранним стихам Шаронова предположительно можно говорить о распространенном в измерении литературы приеме мифологизации хронологии текстов, когда даты их создания специально искажены, а произведения на самом деле написаны раньше или позже. Об этом могут свидетельствовать именно повсеместно эксплицируемая несоветскость внутрстиховой действительности, фольклорно-мифологическая акцентированность многих лирических сюжетов, героев.

Поэтическое творчество А. М. Шаронова представляет значительный аналитический интерес своими разными гранями. Его стихотворения – пример художественной трансляции этнически марки-

рованных тем, проблем, символов на русском языке. Создавая свои тексты по-русски, поэт не порывает с художественными истоками, мифологией, фольклором мордвы-эрзи. Напротив, складывается видимость усиления этнокультурной компоненты. Вместе с тем стихотворения Шаронова оцениваются не всегда с точки зрения их поэтической выразительности, могут прочитываться как пространство преломления научных гипотез, репрезентации альтернативной истории, этнографии. Поэтическое творчество А. М. Шаронова, экспрессивность отдельных его высказываний свидетельствуют о болезненном восприятии постсоветской эпохи. «Парад суверенитетов», вопреки ожиданиям, не приносит этнофору подлинной свободы самовыражения, оставляет представителей национальной гуманитарной интеллигенции наедине с большим количеством социальных, экзистенциальных проблем.

Поэзия А. М. Шаронова – поэтически самобытное проявление эрзянско-русского патриотизма, основанного на сложной истории многовекового сближения двух народов, их этнокультур, языков. Вместе с тем его художественный мир полон парадоксов, противоречий, оппозиций, существенно усложняющих опыт прочтения произведений, их смысловых посылов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамазов А. А. Литература народов России: Литература народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. М.: Юрайт, 2021. 248 с.
- Арзамазов А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения. Казань: Издательство АН РТ, 2022. 316 с.
- Бахтикереева У. М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М.: Изд-во «Триада», 2005. 192 с.
- Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Литературный билингвизм: за и против // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 298–303.
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с.
- Гируцкий А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск: Университетское, 1990. 175 с.
- Жиндеева Е. А. По координатам жизни. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева. 2006. 168 с.
- Каторова А. М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1 (25). С. 122–131.
- Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 258 с.
- Мазанав Ш. А. Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур. Махачкала: Юпитер, 1997. 262 с.
- Налдеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры: монография. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 285 с.
- Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
- Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
- Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008. 559 с.
- Хухуни Г. Т. Литературный билингвизм: прошлое и настоящее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 277–288.
- Шаронов А. М. Планета Эра: стихи, поэмы, повести, рассказы. Саранск: Лит. фонд России, 2014. 544 с.
- Sahnmann M. Reading, Living, and Writing Bilingual Poetry as ScholARTistry in the Language Arts Classroom // Language Arts. March 2006, Vol. 83 Issue 4. Pp. 342–352.
- Kellman S. G. Literary translanguaging: What and why? // Polilinguality and Transcultural Practices. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 337–346.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Арзамазов Алексей Андреевич,
доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10
E-mail: arzami@rambler.ru

A. A. Arzamazov

**POET OF THE ERZYA-RUSSIAN BORDERLAND:
THE ARTISTIC WORLD OF ALEXANDER SHARONOV**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-363-371

The article deals with the poetry of the famous Erzya poet and philologist, ethnographer Alexander Markovich Sharonov. The representative text corpus included in the collection “Planet Era” covering forty years of the author's literary and scientific life fell into the scope of the study. It is revealed that poetry is for A. M. Sharonov one of the key cultural forms of ethnic reflection and the space for constructing ethno-utopian chronotopes. The poet tests his own ethnographic concepts, develops a hypothesis about the kinship between the Mordvins (Erzya) and Russians in his poetic reality. Poems dedicated to the geopolitical theme, including individual author's ideas about the modern world order, about the poles of good and evil, are revealed. Particular attention is paid to love lyrics, which are characterized by confession, nostalgia, the actualization of the natural landscape code and the ethnic identity of the female image. The article raises the question of the author's decision to choose Russian as the main language, the criteria for identifying the artistic model of the writer's world with the national tradition. Poetic practices of A. M. Sharonov are also interesting in a comparative aspect with the Russian-language works of other national writers representing the peoples of Russia.

Keywords: national literature, Russian language, Erzya culture, folklore, mythology, figurative system, ethnography, love lyrics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 363–371. In Russian.

REFERENCES

Arzamazov A. A. *Literatura narodov Rossii: Literatura narodov Krainego Severa i Dal'nego Vostoka* [Literature of the peoples of Russia: Literature of the peoples of the Far North and the Far East]. Moscow: Yurait Publ., 2021. 248 p. In Russian.

Arzamazov A. A. *Mariisko-udmurtskie poeticheskie paralleli i kontrasty. Opyt komparativnogo prochteniya* [Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience]. Kazan: Izdatel'stvo AN RT Publ., 2022. 316 p. In Russian.

Bakhtikereeva U. M. *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost': natsional'nyi russkoyazychnyi pisatel' i osobennosti ego russkogo khudozhestvennogo teksta* [Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and peculiarities of his Russian literary text]. Moscow: Izd-vo «Triada» Publ., 2005. 192 p. In Russian.

Valuitseva I. I., Khukhuni G. T. Literaturnyi bilingvizm: za i protiv [Literary bilingualism: pros and cons] // *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: Languages and Specialties]. 2015. Issue 5. Pp. 298–303. In Russian.

Vereshchagin E. M. *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (Bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of dual-language speaking (Bilingualism)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2014. 162 p. In Russian.

Girutskii A. A. *Belorussko-russkii khudozhestvennyi bilingvizm: tipologiya i istoriya, yazykovye protsessy* [Belarusian-Russian artistic bilingualism: typology and history, linguistic processes]. Minsk: Universitetskoe Publ., 1990. 175 p. In Russian.

Zhindeeva E. A. *Po koordinatam zhizni. Evolyutsiya russkoyazychnoi prozy Mordovii* [According to the coordinates of life. The evolution of Russian-language prose of Mordovia]. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M. E. Evsev'eva Publ. 2006. 168 p.

Katorova A. M. Osnovnye napravleniya razvitiya mordovskoi literatury v nachale XXI v. [The main directions of development of Mordovian literature at the beginning of the XXI century] // *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. 2013. Issue 1 (25). Pp. 122–131. In Russian.

Lagunova O. K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisatelei nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty of the last third of the twentieth century (E. Aipin, Y. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta Publ., 2007. 258 p. In Russian.

Mazanaev Sh. A. *Dvuyazychnoe khudozhestvennoe tvorchestvo v sisteme natsional'nykh literatur* [Bilingual artistic creativity in the system of national literatures]. Makhachkala: Yupiter Publ., 1997. 262 p. In Russian.

Naldeeva O. I. *Sovremennaya mordovskaya poeziya: osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry: monografiya* [Modern Mordovian poetry: main trends and artistic guidelines: monograph]. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t Publ., 2013. 285 p. In Russian.

Sultanov K. K. *Ot Doma k Miru. Etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to the World. Ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 302 p.

Sultanov K. K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt* [Angle of refraction. Literature and identity: a communicative aspect]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2019. 352 p. In Russian.

Khugaev I. S. *Genezis i razvitie russkoyazychnoi osetinskoj literatury* [Genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. Vladikavkaz: Ir Publ., 2008. 559 p. In Russian.

Khukhuni G. T. Literaturnyi bilingvizm: proshloe i nastoyashchee [Literary bilingualism: past and present] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: Languages and Specialties]. 2018. Vol. 15. Issue 2. Pp. 277–288. In Russian.

Sharonov A. M. *Planeta Era: stikhi, poemy, povesti, rasskazy* [Planet Era: verses, poems, novellas, short stories]. Saransk: Lit. fond Rossii Publ., 2014. 544 p. In Russian.

Cahnmann M. Reading, Living, and Writing Bilingual Poetry as ScholARTistry in the Language Arts Classroom // *Language Arts*. 2006, Vol. 83 Issue 4. Pp. 342–352. In English.

Kellman S. G. Literary translanguaging: What and why? // *Polilinguality and Transcultural Practices*. 2019. Vol. 16. Issue 3. Pp. 337–346. In English.

Received 31.03.2023

Arzamazov Alexei Andreevich

Doctor of Philology

Professor of the Department of Russian language
and intercultural communication

Institute of the Russian Language

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

E-mail: arzami@rambler.ru

Patrik Šenkár

**“CURSED FREEDOM” – COEXISTENCE OF NATION(ALITIE)S
IN THE PROSE OF JÓZSEF NYÍRÓ AND MIHÁLY BERNULA**

The article points out the importance of human coexistence of nations and nationalities in the Central and Eastern European space-time of the 1930s. It presents the basic attributes of cultural and literary factors from the aspect of Hungarians, Romanians and Slovaks. It treats important historical events after the disintegration of Austria-Hungary (1918) and their effects on the concrete life of simple people in the majority and minority mode. It characterizes the sources, features and creative perspectives of the movement of so-called “folk writers”. It is based on the theoretical findings of important culturologists, philosophers, journalists and literary scientists of mentioned chronotopes. He applies the individual theorems to the specific development of this literary group in symbiosis with the European and Hungarian traditions of the idea of freedom. First of all, it is based on the minority position of Hungarians/Szeklers in Romania/Transylvania, which is concretized on the basis of an analytical interpretation of József Nyíró’s novel *Az én népem* [Eng. *My people*, 1935]. It presents the biography of this Hungarian – Transylvanian writer and emphasizes his specific/artistic authoring practices. In the background of the narrative moments, it notices the question of freedom and coexistence of Hungarians and Romanians in a small closed micro-society of a contemporary village. In the next part, the article – in a similar spirit – deals with the opposite view of the description of not always problem-free coexistence of Hungarians and Slovaks in Hungary during the great economic crisis in the work of Mihály Bernula *Elátkozott idők – Preklatie časy* [Eng. *Cursed Times*, 1998]. This time, on the basis of the Treaty of Trianon, the Hungarians are in minority. Of course, the issue of historically, politically, socially, culturally or literally determined “cursed freedom” is always analyzed, and it is concluded that the most important thing is the peaceful coexistence of nations and nationalities – independently of various turbulences in time and space.

Keywords: minority existence, freedom, interpretation, József Nyíró, Mihály Bernula.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-372-383

Transylvania is a mystical, magical country, bearing the seal of history and legends. For many centuries, Hungarians, Romanians, Saxons, Slovaks live there side by side. At the same time, each of them preserves their culture; however, they still enrich each other. In the background of established local traditions, therefore, nations and nationalities living in this space-time constantly “... must get to know each other ... They must be aware of the concept of mutual mental belonging; the three nations / nationalities must come spiritually closer together; this is a serious commitment and role of the Transylvanian writer” [Széfeddin 2013, 26]. Emphasis is also placed on peaceful coexistence, as “... these people can only understand and respect each other if they get to know each other’s external and internal qualities” [O. Nagy 2013, 31]. Social interaction among these nationalities has a great influence on individual personality development and the development of an individual’s characteristic features such as possessing appropriate problem-solving skills, life management skills, being tolerant and creative, since these personality traits “... do not evolve in a vacuum, creative behaviour can be the result of cooperation and social interaction” [Puskás 2020, 39]. At this background: “The political turbulence brought about by 1918 went down in history as the impetus for the emergence of new borders in Europe. The new territorial division determined the next stage in the history of the Lowlanders, which found themselves in the newly formed states from day to day. An important research source for the evaluation of these changes as a result of the turning point of 1918 is the literary work of Lowlanders, who responded to 1918 with prose, poetic and dramatic works” [Pavelcová 2019, s. 235].

Writers of Hungarian nationality from this region have fully established themselves in the broader Hungarian literary context. The historical event of 1918 (i.e. the disintegration of Austria-Hungary) was a source for the creation of Hungarian literature in Transylvania (Romania), because literature remained “... relatively the best-preserved area of Hungarian spiritual life, which responded most up-to-date and flexibly to the problems of the time. This situation significantly increased its ideological role, which was also highlighted by the crisis situation at the turn of the 20s and 30s, and the collapse of traditional spiritual-political currents” [Salamon 1982, 47]. The basic effort of the writers in this new chronotope became the

concretization of the minority destiny of the Hungarians. Individual (prosaic) texts gradually reflected the extraordinary instinct of life of this national minority, whose representatives believed that "... writing has a mission. They did not just want to guard the idea of Hungary; they believed that fate had special plans for their national life. Transylvania thus received European problems of coexistence of nations / nationalities on a daily basis. They wanted to be an example in that as well" [Czine 1988, 516]. In the field of comprehensively understood foreign affairs, authors proclaimed "... cooperation of small Eastern European nations; in culture / education a deep feeling of Hungary; on the question of faith, the Hungarian form of Christian religious feeling" [idea of László Németh, a certain spiritual father of the so-called folk authors in Hungary; Bimbó 1967, 53]. These authors understood literature as a means of uplifting society. By the way, at the same time, people have reported on the active social and literary activities of the age, elements of travelling was emerged. Mihály Guhr has been "... a great supporter of visual artists, actors and literary creators. He encouraged them in the work..." [Dobay 2021, 36]. He and other authors accurately identified the long-term poverty and suffering of millions, the expulsion of much of society for political and social reasons, or the day-to-day injustice. The village with its many peculiar problems became their source of inspiration. In their fiction texts they used the knowledge of folk culture, i.e. preserved and proven traditions of the common people. In Romania, between the two world wars, there was also a similar movement as in Hungary – the so-called poporanism. Its members-authors sought a literary treatment of the problems of agriculture; their most common theme was the difficult life and misery of poor villagers.

Of course, the so-called folk authors were also organized in contemporary Hungary, i.e. in the mother country, sharing time and ideology – from the Hungarian and Slovak aspects – with compatriot authors. This current, which was created around 1928 and consolidated at the beginning of the next decade, was characterized by a commitment to the people and the nation, moral ties and efforts to create a society on new – more socially just – foundations. The so-called movement of folk authors was actually "... a demanding spiritual current which tried to give comprehensive solutions / programs to the Hungarian problems, while having its own worldview on society, history, progress..." [Révai 1946, 150]. Hence it was "... one of the most varied and complex phenomena of Hungarian history of the 20th century" [Papp 2012, 30]. Gradually, there were also movements in the geographical areas of the former Austria-Hungary, which after the Treaty of Trianon (1920) fell to other states – as for example Transylvania to Romania. Cultural and literary groups, of course, primarily sought answers to questions of the minority existence of Hungarians in the area; for example, in the spirit of the question where and how the most pressing problems can be captured in the intricate contours of the changed ‚Hungarian‘ world so as to create a universal, modern and promising, yet meaningful, Hungarian literature. Adherence to the people from a literary point of view meant associating with "Hungarian" matters of a spiritual nature in the background of the representation and concretization of its current problems. In the background of the so-called folk writers "... they did not want to transfer – and thus save – the stylistic popularity of the 19th century to the 20th century, but to combine a deeper, more serious, society creating humanity with the spiritual program of the nation" [Bíró 2001, 136]. However, it should be emphasized that the ‚folk‘ attribute does not only signify an author who explicitly comes from peasant roots and writes in a ‚folk‘ style, however one that "... commits himself to identification with the people, has a common destiny with them and is an integral part of the eternal Hungarian spirit, which is primarily guarded by the peasantry" [Salamon 1992, 321]. In the background, "... when the people came to the fore, the fact that several of the new group came from the peasantry did not play a major role. As a result, new answers had to be found to the old questions" [Juhász Pintér 2003, 9]. Thus, they were authors from diverse strata with intricate life destinies, who, however, unanimously proclaimed the important role of uplifting agriculture. A significant result of this autonomous movement was that in the background of universal ethics, European techniques and Hungarian traditions of the idea of freedom and law (with adequate social practice) were combined. These approaches clearly indicated that ethics is highly justified. On that basis the current state of society "... that is confronted with various events indicates that practical philosophy in the form of ethics is inevitable in dealing with arising situation" [Mura, Machyniak, 2014, 64]. Of course, its defense of national identity did not stand in contrast to contemporary European integration, while "... the popular idea could not allow the rejection of already tried and established forms of political and public freedom. To this it added the validation of national interests and self-identity..." [Tóth 2000, 49]. According to the Hungarian thinker and humanist István Bibó, no (larger or smaller) society can be expected to lack evident demand or a natural desire for comprehensive freedom. The specific sensitivity to Hungarian spiritual and historical traditions, the sincere desire for freedom, social ills and the identification of agricultural poverty appeared to be a certain unifying force of this group. In the background of this direction

“... thinking in the intentions of the spiritual unity of the nation, he emphasized the importance of following the fate of each individual ethnocentrically, that is, in the center of the people – and not territorially...” [Borbándi 2000, 21]. Later, in the spirit of openness to Europe, this idea ‘shifted’ in the direction that the authors “... did not want to point to the idealistic or idyllic position of the peasants, but with a realistic drawing, combined with a feeling of solidarity, to their real state” [Borbándi 1989, 143].

Significant prose writers of the mentioned chronotopes, due to the geographical conditions of the surroundings (state) in which they existed, were amongst others the Hungarian writer from Romanian Transylvania József Nyírő and the Slovak writer from Hungary Mihály (Slk. Michal) Bernula. This fact signaled “... inseparability of the movement of existence from its spatial and temporal situation. The world understood as the human life world integrates into itself the movement of existence, i. e. being-in-the-world, in the form inseparability of the stay from its temporal and spatial parameters as existentials” [Bílik 2019, 290].

József Nyírő, who was born on 28 July 1889 in the village of Zsombor (Hung. Székelyzsombor, now Rom. Jimbor), was “... a prominent figure and an important creator of Transylvania's Hungarian literature between the two world wars; one of the most popular novelists, an advocate of Szeklers and Transylvanian Hungarians. Fictionist, journalist and editor” [Váradi P. P., Lőwey L. 2013, 47], apostle, chronicler and Mikszáth of Szeklers’, Catholic priest, journalist, parliamentarian. In 1907 he graduated from the Roman Catholic Main Grammar School in Odorheiu Secuiesc (Hung. Székelyudvarhely). He studied theology at the Institute of the Priestly Seminary in Alba Iulia (Hung. Gyulafehérvár); philosophy and theology at the Collegium Pazmanianum in Vienna (Germ. Wien). He received his doctorate in theology in 1912; in the same year he was ordained a priest in Sibiu (Hung. Nagyszeben). He first taught religion in this city, then in Bistrița (Hung. Beszterce, 1914–1915). He later became a priest in the village of Chidea (Hung. Kide). After the annexation of Transylvania to Romania (1918), he left the church and married Ilona Bedő, who came from the village of Racoș (Hung. Alsórákos). Three children were born from their marriage. He first rented a mill in the village of Chidea (Hung. Kide) to support his family as a miller. For the next ten years he worked as a journalist for the Keleti Újság in the city of Cluj (Hung. Kolozsvár). In 1920, his short story Haldoklik a székely (Eng. The Szekler is dying) won the literary competition; subsequently he won first prize in the Ellenzék newspaper competition (with prose Értelek virág and Rapsonné rózsája; Eng. I understand you, flower – Mrs. Rapson’s rose). In 1923 he moved with his family to the town of Cluj (Hung. Kolozsvár), where he edited the magazine Újság. From 1923 to 1924 he was the editor-in-chief of the local cultural and literary magazine Pásztortűz. In addition, he was one of the founders of the Erdélyi Szépmíves Céh group, a member of the Transylvanian Literary Society and the Zsigmond Kemény Society. In 1924, his first collection of short stories called Jézusfaragó ember (Eng. Jesus carving man) was published, which was a success in Transylvania and Hungary. From 1928 he became a senior employee of Erdélyi Helikon. He gradually became involved in the Szeklers’ literary circle. In 1931, however, he withdrew to the background: he farmed in the village of Racoș (Hung. Alsórákos). He later lived with his family in Odorheiu Secuiesc (Hung. Székelyudvarhely). After a few years, he returned to work in the Keleti Újság (from 1939 to 1942 as editor-in-chief). In 1940, his literary work was recognized with state honors – the so-called Corvinus wreath. After the Second Vienna Arbitration, he moved to Budapest and from February 14, 1942 he became a Member of the Hungarian Parliament as an invited Member of Transylvania. In the years 1942–1943 he edited the weekly Magyar Erő; in 1944 he was a senior employee of the Magyar Ünnepe newspaper. Later he became a parliamentary member in the period of the so-called arrow crosses. After the war, he was forced to flee: from 1945 he lived in the Bavarian villages of Wollaberg and Waldkirchen. As an emigrant from 1946 to 1949, he was co-editor of the Magyar Harangok newspaper. From 1948 to 1951 he held the position of the first chairman of the Association of Hungarian Journalists Abroad and the Hungarian Cultural Association (both organizations were founded in Munich, Germany). In 1950, he moved near Madrid. As an employee of the Hungarian broadcaster Spanish National Radio, he wrote political commentaries. In 1952, he joined the initiative to establish the Kossuth Lajos Publishing House in Cleveland. In the same year he was elected co-chair of the Hungarian Freedom Movement. In the background of these activities, we can say that József Nyírő actively participated in the cultural work of Hungarian emigration. This effort finally ended on October 16, 1953 in a Madrid hospital.

Based on the published opinion of the Hungarian Academy of Sciences (from 2016), it should be noted, or clarified that there are no extreme political views in the literary work of József Nyírő. His priestly upbringing and admiration for Transylvania or Szeklers are, of course, reflected in his prose, which is given a special atmosphere by a mixture of the Catholic faith, the world of Szekler superstitions

and the pantheistic notion of nature. It is a socially and psychologically authentic, world of poetic depiction interesting to readers. The combination of playful twists, clear elements of the regional language and typical sayings leads to a unique authorial style. Nevertheless, his prose did not escape repeated criticism for simplifying depictions of social conflicts, naive romanticism, and false idyll in describing Szekler characters. Admittedly, the depiction of this world that constantly appears in his novels is sometimes slightly superficial. But yet: “Nyirő’s literary works show a high level of disorganization on the structural level as well as in their language use, rife with attempts at expressive rhetorical imagery, dialect phrases and single-use words...” [Huszar 2014, 311]. For this reason, too, his texts can be thought of as lectures expressing the unifying spirit of the time within micro-society, rather than as the masterpieces of a given era.

József Nyirő’s prosaic nature tends toward romance in the background of the strong mythization, idealization, and conservatism of the simple village man. He had the most frequently encoded backbone of directness and dignity in him – that is, even in the faults of life. The author writes about agriculture, using a rich well of folk culture (for example, balladism or drama of folklore itself). It describes mutual interpersonal relationships (also) in the background of love for nature (identification with it), concretizes the beauties of the mother tongue and concerns about its persistence. It sharpens the faith of the Szeklers despite a difficult – minority – fate. At the same time, he defines his own authorial idiolect with the aim that the Szeklers should identify themselves precisely (themselves) and become acquainted with Hungarian nationhood as a whole.

His novel *Az én népem* (Slk. *Môj ľud*, Eng. *My people*, 1935), which was written during his stay in the village of Racoș (Hung. *Alsórákos*), is a testimony to the most contemporary Szekler period, the unanimistic human micro-society and its superhuman struggle for continuous existence. It is a bit of an exaggeration to say that no one has ever portrayed the fate of Hungarian minority life in a gloomier and yet more peaceful, shocking and so reassuring way than József Nyirő in this novel, which convincingly points to reasons stemming not from superpower conspiracies but from the mistakes of Hungarian politics. In it, the author elevates the mountain region to the art world, using the perennial idea that the Szeklers have always lived in the collision point of the East. The description of the life, problems, crises and struggles of simple villagers in the overall desire for protection and self-preservation is guided by the whole text (minority existence, difficult economic fates of everyday life).

The story of the novel takes place in a small mountain-based Szekler village sometime between 1920 and 1935, where a new pastor of the Reformed Church – Béla Botár – comes with his young wife and children. He is welcomed and inaugurated by local Romanian government circles. The language of the new state power is already Romanian; local Hungarians also speak to Romanian officials in this language. Nevertheless, Romanians do not avoid the Hungarian / Szekler reality of the village, they give an empathic gesture about the possible use of Hungarian. The *primprétor* (chief serving judge) accepts the new pastor in his mother tongue (*pars pro toto* on behalf of the Romanian authorities). The linguistic image of the novel is quite promising at the moment: the prime minister as a Romanian / normal person / representative of power cannot be complained about. At this moment, the hope for a conflict-free, linguistically correct minority life of the Hungarians / Szeklers in the new Romania is shining.

After the inauguration ceremony, the new pastor is forced to face the reality of his new place of work. However, one person is powerless to ensure the existence of a problem-free minority, but to maintain the overall condition. That is also why Béla Botár is looking for allies. It's not an easy task, because i.a. the Romanian state does not recognize the medical degree obtained in Hungary by Miklós Mester, a respected member of the local village intelligence.

Through the person of the pastor, Nyirő depicts the political-economic-minoritarian post-Trianon suffering of the Szeklers, reveals the frustrating situation of a large part of the Transylvanian Hungarians and the hegemonic pressure of the majority culture. Nevertheless, the novel does not bear the attributes of hatred towards Romanians, nor is it generally permeated by Hungarian nationalism or chauvinism. His characters are mainly people, minority citizens of Romania, who are trying to adapt to the changed situation (of course, everyone according to their temperament). The relatively free structure of the text is united by the complex fate of the pastor. Since the inauguration, we can observe his vicissitudes of life in creative symbiosis with the minority disposition of the villagers. Within the limits of his experience, readers will receive information about far-reaching historical contexts. Everything happens around him and in connection with him. He is a character who lingers for a long time in specific events until the people accept him among themselves. The novel thus also speaks of what a clergyman can do in the life of a minority Szekler village in restoring the

faith of the inhabitants, who have already been literally oppressed by Romanian priests with their rites. However, Botár becomes forsaken, he does not receive support from the state or from his church. At the same time, dramas take place every day in the lives of the characters (for example, when the quarrelsome Romanian chief service judge Pompeiu enchants the pastor's wife, causing a family crisis). The teacher becomes a native to get a job in a Romanian public school. From episode to episode, the author not only describes the life of Szeklers under Romanian rule, but also points out that they are not innocent either.

Social problems also complicate everyday life: state aid is delayed, even though the mayor of Bucharest himself provides assistance for the pastor and his family. The only decisive Romanian figure is not static. In the background, we can feel the constant anonymous presence of state power, but the depiction of the Romanian-Hungarian conflict is not schematic. Nevertheless, in the end, unfortunately, the Hungarian parish's intercultural communication with the Romanians is not functional, because as a minority representative it is not an adequate communication partner for the Romanian state. In this intercultural experience "... the process of transformation begins, which teaches the community that Szekler Hungarian, which is perceived as natural, is unprotected. From this springs what we can call the interculturally motivated sense of identity consciousness..." [Dani 2014, 211]. However, the final message of the novel is optimistic: people should not be allowed to break even in directly untenable circumstances; a church school for a national minority is also being built, in which Hungarian will be taught, and parents are glad that their children can be educated in their mother tongue. On the other side, this way is also extraordinary useful, too, because it develops "... a language repertoire that applies all language skills, knowledge and experience. The children and pupils of citizens belonging to national minorities and ethnic groups are guaranteed the right to acquire the state language" [Szóköi 2018, 53].

In the text, the author emphasizes the mutual belonging of nations and nationalities. A Szekler with white socks is a good Hungarian and should live in peace with a shorty Romanian. Nyíró typifies the characters first from the outside, then from the inside. He confronts the reflection of hard reality on the rotten faces of individuals and the inner honor of their character. The freedom of the soul is concretized by the free choice of religious songs in the church. In the dialogue between Hungarian and Romanian, it is possible to record mutual tolerance with the features of diplomacy. When looking at the fat fields, which are the roots of peace, hope appears in the spirit of the village man, which escalates even when we are aware of the laws and regulations of the new Romanian state. The symbol of the human, social, empathic, continuous path is contracted here, along with the physical path, which actually ends on the edge of the village. Therefore, the self-identification of the pros and cons of people and the environment is important. Against the background of the binary opposition ‚here – there / inside – outside‘ geographically truncated Hungary appears to be the outside world external to the the home order. The Transylvanian Szeklers live a quiet, gradually assimilating fate of minorities, whose dramas are only slightly reflected on the outside. Based on this aspect, the author more or less presents the psychological development of the main characters, who are clearly aware of their minority fate. At the same time, Romanian gendarmes, as representatives of the majority state power, roughly declare their rights. On the other hand, the pastor-Hungarian will no longer receive credit in the cooperative business – but the Romanian notary, secretary or sergeant will. The nature of the Jewish innkeeper, who vacillates between the nationalities, is also depicted here. The economic crisis brings a struggle for survival, highlighting the idea that nothing can be reluctant in the minority. These coordinates also include a young pastor, whose psychological development leads to a certain apathy towards God, life, office and minority being. This situation is a springboard for disillusioning thoughts that people do not want to be buried in a Romanian country (preferably in Hungarian or even Czech). In one way or another, they must wander like Roma without a home, constantly adapting to strangers. It's literally a minority being, that "... peculiar minority feeling, some constant fright from unexpected and unknown horrors that cannot be prepared for. Some unshakable consciousness that grinds the nerves from minute to minute" [Nyíró 1935, 67]. This is objectified by the fear of state support or employment. Life is getting harder by the day, and almost everything has to suffer. In this aspect, the minority destiny of individuals is united: "Minority being, fateful common suffering, toppled all the dividing wall between us, and wherever we would knock, we would be at home in every Hungarian abode, every slice of bread would be everyone's common bread, even in some crumbly crumbs, it would belong to everyone as well..." [Nyíró 1935, 84]. The fact about the change of words in the song – from 'poor Hungarian' to 'poor orphans', which can only be sung in public in this way, sounds tragic ...

Sad, but perhaps promising from a national point of view, is the story of Dani Sala, who commits suicide in a remote purely Romanian village located in the Regat region only for persecution for not

speaking the state language. The author describes the young boy's efforts to overcome this obstacle (he wants to go to Bucharest to a purely Romanian environment, he escapes to Debrecen in Hungary with a desire to understand Hungarian overall, he studies in high school thanks to the cohesion of his classmates). However, everything goes to waste... However, the attitude of Prahova Romanians towards the dead boy sounds empathetic, and they do not even understand the language of his documents. The ideas of reconciliation are strong, especially at the last farewell: Hungarian-Romanian metacommunication is a symbol (even a concretization) of hope for a more meaningful life. An individual may die, but a minority must survive.

The efforts of the Romanian authorities to abolish the national school are sadly clear. However, the Hungarians must comply with official decisions. However, the teacher's chameleon behavior is disillusioning, his newly created bootlicking towards Romanians. The question of loyalty, principles, (non)existence of the backbone arises... The micro-society (Hungarian, but also Romanian!) condemns him, criticizes his multidirectional compliments. The gradual reduction in the number of pupils is determined not only by the cold in the classroom, but also by the number of offices. They afflict not only young people, but also war veterans, who, because they served in the war under other powers, receive only half the staff on the boil. On the other hand, it should be emphasized that the prototype of the collegial figure is the director of Szűcs, who strives for national reconciliation. At the same time, Béla Botár is reluctant to accept the offered teaching position in a state school; he sees in front of him an abandoned people and the tragic fate of the Transylvanian Hungarians. Once again, the social interest of nationality comes to the fore over the personal principle. A strong identity is the driving force behind activities and a snag of desertion. There is a world in the tangle of Hungarian with Romanian elements. Religious life is also being curtailed in the way that Hungarian Reformed believers have to go to pray in the Orthodox Romanian Church – symbolically adapting to its bells. It is a world in which Romanians with originally Hungarian names multiply. There are fewer and fewer Hungarian grave inscriptions in the cemetery. On Sunday, he also adapts to Romanians in his clothes. It describes a micro-region in which: “The grandson of the former vicarage is a Greek Catholic servant, the great-grandson of a former Calvinist pastor, originally from an ancient Hungarian family with a surname, is now a hateful Romanian teacher towards the Hungarians ... In 1848 a Greek Catholic priest baptized a Hungarian clergyman with all his believers” [Nyíró 1935, 184–185]. Also in 1930, the teacher should reorient himself to the “Romanian” faith (in order to apply). Statements must be avoided, which, most often, come from Hungarians. Such a person will not teach his students either Hungarian or Romanian. He is not an authority or an exemplary citizen of reconciliation, because he in vain pleaded with the lords and political parties – he remained only a man who denied God and his own nation / his own race / his own nationality. However, a strong person “... honors himself especially when he bends over to the fateful historical reversals of another nation that has retained its moral credit” [Nyíró 1935, 209]. This is what József Nyíró did in his novel, trying to make sensitive readers understand the secret that has helped the Szeklers persevere for centuries, despite various ailments. It is actually the fact that earth and man form a unity. Man becomes earth, earth becomes man. Thus they become immortal together, for life and future reside in them. Everything else is external and transient.

This view of the coexistence of Hungarians and Romanians, in which the Hungarians are in a minority position, naturally, can vary in a directly “opposite” way, when the Hungarians get into a majority position against the Slovaks in terms of state law. This fact, of course, is also determined by historical and political events in Europe. Overall, it can be stated that “... Hungarian government policy in post-war Europe also upheld the concept of a unified Hungarian nation ... This meant that the existence and identity of non-Hungarian nationalities and their right to independent cultural and minority life were denied” [Deák 1994, 15]. Nevertheless, closed micro-communities have to some extent retained their minority identity. This also applies to Slovaks who lived in southern – post-Trianonian – Hungary in the 1930s. In the cultural system of this minority, significant acculturation processes took place at that time, which were also accompanied by a certain cultural assimilation at various levels. During them, the traditional hierarchy of values was broken down. However, the ratio of the two cultures, in this case Hungarian and Slovak, their over- / under- / assignment and placement on the scale of these values within bilingual cultural systems, extremely “... influenced the taste of the time and a new orientation in the evolving hierarchization of values, which was stimulated by ever newer social cultural challenges” [Divičanová 2001, 40]. However, the main driving force of the changes in national culture can also be identified precisely in the interethnic relationship of culture, in the coexistence of majority and national communities. Emphasis is placed on the processes of the mentioned changes in pointing out that national culture is shaped and transformed by two tendencies: general patterns of

cultural changes and peculiar motivations, typical for a particular national minority. However, its transformations also have specific features that can cause changes in it. Under the influence of these changes, however, considerably "... it also modifies ethnic cultural identification, the cultural behavior of the individual, but also of the entire minority community..." [Divičanová 2002, 217].

Within these processes of Hungarian-Slovak coexistence, the national literature is also dynamic, which, of course, is again created in another socio-ethnic environment, i.e. outside a certain ethnic unit. In the changed conditions, she had to take on certain new tasks of relatively independent functioning in her ethnic environment. For this reason, too, the thematic peculiarity with elements of local color and the special category (in the understanding of the terminology of the Slovak comparatist Dionýz Ďurišin) are typologically characteristic of national literature. These, as we have already mentioned from another aspect, are "... located in a certain interspace, but close to the other two, or more contexts of the same interliterary community" [Harpán 2000, 15]. Literary expressions are thus unimaginable without a specific space in which they take place. Thus, this attribute can be described as a semiotic category, as it is not present directly, lies indirectly, encoded in individual words. Literary category of the epic hence "... represents a semiotic superstructure and transformation of the geographical and social space. Space in a literary work is not a physical givenness, but a semiotic fact. Epic space is always realized in a specific way. There is an ‚own‘ space in which the narrator moves sovereignly and a ‚foreign‘ space in which he is uncertain and which needs to be managed" [Harpán 2014, 81]. Each conceived theme in a work of art thus has its spatial coordinates, i.e. geographical correlations in which it concretizes, realizes and creates other layers of interactions. From this aspect, there is an indisputable connecting and mediating function of the Lowland literary communities, i. e. national literatures in Hungary, Romania and Serbia. The ‚Lowland‘ attribute "... suggests a creative directness to the geographical space and the resulting local color of literary expressions, but this does not mean that those works in which there are no such features do not belong to the Slovak Lowland context" [Harpán 2004, 57]. Thus, the dynamism of the literary community (in this case) of Slovak national literatures is emphasized. Lowland writings written in Slovak in literary communication will therefore always give the impression of a kind of thematic peculiarity, which is understood as the result of the processes of universalization and concretization of life experience. However, this should not hinder its involvement in contexts and interactions, but should allow it to participate more comprehensively in co-creating the diversity of literature itself. The sum and interplay of factors thus qualifies the function of a minority community within the contexts that correspond to it – for example, the literature of the surrounding region and home country and its specific features that result from the position of the cultural enclave (even in a negative sense). It is a latent, spontaneous interliterary exchange, the processuality of which is understood "... as the objectification of impulses and values while preserving the peculiarities and details that make up the whole ... This is a confirmation of the requirement of autonomy and openness at the same time" [Kníchal 2005, 266]. From this point of view, it is interesting that the literatures of Central and South-Eastern Europe did not penetrate into the wider consciousness, but some of them, even through their minority branches, permanently and significantly influenced each other. Thus the authenticity of the artistic statement in an epic work "... increases over time, because the author can choose from the experienced reality, artistically sort the essential from the marginal ... and thus update the experienced reality" [Plutko 1992, 27]. Actualization is a means of more comprehensive and deeper artistic knowledge, which makes it possible to express a new perspective on reality, to reveal current relationships and connections between known phenomena, which is also the root of interpretation. A work of art appears to reflect a fact and "... at the same time as the expression of the man who creates this epoch" [Škamla 1970, 99]. In some micro-environments, even a minority writer "... played with his undried pen a specific function of preserving national and cultural identity ... Even in such conditions ... literature has proved its viability. True, it evolved in a more tortuous way..." [Dudok 2001, 67]. But it progressed ... and gave various (prosaic) testimonies. In this context, the contribution of writers writing in the language of minorities in preserving national identity is obvious, as even in such a case the language is "... a basic tool and a manifestation of one's own identity" [Kováčová 2016, 224].

Mihály Bernula, a native of Pitvaroš (Hung. Pitvaros), published a bilingual prose text in an equivalent Hungarian-Slovak mutation [For details about the relationship between text variants, see e.g. Lőrincz, Lőrincz 2020, 238] ‚Ballad of the Corner of Storms‘, a colorful mosaic of a jewel box of minority literature, entitled *Elátkozott idők / Prekliate časy* (Eng. *Cursed Times*, 1998). It is a memorial story in which the author returned to the interwar times of the 1930s with a general picture of misery in Lower Hungary – also Slovak-inhabited Pitvaroš [For more details see: Andruška 2008, 96], which was a very strong Slovak village

with conscious Slovak population (in 1930, up to 91.2% of Slovaks lived in the census; about the further development of the ethnicity in Pitvaroš see: [Tóth 2004, 106–109]). The place of narration is the writer's well-known home region, in which he survived his childhood and youth. It authenticates the past, updates the difficult times in the village, but also love and sin, the irreconcilability of fire and water. On the other hand, it is not possible to be satisfied only with fixed and from every aspect verified knowledge about the cultural (thus also literary) past, but it is necessary to "... constantly verify and arrive at new findings. The literature of the past is also a problem, a problem even with regard to the present, not only in terms of continuity, but also in terms of approach and solution of those issues with which the literature has constantly dealt and is settling" [Hlavatá 2011, 11]. The image of local society is depicted through the fates of various characters in an engaging storyline and clear style. The author's social feeling is evident, while the text presents a historical picture of the times of ancestors who struggled not only with their everyday problems, but also with a certain ethnic oppression of state (i.e. Hungarian) power. The cross-section of the time, described in the novel form, allows perceptive readers to look into the life of a micro-society that is close and at the same time distant, but illustrating the image of Slovaks being and living in Hungary. The symmetrical bilingualism of this work, the importance of which we have already mentioned above, "... carries a picture for the future reader, who, regardless of his nationality, will be given the opportunity to get to know each other's nations condemned to live together, and thus the only right way for the future of us all" [Papuček 1998, 6]. The coexistence of nations and nationalities may resonates in, for example, for readers in useful rows of this prose. In this background "... the work with legends allows an interdisciplinary approach (multicultural education)" [Vítězová 2020, 26].

The cooperation of nations and nationalities is also reflected in joint physical work (for example, after a snow disaster). It is an obvious attribute of the foundations of freedom with the reverse symbol of the infinite area. It is – at least temporarily – a deliverance from poverty, the economic crisis, desolation. The author contrasts this chronotope with the world of absolute freedom of hunting of the "great enlightened regent" Miklós Horthy and of the great county lords on the state stud farm. Onomastically, it is interesting to note that the main steward of the stud farm was called foal-headed (as a reference to his Hungarian name Lóffy Ignác). A hat with a rooster feather was a symbol of the superiority of the local police, who had to swear allegiance to the social order. With impunity, they were able to disperse young people at fun and knock them out. The mayor also threatened to report to the highest forums. Thus, the subjects of modern times are left with nothing but misery in Pitvaroš and Nadlak (Rom. Nădlac) abodes, eels, hemp fields. Only the bravery of the village man remained in this world, of course, regardless of his national (minority) identity. In difficult times, however, the village unanimously held together; A symbol of its freedom was that: "The villagers could not be hired for their families, for their birches, even when they had nothing to eat for many weeks. They hated servitude" [Bernula 1998, 20]. It was enough to be a servant during the manorial hunts, during which the life of a wildlife hound meant nothing. The proposal to divide at least a piece of land between them directly provoked laughter of the noble lords. Once again, the determining non-freedom came to the fore, which could be confirmed and concretized by a possible prison in case of dissatisfaction with the master. The economic crisis, unemployment, the existence of the cuisine of the poor and the regression of the Hangya cooperative have also reduced personal freedom. The only straw of hope was faith, which infiltrated contemporary politics and everyday life. Skepticism also contaminated the view not only of the past but also of the present, with people fighting: "... on various fronts, once in Halič, then in Italy. They were told that the fight was for the homeland and for the truth. They told everyone the same thing, and the people were led to lead them against other nations and take them to the slaughterhouse. Just because they spoke another language. The cause of the war was once religion, other times nationality..." [Bernula 1998, 52]. Gradually, however, interpersonal relationships (friendships, camaraderie, love) were disrupted – even in the pub as the emblematic center of the village's events. At the same time, the question of emigration to Czechoslovakia arises, which at that time was a more prosperous and freer country than Hungary, in which even then medieval conditions prevailed. It was a world of false statistics on the unemployed and the distance of ideals and reality. Landowners in great Hungarian robes marched in parliament, deputies were able to commit crimes with impunity. The lack of interest in the real development of the whole country was evident. It was a world of renegades and returnees from America, whose new mores stood out from the traditions and customs of Pitvaroš. Tragicomic was the behavior of the grandfather, who "... wants to buy a horse for his grandson, let the boy have his will. He is gifted, he was after all born in America and raised there for thirteen years. He is said to look like the son of a baron. He would also like a bear from his grandparents. Well, just a bear! These Americans can be so conceited that they don't even

know what to do. They're just showing off. Does the boy want to walk down the street with the bear? Why don't they buy him a hippo or a camel or a giraffe right away ...? He should learn to ride on it, he would see into every yard" [Bernula 1998, 71]. Communication was replaced by silence, the slogan of freedom, equality and brotherhood fell into a vacuum. Čílek from Nadlak (Rom. Nădlac) and Kešiar from Békešská Čaba (Hung. Békéscsaba) could not even dream of the freedom of the Pitvaroš instructor Ferenc Capf and teacher Pál Kovács. Freedom was maximally reduced by the declaration of martial law throughout the country after the railway assassination in Biatorbágy (1931). The author describes strikes for wage increases, so he also emphasizes the social attribute. Dissatisfaction was fundamentally shaken by the deteriorating situation. The simple villager was so afraid of himself, his family, his neighbors – he even breathed stealthily. Nonsensical regulations often accumulated. Imprisonment and executions were the order of the day, as: "People must live in fear, otherwise they will quickly resist" [Bernula 1998, 114].

An important feature of space-time is the question of language: Slovak is in decline, despite the fact that the surroundings of Pitvaroš are clearly Slovak. Bernula describes the Hungarianization of people from generation to generation. The Slovak becomes a Swabian, then a Hungarian. However, the importance of morality is emphasized, if not more broadly, then at least within the common residence: "Only spouses could live together, but they had to stay with each other for better or worse. Even if it has to collapse, even then. If they hurt themselves, if they hate each other, if they can't even look at themselves, they have to keep their promise when they married each other. What God has united, man will not divide" [Bernula 1998, 153–154]. In the character of Anna Repková from Slovakia, the author points to an unhappy marriage from which he wants to break out – despite the anger of the whole village. And that is where personal and social hope lies: to look for ways and ways of individual and collective freedom. Because that's the only way to live. Even when the road is cut. As described by Mihály Bernula.

Based on the above-mentioned attributes, it can be stated that the issue of freedom was, is and will be a current feature of literary processing in European literatures. It is necessary to look for certain specifics. We also tried to describe the complex, not always simple fate of the majority and minority man, citizen, individual: Hungarian, Romanian and Slovak in the 1930s.

REFERENCES

Andruška P. *Súčasní slovenskí spisovatelia z Maďarska* [Contemporary Slovak writers from Hungary]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2008. 106 p. In Slovak.

Bernula M. *Prekliate časy / Elátkozott idők* [Damn times]. Veľké Úľany – Nagyfödémés: VTV Stúdió, 1998. 367 p. In Slovak and in Hungarian.

Bimbó M. A „népi írók” mozgalmáról [About the movement of “folk writers”]. *Eszmélet*, 1967, Vol. 18, Issue 1, pp. 53–61. In Hungarian.

Bílik R. Poetika kontroly. Medzi poetikou textu a poetikou udalosti [The Poetics of Control. In Between the Poetics of Text and the Poetics of Event]. *Slovenská literatúra*, 2019, Vol. 66, Issue 4, pp. 285–299. In Slovak.

Bíró Z. A népi mozgalom írói és a Válasz gondolköre [Writers of the folk movement and the mindset of the journal Válasz 'Answer']. In: *Két nemzedék. A magyar irodalom két nagy nemzedéke a 20. században* [Two generations. Two great generations of Hungarian literature in the 20th century]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó – Universitas, 2001, pp. 133–136. In Hungarian.

Borbándi Gy. A középtől balra. A népi mozgalom jellege és helye [From the middle to the left. The nature and place of the folk movement]. In: *Népiség és népiek. Esszék, tanulmányok, cikkek* [Folk movement and folk writers. Essays, studies, articles]. Budapest: Püski Kiadó, 2000, pp. 17–22. In Hungarian.

Borbándi Gy. A népi írói mozgalom kibontakozása [The unfolding of the folk writing movement]. In: *A magyar népi mozgalom. A harmadik reformnemzedék* [The Hungarian folk movement. The third generation of reforms]. Budapest: Püski Kiadó, 1989, pp. 126–152. In Hungarian.

Czine M. Utószó [Epilogue]. In: *Erdélyi csillagok. Romániai magyar írók antológiája* [Transylvanian stars. Anthology of Hungarian writers from Romania]. Budapest: Népszava Kiadó Vállalat, 1988, pp. 513–530. In Hungarian.

Dani E. Nyíró József: Az én népem – a motiválatlan közösségi identitástól a tudatosan vállalt MI-identitásig [József Nyíró: My people – from unmotivated community identity to consciously committed US-identity]. *Hitel*, 2014, Vol. 27, Issue 12, pp. 202–212. In Hungarian.

Deák L. Postavenie slovenskej menšiny v Maďarsku medzi dvoma svetovými vojnami [The position of the Slovak minority in Hungary between the two world wars]. In: Balážová, E., Grácová, G. (eds.): *Slováci v Maďarsku* [Slovaks in Hungary]. Martin: Matica slovenská, 1994, pp. 11–34. In Slovak.

Divičanová A. Etnokultúrne modely tradičnej kultúry – Etnikai kulturális modellek [Ethnocultural models of traditional culture]. In: *Premeny tradičnej kultúry Slovákov v Maďarsku – A magyarországi szlovákok hagyományos kultúrájának változásai* [Transformations of the traditional culture of Slovaks in Hungary]. Békešská Čaba – Békéscsaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku – Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete, 2001, pp. 35–46, 106–118. In Slovak and in Hungarian.

Divičanová A. Variabilita kultúrnej identifikácie Slovákov v Maďarsku [Variability of cultural identification of Slovaks in Hungary]. In: *Dimenzie národnostného bytia a kultúry* [Dimensions of minority existence and culture]. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2002, pp. 217–225. In Slovak.

Dobay B. *A sportturizmus kezdetei Szlovákiában* [The beginnings of sports tourism in Slovakia]. Komárom: KOMPRESS Kiadó, 2021. 102 p. In Hungarian.

Dudok M. Literárna dynamickosť [Literary dynamism]. In: *Náveje* [Blowings]. Nadlak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2001, pp. 65–67. In Slovak.

Harpáň M. Národnostné literatúry v medziliterárnom procese [Minority literatures in the inter-literary process]. In: *Zápas o identitu* [The struggle for identity]. Nadlak – Bratislava: Vydavateľstvo Kultúrnej a vedeckej spoločnosti Ivana Kraska a Vydavateľstvo ESA, 2000, pp. 11–17. In Slovak.

Harpáň M. Singulár a plurál slovenskej literatúry na Dolnej zemi [Singular and plural of Slovak literature in the Lowland]. In: *Texty a kontexty* [Texts and contexts]. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2004, pp. 54–61. In Slovak.

Harpáň M. Spoločenské prostredie a epický priestor [Social surrounding and epic area]. In: *Ars poetica Pannonica*. Nadlak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2014, pp. 81–88. In Slovak.

Hlavatá R. *Fenomén historizmu v myslení o literatúre* [The phenomenon of historicism in thinking about literature]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2011. 148 p. In Slovak.

Huszár A. Nationalism and Hungarian Education Policy: Are the Literary Works of Cecile Tormay, Jozsef Nyiro, and Albert Wass Appropriate for the Hungarian School Curriculum? *Hungarian Cultural Studies*, 2014, Vol. 7, Issue 1, pp. 303–319. In English.

Juhász Pintér P. A népi írói mozgalom [The folk writing movement]. *Belvedere Meridionale*, 2003, Vol. 15, Issue 5–8, pp. 4–15. In Hungarian.

Kníchal O. Viackontextovosť ako model sprostredkovania literárnych hodnôt [Multi-contextuality as a model of mediating literary values]. In: Štefanko, O. (ed.): *Dolnozemske súčinnosti* [Lowland synergies]. Nadlak – Bratislava: Vydavateľstvo Ivan Krasko – Vydavateľstvo ESA, 2005, pp. 262–267. In Slovak.

Kováčová Z. Obraz hodnôt v prózach Dagmar Márie Anocovej alebo čo znamená byť spisovateľkou na Dolnej zemi [The image of values in the prose of Dagmar Mária Anocová or what it means to be a writer in the Lowland]. In: Olteanu, A. (ed.): *In Honorem Dagmar Maria Anoca* [In Honorem Dagmar Maria Anoca]. București: Editura Universității din București, 2016, pp. 214 – 224. In Slovak.

Lórinč G., Lórinč J. A nyelvi variativitás elméleti kérdései [Theoretical questions of language variability]. *Magyar Nyelvőr*, 2020, no. 144 (2), pp. 229–253. In Hungarian.

Mura L., Machyniak J. Ethical Aspects of Public Administration. In: *Economic Development and Management of Regions*, 2014, Vol. 4, Issue 2, pp. 59–65. In English.

Nyíró J. *Az én népem* [My people]. Budapest: Révai Kiadó, 1935. 275 p. In Hungarian.

O. Nagy Gábor. Erdély szelleme beszél... Nyíró József nyilatkozik... [The spirit of Transylvania speaks... József Nyíró makes a statement...]. In: Medvigy, E. (ed.): *Meghitt beszélgetések Nyíró Józseffel* [Snug conversations with József Nyíró]. Budapest: Kairosz Kiadó, 2013, pp. 30–34. In Hungarian.

Papp I. *A magyar népi mozgalom története 1920 – 1990* [History of the Hungarian folk movement 1920 – 1990]. Budapest: Jaffa Kiadó, 2012. 270 p. In Hungarian.

Papuček G. O prekliatych časoch v Pitvaroši [About the cursed times in Pitvaroš]. *Budapeštiansky Slovák*, 1998, Vol. 3, Issue 4–5, p. 6. In Slovak.

Pavelcová Z. Ondrej Kulík – straty a návraty dolnozemsých Slovákov [Ondrej Kulík – losses and returns of Lowland Slovaks]. In: Ambruš, M., Hlásnik, P., Unc, B. (eds.): *Dolnozemskí Slováci a rok 1918* [Lowland Slovaks and the year 1918]. Nadlak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2019, pp. 235–238. In Slovak.

Plutko P. *Autor umeleckého diela* [Author of a work of art]. Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre, 1992. 109 p. In Slovak.

Puskás A. *Improving Creativity in the EFL Classroom*. Brno: Tribun EU, 2020. 164 p. In English.

Révai J. *Marxizmus és népiesség* [Marxism and populism]. Budapest: Szikra Kiadás, 1946. 163 p. In Hungarian.

Salamon K. Adalékok a népi mozgalom szellemiségéhez [Additives to the spirituality of the folk movement]. In: Závodszy, G. (ed.): *Fejezetek a magyar művelődés történetéből* [Chapters from the history of Hungarian educational movement]. Budapest: ELTE TFK, 1992, pp. 315–327. In Hungarian.

Salamon K. A népi mozgalom [The folk movement]. In: *Utak a Márciusi Front felé* [Roads to the March Front]. Budapest: Magvető Kiadó, 1982, pp. 40–47. In Hungarian.

Škamla J. My o literatúre, Sartre o literatúre [We about literature, Sartre about literature]. In: *Cesta k poetickému* [The path to the poetic]. Bratislava: Smena, 1970, pp. 93–102. In Slovak.

Széffedin Sefket bey. Meghitt beszélgetés Nyíró Józseffel a csodálatos „Székely Misztériumról“, a székely író életfeladatairól és életéről [A snug conversation with József Nyíró about the wonderful “Szekler Mystery”, about the life tasks and life of the Szekler writer]. In: Medvigy, E. (ed.): *Meghitt beszélgetések Nyíró Józseffel* [Snug conversations with József Nyíró]. Budapest: Kairosz Kiadó, 2013, pp. 24–29. In Hungarian.

Szőköl I. Continuous Improvement of the Teaching Process in Primary Education. *Journal of Language and Cultural Education*, 2018, Vol. 6, Issue 1, pp. 53–64. In English.

Tóth I. L. A szabadság igénye. Bibó István és a népi mozgalom szabadságeszméje [The need for freedom. István Bibó and the idea of freedom of the folk movement]. In: *Népi gondolat és politikai cselekvés* [Folk idea and political action]. Miskolc: Felsőmagyarország Kiadó, 2000, pp. 47–52. In Hungarian.

Tóth S. J. Pitvaroš, Albert, Ambróz – školstvo a cirkev [Pitvaroš, Albert, Ambróz – school system and church]. In: Uhrinová, A. – Žiláková, M. (eds.): *Slovenčina v menšinovom prostredí* [Slovak language in a minority surrounding]. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2004, pp. 103–110. In Slovak.

Váradi P. P., Lówey L. Erdély – Székelyföld. A székely apostol. Nyíró József [Transylvania – Szeklerland. The Szekler apostle. József Nyíró]. Veszprém: PéterPál Könyvkiadó, 2013. 108 p. In Hungarian.

Vitézová E. *Contemporary Slovak literature for children in theory and education*. Hradec Králové: Gaudeamus, 2020. 86 p. In English.

Received 18.01.2023

Šenkár Patrik

PhD., Associate Professor in Literary Science

University J. Selye

3322, Bratislavská cesta, 94501 Komárno, Slovakia

E-mail: senkarp@uj.sk

Шенкар Патрик

**«ПРОКЛЯТАЯ СВОБОДА» – СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ПРОЗЕ
ЙОЖЕФА НЬИРЕ И МИХАЯ БЕРНУЛА**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-372-383

В статье подчёркивается значимость сосуществования народов и национальностей в восточно-европейском пространстве 30-ых годов 20 века, отмечаются основные черты деятелей культуры с точки зрения венгров, румын и словаков, обсуждаются важные события, произошедшие после распада Австро-Венгрии (1918) и их влияние на жизнь простых людей (большинства и меньшинства). Характеризуются творческие перспективы так называемых народных авторов. Статья базируется на теоретических положениях выдающихся культурологов, философов, журналистов и литературоведов; которые делают акцент преимущественно на эволюции темы свободы в европейской и венгерской литературной традиции. Предметом рассмотрения в романе Йожефа Ньире *Az én népet* («Мой народ», 1935) стало венгерское меньшинство (секуй) в Румынии (Трансильвании). Биография Й. Ньире (который был родом из Трансильвании) наложила отпечаток на его идиостиль. Основной мотив произведения – свобода и взаимоотношения венгров и румын в отдельно взятом селе. Далее в статье анализируются проблемы и особенности сосуществования венгров и словаков на территории Венгрии во время экономического кризиса, описанные в романе Михая Бернула *Elátkozott idők* («Проклятые времена», 1998). На этот раз, в результате заключения Трианонского мирного договора, в меньшинстве находятся венгры. Данный вопрос, определенный как «проклятая свобода», в романе проанализирован через историческую, политическую, социальную, культурную и литературную призму. Но самым важным, безусловно, является мирное сосуществование народов и национальностей.

Ключевые слова: существование меньшинства, свобода, интерпретация, Йожеф Ньире, Михай Бернула.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 372-383. In Russian.

Поступила в редакцию 18.01.23

Шэнкар Патрик

Доктор философии (литературоведение), доцент
Университет имени Яноша Шейе
94501, Словакия, Комарно, Братиславска цеста 3322
E-mail: senkarp@ujv.sk

История, археология, этнография

УДК 392(=511.132)(045)+821.511.132.09(045)

Д. В. Вишнякова, Л. Е. Сурнина

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОМИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX в.¹

В статье освещаются вопросы семьи и брака у коми в XIX в., народные традиции и представления в области семейно-брачных отношений, а также их отражение в творчестве коми поэта XIX в. Историко-литературное исследование произведений И. А. Куратова было направлено на анализ поэтического осмысления народного понимания семьи. В рамках культурно-исторического и этнопоэтического подходов в работе выявляется связь произведений поэта с народными представлениями о семейных отношениях. Изучение исторических источников, этнографических данных и произведений национальной литературы позволило не только дать многомерную характеристику брачности населения, но и рассмотреть укоренившиеся модели поведения в семье и браке, сложившиеся у коми, а также понять, каким образом они были выражены в литературе того времени.

Ключевые слова: Коми край, семья, брак, национальная литература, И. А. Куратов, крестьянский цикл, этнопоэтика, исторический контекст.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-384-395

Брачно-семейные отношения – важнейший элемент традиционной культуры любого народа. Семья выступает одним из наиболее значимых социальных институтов и играет существенную роль в формировании культурных, этнических и нравственных ценностей. Всестороннее исследование семьи как особого института дает представление о ее историко-культурной специфике. Традиционная семья и брак у коми были рассмотрены в работах Ф. В. Плесовского, В. А. Семенова, В. В. Соловьева и ряда других авторов [Плесовский 1968; Семенов 1992; Соловьев 1985]. Тем не менее данная тематика не утратила своей научной актуальности, и в настоящее время вопросы этой исследовательской области изучаются в рамках исторических, историко-демографических, этнографических, историко-филологических изысканий [Попова 2005; Русских 2020; Уваров 2021; Burawoy, Krotov, Lytkina 2018; Lutz 1999; Lytkina 2010; Popova, Varashkova 2014; Popova, Butrim 2011]. Литературные данные служат этнографическим источником и подтверждают исторические выводы работы. Целью данной статьи является характеристика семейно-брачных отношений у коми XIX в. на основе комплексного применения исторических, этнографических и литературных источников. В связи с этим поставлены следующие задачи: проследить по данным официального учета основные показатели брачности населения, выявить традиционные народные представления коми в области семейно-брачных отношений, их отражение в фольклорных и литературных произведениях XIX в. В работе применяются методы как исторического анализа, так и литературного, в том числе этнопоэтический подход. Литературное произведение, с одной стороны, самодостаточно и замкнуто в себе самом, а с другой – разными гранями соприкасается с внетекстовой действительностью – контекстом. Этнопоэтический подход, теоретико-методологические основы которого в филологии разрабатываются В. Н. Захаровым, О. В. Зыряновым [Захаров 2020; Зырянов 2019], позволяет выявить связь литературы с этнографическими традициями и народными представлениями.

Жизнь народа и, прежде всего, жизнь крестьянства занимала значительное место в творчестве И. Куратова – коми поэта XIX в. Немногочисленные воспоминания его современников позволяют заключить, что в годы пребывания на родине, в Коми крае, поэт близко наблюдал традиционный быт и обычаи коми, вел сбор устно-поэтических произведений, изучал живую народную речь. Закономерно, что его собственное поэтическое творчество приобретает особое тематическое единство, свя-

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, плановые темы НИР: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» и «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России».

занное с внутренней потребностью поэта исследовать «родовые», исконные свойства коми человека – народный дух, воплощенный, по его мнению, в крестьянстве. В целом, в рукописях И. А. Куратова усть-сысольского и более позднего среднеазиатского периодов его жизни сохранилось более двадцати произведений, связанных между собой тематически и составляющих крестьянский цикл: «Голь зон» («Парень-бедняк»), «Тима, дерт нин, пöрысь» («Тима, конечно же, стар»), «Пöрысь морт» («Старик»), «Пöч» («Старуха»), «Муса ныланöй, мича аканьöй» («Милая девушка, красивая куколка»), «Синтöм пöльö» («Слепой старик»), «Том ныв» («Девушка»), «Том зон» («Молодец»), «Коми бал», «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину»), «Тэ голь да сы пыдди тэ бур...» («Ты беден и за это ты хорош»), «Закар ордын» («У Захара»), «Кулöм том морт-лөн» («Смерть молодого человека»), «Гöстькөд» («С гостем»), «Пöрысь олöм» («Жизнь старика»), «Корысь» («Нищий») и др. Предпочтение коми поэт отдает изображению молодых и стариков. Запечатленные в таких произведениях человеческие типы и ситуации конкретны и в то же время аллегоричны, т. к. содержат актуальный для автора мотив продолжения жизни в детях и делах. В ряде его поэтических произведений прослеживается тема молодости и осмысливается народное понимание семьи.

В XIX в. особенности хозяйственного быта крестьян делали семью важной основой их существования, в семье сосредотачивались все основные интересы и потребности крестьян. Заключение брака и создание семьи понималось как необходимое условие существования и функционирования крестьянского двора. Нежелание вступать в брак и создавать семью не находило понимания в крестьянской среде и всячески осуждалось. В культуре коми святость брака, значимость создания семьи была закреплена фольклорной традицией, и признание крестьянами роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека, преемственности поколений, реализуемой в семье, отразилось в многочисленных пословицах и поговорках, касающихся семейного быта: *быд пöтка аслас гоз пöвсö корсьö* (каждая птица ищет себе пару), *аслад пöлыдкөд сьöд вөр шöрын абу гажтöм* (со своей парой и в темном лесу не скучно), *öти кийн гөрöд он гөрöддзав* (одной рукой узла не завязать), *гöтыртöм мужикыд кылалан чаг кодь* (неженатый мужчина, что щепка на реке), *кöзйякатöгыд и гортыд абу горт* (без хозяйки и дом не дом) [Плесовский 1973, 20].

Подавляющее большинство населения Европейской России не знало ни позднего замужества, ни значительной степени безбрачия. В то время как во второй половине XIX в. во многих европейских странах ни разу не были замужем 60–70 % всех женщин в возрасте 20–29 лет и свыше 15 % женщин в возрасте 45–49 лет; в Европейской России в 1897 г. соответствующие показатели составляли 23 и примерно 5 % [Вишневский 1977, 110]. В целом брачное поведение коми крестьян XIX в. характеризовалось соблюдением норм общеобязательного вступления в брак, довольно зрелым брачным возрастом обоих полов и частыми повторными браками овдовевших супругов, а также незначительной долей лиц, никогда не вступавших в брак. По статистическим данным, во второй половине XIX – начале XX в. на долю невест, вступающих в брак в возрасте до 20 лет, в Европейской России приходилось примерно 55–60 %, в то время как по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам – 30–40 %, и только по Печорскому уезду доля девушек, вступавших в брак в возрасте моложе 20 лет, была примерно той же, что и по Европейской России. У коми брачный возраст как у женщин, так и мужчин был существенно выше, чем в большинстве земледельческих районов Европейской России. Следует также отметить, что в XIX в. общий коэффициент брачности по Коми краю был меньше, чем в среднем по Европейской России [Вишнякова 2012, 140–141]. Определенное влияние на общую брачность у коми оказывала создающаяся по ряду причин диспропорция полов. В крае наблюдался значительный женский перевес в общей численности населения, наибольшая разница в дисбалансе полов проявлялась в возрасте 20 – 40 лет. Перевес численности женщин в основных брачных возрастах сказывался на брачной структуре: ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна как для женихов. [Вишнякова 2020, 35]. Снижению общего коэффициента брачности по Коми краю также способствовал ряд изменений в социально-экономической сфере. Введение всеобщей воинской повинности, развитие отхожих промыслов, интенсивность семейных разделов приводили к повышению брачного возраста, замедлению темпов вступления в брак каждого поколения.

Тем не менее брачное поведение формировалось под воздействием сложившихся культурных норм и ценностей и характеризовалось соблюдением норм общеобязательности вступления в брак. Исходя из народной традиции XIX – начала XX в., вступление во взрослую жизнь определялось способностью к созданию семьи и полноценному труду. У коми существовала своя традиционная систе-

ма критериев подбора супругов. Одним из наиболее важных условий являлось достижение брачного совершеннолетия. Считалось, что девичья зрелость достигалась в 15–16 лет, к 16–18 годам в основном заканчивалось физическое развитие, и наступал пик совершеннолетия. Вопрос о девичьей зрелости затрагивался и на страницах губернской печати. Так, в публицистическом очерке «Личность и отличительные качества зырян» содержатся следующие сведения: «Надо заметить, что каждая зырянская красавица, достигшая 15 или 16 лет, уже имеет у себя несколько человек поклонников, что составляет их местную гордость, и при случае они даже щеголяют этим друг перед другом» [Ежов 1857, 3]. Важным показателем наступления зрелости являлось вхождение в группу совершеннолетних и участие вместе с ними в молодежных посиделках. Этнографами отмечалось, что круг участников молодежных посиделок ограничивался, как правило, незамужними девушками и холостыми юношами в возрасте от 15–16 лет до 20–22 лет. Наступление совершеннолетия являлось также и нижней границей брачного возраста. [Плесовский 1968, 13; Несанелис 1994, 36]. В ряде коми народных песен есть упоминания о возрастных периодах:

Молодая жизнь, молодая радость.

Молодой поры провождение.

Ожидание своей пятнадцатилетней поры.

Встреча своей двадцатилетней поры.

Тридцать лет – половина жизни [Микушев, Чисталев 1993, 10].

В данном случае 15-летняя пора – время наступления совершеннолетия, 20-летняя пора – время замужества.

Для юношей совершеннолетие определялось в 17–18 лет, эти же годы являлись для парня и началом брачного возраста. Народные представления о лучшем возрасте для женитьбы были достаточно противоречивы. С одной стороны, поддерживалось раннее вступление в брак, у коми по этому поводу бытовали такие пословицы: «кто долго выбирает, то в дураках остается», «перемужалого парня следует остерегаться». Выгодность ранней женитьбы в народном мнении определялась соображениями практического характера: получить новую работницу в семью до ухода сына на военную службу, избежать неуютного брака, внебрачных детей и др. С другой – существовало и такое мнение: «рано женишься – покаешься, со злой женой намаешься».

Отдельный вопрос представляет собой соотношение возрастов супругов. На протяжении изучаемого периода каких-либо значительных отличий в возрастной разнице супругов в отдельных районах Коми края выявлено не было, в связи с этим полученные данные были обобщены и представлены, как характерные для всего края в целом. В первой половине XIX в. соотношение возрастов между супругами выглядело следующим образом: около 60–65 % приходилось на долю тех семейных пар, где муж был старше жены, около 20 % – на долю пар, где жена была старше мужа, и 15–20 % приходилось на долю ровесников. Со второй половины XIX в. возрастные градации в брачных парах претерпевают изменения. Так, доля супружеских пар, где старшим по возрасту был мужчина, выросла до 70–75 %, доля пар, где старше была женщина, сократилась до 19–15 %, уменьшилась и доля супругов, являвшихся ровесниками, примерно до 10–5 %. Как показывают имеющиеся данные, наиболее были распространены брачные союзы, в которых муж являлся старшим по возрасту. По сведениям Б. Н. Миронова, идеальная, с точки зрения крестьян, разница между возрастом жениха и невесты составляла два-три года. Девушка считала для себя бесчестьем выйти замуж за «старика» – мужчину старше ее более чем на два-три года. Подобная психологическая установка определялась высокой смертностью мужчин и страхом женщины остаться вдовой с малолетними детьми [Миронов 2003, 164]. Наличие данных обстоятельств было характерным и для Коми края, в соответствии с этим, схожие стереотипные представления об «идеальной» возрастной разнице между женихом и невестой были распространены и среди коми крестьян.

Коль моложе меня, то будешь сестрицей,

Если старше, будешь матерью,

А ровесница, – мне будешь женой [Микушев, Чисталев 1995, 27] –

говорится в одной из коми народных песен, зафиксированной в начале XX в., однако материалы используемых источников свидетельствуют о более растяжимой возрастной разнице между супругами: большинство брачных союзов, когда жених был старше невесты, заключалось с разницей в возрасте от одного года до семи лет. В тех случаях, когда женщина была старше, разница в возрасте между супругами, как правило, составляла один-два года. Более значительная разница в возрасте между су-

пругами была в основном характерна для повторных браков вдовцов, стремившихся заключить новый брак с молодыми ранее незамужними девицами. Подобные возрастные различия могли достигать 15, 20 и даже 25–26 лет. Тем не менее данная практика не являлась общепринятой и распространенной, и совсем единичными были прецеденты, когда невеста превосходила по возрасту жениха на 15–20 лет. Таким образом, несмотря на то, что «идеальной», с точки зрения общественного сознания, была минимальная возрастная разница между супругами, жених и невеста, вступая в брак, руководствовались не столько сложившимися традиционными представлениями, сколько конкретными обстоятельствами и условиями крестьянской жизни.

Экономические возможности вступления в брак оказывали определенное влияние на уровень брачности. Большая семья, как правило, облегчала вступление в брак, так как для этого не требовалось достижения молодоженами экономической самостоятельности, в то время как создание малой семьи было сопряжено с определенными трудностями. Исследователями также была отмечена тесная связь брачности молодежи с получением наследства. Для некоторых финно-угорских народов, в том числе и для коми, в прошлом были характерны традиции минората. Младший сын обычно оставался жить со своими родителями, наследуя после их смерти дом со всеми хозяйственными постройками, в промысловых районах к нему же переходили и охотничьи угодья отца. Однако старшие братья также могли претендовать на некоторую часть имущества, которое и отчуждалось им при выделении из состава семьи [Соловьев 1987, 72]. Подобная форма так называемого «ограниченного минората», в отличие от майората, при котором наследство было неделимым, не препятствовала образованию новых брачных пар. Ранние браки и незначительная доля лиц, никогда не вступавших в брак, влияли на довольно высокий уровень брачности населения в первой половине изучаемого периода. Во второй половине XIX в. обнаруживались новые явления, которые не миновали и семейную сферу. Проникновение в деревню товарно-денежных отношений, расширение неземледельческих занятий, значительное развитие отхожих промыслов и многие другие явления, нарушали замкнутость сельской жизни, подрывали традиционную культурную систему, лишали смысла многие ценности, выдвигая на их место новые [Вишневыский 1977, 114].

Как уже говорилось выше, народное понимание семьи осмысливается и в творчестве коми поэта XIX в. – Ивана Куратова. Героем в таких стихотворениях является молодежь – юноши и девушки коми народа: «*Муса ныланой, мича аканьой*» («Милая девушка, красивая куколка», 1862 г.), «*Том зон*» («Юноша», 1865 г.) и «*Том ныв*» («Девушка», 1865 г.). Данные тексты строятся в виде поэтического обращения, и их особый характер определяется наличием адресата [Сурнина 2021]. Так, в стихотворении «Милая девушка, красивая куколка» речь автора-повествователя направлена к «мича акань, муса ныв» – к красивой, милой девушке. Говорящий постоянно обращается к своей собеседнице (*тэ, тэныд, тэд* – ты, тебе; *тэ кодь* – как ты; *ачыд тёдмалан* – сама узнаешь; *кутан шебрасьны* – ты будешь укрываться; *пондан тупкысьны* – ты начнешь прикрываться; *тодмалан* – ты постигнешь, узнаешь; *пеляд ваикоптас* – в твое ухо прошепчет; *айыд пыдди* – вместо твоего отца; *пöрысь мамылды* – старой матери твоей; *ваяс пась вылад* – принесет для твоей шубы; *вурас вольпасьтö* – сошьет тебе постель; *сетны сьöлöмтö еджыд морöссьыд* – отдать свое сердце из груди своей белой). Повествователь словно уговаривает девушку ответить на любовь юноши-охотника, пленившегося красавицей и щедро одаривающего ее лесными дарами: *лыяс байдöгöс, кыяс колибöс, ошкöс аддзас кö, пасьсö кульыштас, сідзжö кöинтö, эн пов, нюжöдас, руч ку ваяс тэд шоныд пась вылад, вурас юсь пукысь небыд вольпасьтö, сьöдбöж куён тэ пондан тупкысьны* («изловит рябчика, поймает соловья, если медведя увидит, шкуру снимет, также волка, не бойся, растянет, принесет лисью шкуру для теплой шубы, сошьет из лебяжьего пуха мягкую постель, горностаевой шкурой будешь укрываться»). Обращение особенно чувствуется за счет лексико-грамматического единства слов «*нылан*» и «*акань*» с притяжательным суффиксом *-ой*: *Муса ныланой, мича аканьой* – букв.: милая девушка *моя*, красивая куколка *моя*. Такое же ласковое обращение автора-повествователя к героине мы видим в стихотворении «Девушка», в котором перед читателями предстает образ жизнерадостной, полной веселья и задора девушки:

Шондібаной
Бур таланой,
Муса, мича ныв!

Солнцеликое
Счастье мое,
Милая, красивая девушка!

Он призывает ее «плясать, шалить, смеяться и петь», чтобы развеселились и молодые, и старики:

*Зон моз йӧкты,
Вильшась, серав, сьыв,
Вомас нюмсӧ
Петкӧд том мортлысь,
Мед тэ бӧрысь
Гажмас пӧрысь,
Сьӧлӧм гажӧдысь!*

Как парень, пляши,
Шали, смейся и пой,
На губы сладострастную улыбку
Вызови у юноши!
Пусть, глядя на тебя,
Развеселятся старые,
Сердце радующая!

В следующем же стихотворении говорящий обращается к юноше, убеждает его не упустить возможность стать счастливым с любящей его девушкой, создать семью, напоминая при этом о быстротечности жизни и молодости («Юноша»):

*Регыд мортыд том!
Мунӧны лун-войыд...
Отнас морт джын морт!
Лӧсьӧд, зон, горт!
Лӧсьӧд кӧть мусатӧ!
Долыдмас лун сыкӧд!
Дженъыд сыкӧд вой!*

Недолго человек молод!
Время идет твое...
В одиночестве человек – полчеловека!
Создай, юноша, себе родной дом!
Найди хотя б того, кого полюбишь!
Радостным с ней станет день!
А ночь – коротка!

На адресность монолога говорящего указывает его постоянное обращение к юноше, а также употребление местоимения 2 лица единственного числа, глаголов и слов с притяжательными суффиксами соответствующей формы: *он тӧд тэ, он, мича авъя зон* – не знаешь ты, прекрасный, добрый юноша; *лӧсьӧд, зон, горт* – создай, юноша, себе родной дом; *нывкӧд, зон, шуда ло* – с девушкой, юноша, счастлив будь; *он тӧд сьӧлӧмтӧ, олӧмтӧ, бурлунтӧ, шудлунтӧ* – не знаешь еще ты сердца своего, жизни своей, сердечности своей, счастья своего; *лӧсьӧд кӧть мусатӧ* – найти хотя б свою любимую; *он казяв, он кыв* – не замечаешь ты, не слышишь ты; *кывлин, эм пӧ рай* – ты слышал, есть, говорят, рай; *сэтчӧ эн на кай* – туда не торопись еще; *нывкӧд, зон, шуда ло* – с девушкой, парень, счастлив будь.

В каждом из этих стихотворений повествователь обращается к одному конкретному человеку, который, на первый взгляд, и является единственным персонажем произведения. Вместе с тем параллельно создается образ еще одного героя, находящегося «вне сцены», но постепенно занимающего положение главного персонажа. К примеру, значительная часть текста «Милая девушка, красивая куколка» отдана характеристике юноши-охотника (это почти двадцать девять строк из тридцати четырех), благодаря чему он выглядит гораздо активнее «милой девушки», к которой обращается повествователь. Обращает на себя внимание преобладание глаголов, относящихся к действиям молодого человека.: *эз вош, вошӧдчис* (не заблудился, намеренно затерялся), *ылӧдчис* (удалился), *лыяс* (застрелит), *мыччас* (отдаст), *кыяс* (изловит), *аддзас кӧ* (если увидит), *кульыштас* (снимет шкуру), *нюжӧдас* (растянет), *ваяс* (принесет), *вурас* (сошьет), *висьталас* (скажет), *ваикӧптас* (шепнет), *мынтас* (уплатит), *найӧс радлӧдлас, гажӧдас* (их осчастливит, обрадует). Герой готов со сказочной легкостью снять шкуру с медведя, чтобы любимая могла, не опасаясь его, пасти свою корову, убить волка или лисицу для девичьей шубы с горностаевым воротником. Он и новую избу выстроит, и подати заплатит за бедных родителей девушки, и в меха их оденет, проявив почтение и заботу. Для юноши-охотника И. Куратова лес – это мир, в котором он чувствует себя легко и свободно. Он живет в круге своих интересов, но что бы он ни делал, все посвящено его возлюбленной. Девушка достойна самого лучшего и самого красивого, чем может одарить человека лес: *руч ку ваяс тэд шоныд пась вылад, вурас юсь пукысь небыд вольпасьтӧ, ош ку эшкынӧн кутан шебрасьны, сьӧдбӧж куӧн тэ пондан тупкысьны, ветлӧдлігас тай джуджыд ягьясын, кыз кер казялас керка кер вылад, чӧскыд пызансьыс юкас нян-совсӧ* (лисию шкуру принесет для теплой шубы, сошьет из лебяжьего пуха постель мягкую, из медвежьей шкуры одеялом будешь укрываться, горностаевой шкурой будешь укутываться, бродя по высоким борам, приметит крепкие сосны для бревен, с вкусного стола поделится хлебом-солью). Исследователями отмечается, что доминирование статуса зырянского мужчины над женщиной закреплялось в обычно-правовых нормах, поэтому в общественном сознании царила идея превосходства кормильца-мужчины. С детства из юноши готовили добытчика-промысловика, т. е. кормильца. И уже в шестнадцатилетнем возрасте, достигнув полной правоспособности в соответствии с нормами обычного права, молодые охотники могли самостоятельно отправляться на дальний

промысел. Обычно-правовой статус мужчины у коми (зырян) включал в себя как имущественные, так и личные права и обязанности, порождавшие соответствующие отношения, регулировавшиеся нормами обычного права. В имущественной сфере признавалось доминирующее положение мужчины как главы семьи, кормильца, т. е. человека, обеспечивавшего материальный достаток семьи [Плоцкая]. Таким образом, умение охотиться молодого человека в стихотворении И. Куратова – это не преувеличение. Он крепко стоит на своих ногах, значит, сумеет позаботиться о своей любимой и ее родных. Девушке-красавице остается только лишь принять все эти «подарки» и уплатить молодому человеку единственную плату – отдать свое сердце:

<i>Сӧмын колис со, муса ныланӧй,</i>	И остается только лишь, милая моя девушка,
<i>Тайӧс босьтны тэд, мича аканьӧй!</i>	Все эти подарки принять тебе, красивая моя куколка!
<i>Таысь ӧти мед зонлы мынтыны,</i>	И за все за то заплатить одним –
<i>Сетны сьӧлӧмтӧ еджыд морӧссьыд!</i>	Сердце парню отдать из белой своей груди!

Образы парня и его возлюбленной взаимодополняют друг друга, и в пределах данного текста образуют единство. В подтексте стихотворения содержится вопрос: какой человек должен быть мужем девушки-красавицы? По мнению автора-повествователя, позиция которого адекватна коми поэту, именно такой, каким является герой произведения.

В стихотворении «Юноша» также на первый взгляд присутствует всего один герой. Однако в тексте представлен и образ молодой девушки, на которую автор-повествователь уговаривает юношу обратить внимание:

<i>Он казяв, он кыв...</i>	Не замечаешь, не слышишь...
<i>Нем тэ он кыв!</i>	Ты ничего не примечаешь!
<i>Долыдмас лун ськӧд!</i>	Радостным с ней станет день!
<i>Дженьдаммас вой!</i>	А ночь – коротка!

Именно с ней, по мнению говорящего, юноша должен обзавестись домом и семьей. Для него семья является средством достижения полноты жизни: *ӧтнад джын морт* (в одиночестве человек – полчеловека). Мысль о значимости семьи воплощается и на структурном уровне текста. В. А. Латышева [Латышева 2008, 47], исследовавшая композиционные и интонационные особенности стихотворения «Юноша», отмечает, что текст произведения строится из восьми шестистишных строф, каждая из которых начинается и заканчивается с высказывания либо поучительного характера:

<i>Регыд мортыд том!</i>	Недолго человек молод!
<i>Ичӧт олан ком!</i>	Живешь мгновение!
<i>Выныдлы мывкыдыд</i>	Разум на силы твои
<i>Пуктас мед дом!</i>	Пусть наденет узду!
<i>Мунӧны лун-войыд...</i>	Время идет твое...
<i>Регыд морт том!</i>	Недолго человек молод!

Либо утверждением чего-либо:

<i>Он казяв, он кыв...</i>	Не замечаешь, не слышишь...
<i>Рытывбыд рам ныв</i>	Целый вечер скромная девушка
<i>Яндысьӧ, ылавсьӧ:</i>	Смущается, обмолвливается:
<i>«Код тэысь выв!</i>	«Кто сильнее тебя!
<i>Долыд тэ, мелі тэ!...»</i>	И весел ты, и ласков ты!...»
<i>Нем тэ он кыв!</i>	Не примечаешь ты ничего!

Кольцевая структура каждой из строф дает возможность развития темы не только на протяжении всего текста, но и в его отдельных частях, волнообразно. В каждой строфе автор-повествователь поднимает определенную тему: быстротекущая молодость, неугомонная молодая сила, напрасное одиночество, недалёковидная трата времени, красота и нежность молодой девушки, радость с ней, человеческое равнодушие к счастью молодых людей. Само строение стихотворения с постоянным утверждением, повелением, побуждением подчеркивает, что там, где молодой человек не видит пока

ценностей, автор-повествователь, выражающий точку зрения самого поэта, видит человеческое счастье: человек в одиночестве – полчеловека; следовательно, надо обзавестись другой половиной, родным кровом и жить счастливо с любимой девушкой, т.е. обрести свою телесную и духовную полноту. Перечисляя в предыдущих строфах, в чем состоит счастье человека, говорящий приходит к выводу, что именно семья, любимый человек и являются счастьем, которого юноша должен добиться сам: «Недолго человек молод! Время идет твое... В одиночестве человек – полчеловека! Обзаведись, юноша, домом! Найди хотя б того, кого полюбишь! Юноша! Будь счастлив с девушкой!».

В следующем стихотворении – «Том ныв» («Девушка») – в изображаемом пространстве девушка находится одна, а единственным наблюдателем за ней является автор-повествователь, который призывает ее «улыбаться, петь и танцевать». Но в то же время из контекста всего стихотворения становится понятно, что к девушке присматриваются и молодые парни (*в голове думы, на губы сладострастную улыбку вызови у юноши*), наблюдают старики (*пусть старый, глядя на тебя, почувствует в сердце прежнюю радость*). Создается образ посиделок, на которых «обычно исполнялись лирические песни о различных перипетиях любовных взаимоотношений; о встречах, свиданиях, расставаниях возлюбленных; о совместном гулянье молодых; о молодости с ее многоликой жизнью» [Микушев, Рочев 1979, 135]. Необходимым этапом подготовки к браку были знакомства и встречи молодежи на гуляниях и праздниках, на которых девушки не только демонстрировали свое мастерство в прядении и шитье, а значит, и свою взрослость, но и получали возможность более тесного общения с потенциальными женихами. Образовавшиеся на гуляниях пары впоследствии действительно часто соединялись в браке. По сведениям этнографов, несмотря на регламентацию отношений с противоположным полом, в коми крестьянской среде девушки были достаточно свободны как в выборе ухажера, так и в выборе жениха. При сватовстве родители настаивали на более подходящем кандидате, тем не менее у невесты имелась возможность отстоять свой выбор [Ильина, Уляшев 2009, 143].

Текст стихотворения И. Куратова фактически весь строится на основе традиционных для народной поэзии приемов. Это и идеализация молодости с помощью изобразительных эпитетов (*мича* – красивая, *муса* – милая, *шондiban* – солнцеликая, *бур талан* – счастливая), и сравнительное сопоставление человека с явлениями природы (*Югыд шонди! Долод, шонды / Став енвет увсö!* – Светлое солнце! Грей и оживляй все, что есть под небом!), и характерные для песенного синтаксиса обращения-зачины и риторические восклицания (*Шондibanöй / Бур таланöй / Муса, мича ныв!* – Солнцеликая, счастье мое, милая, красивая девушка!). О сознательном подражании поэта песне плясовой говорят приемы, усиливающие ритмичность звучания произведения: короткий стих, лексические повторы, ассонансы и аллитерации в конце ритмической единицы: *öкты – йöкты* (собирай – пляши), *думсö – нюмсö* (мысли – улыбку), *тэ бöрысь – пöрысь* (за тобой – старик), *шонди – шонты* (солнце – грей). Так возникает образ танцующей девушки, которая, будто смеясь и играя, поет песни, которые «исполнялись на любых молодежных вечеринках (*рытпук, войпук*) или гуляньях (*ворсöм*) без каких-либо особых на то условий» [Там же, 140]. Личность самого говорящего в стихотворении открыто не выражается, но именно его активность слова, то, как он описывает девушку и как к ней обращается, придает динамику и задор героине. В этнографической литературе есть указания на то, что особым авторитетом на таких вечеринках пользовались заводилы – хороводники, плясуны-импровизаторы, умеющие завести, начать пляску, увлечь за собой всех присутствующих [Мельников 2010, 316]. Именно такой является героиня И. Куратова:

*Зон моз йöкты,
Вильшась, серав, сьыв,
Вомас нюмсö
Петкöд том мортлысь,
Мед тэ бöрысь
Гажмас пöрысь,
Сьöлöм гажöдысь!*

Как парень, пляши,
Шали, смейся и пой,
На губы сладострастную улыбку
Вызови у юноши!
Пусть, глядя на тебя,
Развеселятся старые,
Сердце радующая!

Особый акцент автора-повествователя на задор, смех и улыбку девушки обращает внимание читателя на символическое значение ее образа. «Цветы расцветают от улыбки девушки <...> и подобная улыбка иногда есть одно из условий вступления в брак, именно такая девушка избирается в невесты» – утверждает В. Я. Пропп в работе «Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о царевне Несмеяне)», анализируя мотив несмеющейся царевны [Пропп 1976]. По мнению исследователя,

супружество и смех становятся магическим средством умножения урожая [Пропп 1997, 244]. Таким образом, героиня стихотворения «Том ныв» («Девушка»), как и герои двух предыдущих произведений, может восприниматься как человек, вступающий в пору сватовства и свадьбы.

Брачность коми крестьян носила традиционный характер и определялась устоявшейся системой культурных норм и ценностей. Некоторые традиционные установки крестьян в вопросах семьи и брака были зафиксированы в народных песнях, пословицах и поговорках, в частности возрастные нормы совершеннолетия и брачного возраста, отрицательное отношение к безбрачию и бездетности, и другие. В стихотворениях И. Куратова, как представителя коми народа XIX в., также поэтически осмысливается народное понимание семьи. Именно семья, любимый человек и являются счастьем. Человек в одиночестве – полчеловека, следовательно, надо обзавестись другой половиной и родным кровом. Семья является средством достижения полноты личности. Коми поэт говорит со своим читателем о том, что необходимо в жизни человека для создания семьи, какими чертами характера должен обладать глава семейства, чтобы обеспечить своих родных и близких ему людей.

Исследование произведений коми поэта XIX в. приближает к пониманию народных представлений о семье и браке. В тоже время одновременное обращение к статистическим данным о брачности населения, фольклорному материалу и произведениям Ивана Куратова позволило дать не только основную характеристику брачно-семейных отношений населения Коми края, но и выявить мотивы и причины сложившейся модели брачного поведения у коми, уяснить восприятие людьми прошлого их собственного быта и процессов, в которых они участвовали.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 105–127.
- Вишнякова Д. В.* Половозрастная структура населения Коми края по материалам Переписи 1897г. // Известия Коми НЦ. Серия «История и филология». 2020, №5(45), С.33–41.
- Вишнякова Д. В.* Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. Сыктывкар, 2012. 164 с. (Коми научный центр УрО РАН)
- Ежов О.* Личность и отличительные качества зырян // Вятские губернские ведомости. 1857. № 22–23.
- Захаров В. Н.* Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19.
- Зырянов О. В.* Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8–15.
- Ильина И. В., Уляшев О. И.* Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар: Коми научный центр, 2009. 224 с.
- Латышева В. А.* Анализ одного стихотворения: «Том зон» (Юноша) И. А. Куратова // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс [В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы]. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. С. 46–50.
- Мельников С. Е.* Вечеринка и игрища в Усть-Сысольске // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ.ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. С. 314–318.
- Микушев А. К., Рочев Ю. Г.* Лирические песни // История коми литературы. В 3 т. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 134–155.
- Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми народные песни. В 3-х т. Т. I. Вычегда и Сысола. Сыктывкар: Малое государственное предприятие «Шыпас», 1993. 285 с.
- Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми народные песни. В 3-х т. Т. II. Ижма и Печора. Сыктывкар: Малое государственное предприятие «Шыпас», 1994. 192 с.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 578 с.
- Несанелис Д. А.* Раскачаем мы ходкую качель. (Традиционные формы досуга сельского населения Коми края во второй половине XIX – первой трети XX вв.). Сыктывкар: Республиканский Центр Народного Творчества Республики Коми, 1994. 167 с.
- Плесовский Ф. П.* Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 214 с.
- Плесовский Ф. П.* Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
- Плоцкая О. А.* Обычно-правовой статус главы семьи у коми (зырян) в XIX – начале XX в. // CENTER BEREG. Юридический портал. URL: <https://center-bereg.ru/d52.html> (дата обращения: 28.09.2022).

- Попова Л. А. Брачно-семейные отношения в Республике Коми // Народонаселение. № 1 (27). 2005. С. 59–68.
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 1997. 288 с.
- Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 175–207.
- Русских Т. Н. Коммуникативное поведение современных женщин-удмурток в рамках семейно-брачных отношений // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 1. С. 103–115.
- Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1992. 152 с.
- Соловьев В. В. Брачно-семейные отношения коми крестьян в кон. XIX – нач. XX в.: (По материалам метрич. кн.) // Тр. Ин-та яз., лит. и истории. Сыктывкар, 1985. Вып. 32. С. 140–158.
- Соловьев В. В. Семейно-имущественные отношения коми крестьянства в XVIII – начале XX века // Труды ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР. Вып. 39. Сыктывкар, 1987. С. 68–84.
- Сурнина Л. Е. Авторская позиция в крестьянском цикле стихотворений И. А. Куратова. Сыктывкар, 2021. 91 с. (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН).
- Уваров С. Н. Удмуртская семья в 1959–1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 1. С. 127–139.
- Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City // Russia in the New Century: Stability or Disorder? New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2018. P. 321–361.
- Lutz W. Will Europe be short of children? // Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission. 1999. P. 8–16.
- Lytkina Tatyana. Transforming the Gender: an Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. Summary // Laboratorium. 2010. Vol. 2. No. 3. P. 195–199.
- Popova L. A., Barashkova A. S. Development of marriage and family relationships in the northern regions of Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 4 (34) 2014. P. 130–147. In English.
- Popova L. A., Butrim N.A. Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy // Economical and social changes: facts, trends, forecast. 2 (14). 2011. P. 61–73. In English.

Поступила в редакцию 31.01.2023

Вишнякова Дарья Викторовна

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского севера
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН».
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: vishnyakova_dari@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8671-4877

Сурнина Лидия Егоровна

кандидат филологических наук
научный сотрудник сектора литературоведения
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: surninalida@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4189-7980

D. V. Vishnyakova, L. E. Surnina

HISTORICAL ASPECTS OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN KOMI AND THEIR REFLECTION IN THE NATIONAL LITERATURE OF THE XIX CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-384-395

The article highlights the issues of family and marriage among the Komi in the 19th century, folk traditions and ideas in the field of family and marriage relations, as well as their reflection in the work of the Komi poet of the 19th century I. A. Kuratov. The historical and literary study of the works of I. A. Kuratov was aimed at analyzing the poetic comprehension of the people's understanding of the family. Within the framework of the cultural-historical and ethno-poetic approaches, the work reveals the connection between the works of I. Kuratov and folk ideas about family relations. The study of historical sources, ethnographic data and works of national literature made it possible not only to give a multi-dimensional characteristic of the marriage rate of the population, but also to consider the rooted patterns of behavior in the family and marriage that developed among the Komi, and also to understand how they were expressed in the literature of that time.

Keywords: Komi region, family, marriage, national literature, I. A. Kuratov, peasant cycle, ethno-poetics, historical context.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 384-395. In Russian.

REFERENCES

Vishnevskii A. G. Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdanosti v Rossii [Early stages of the formation of a new type of fertility in Russia]. Brachnost', rozhdanost', smertnost' v Rossii i SSSR [Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR]. Moscow, 1977. P. 105–127. In Russian.

Vishnyakova D. V. Polovozrastnaya struktura naseleniya Komi kraia po materialam Perepisi 1897g. [Gender and age structure of the population of the Komi Territory based on the materials of the 1897 Census]. *Izvestiya Komi NC. Seriya «Istoriya i filologiya»* [News of the Komi Scientific Center. Series «History and Philology»]. 2020. №5(45). P. 33–41. In Russian.

Vishnyakova D. V. *Etnodemograficheskie processy v Komi krae v XIX – nachale XX v.* [Ethno-demographic processes in the Komi region in the XIX - early XX century]. Syktyvkar, 2012. 164 p. Komi nauchnyy centr UrO RAN [Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. In Russian.

Ezhov O. Lichnost' i otlichitel'nye kachestva zyryan [Personality and distinctive qualities of the Zyryans]. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka provincial statements]. 1857. № 22–23. In Russian.

Zaharov V. N. Ideya etnopoetiki v sovremennykh issledovaniyakh [The idea of ethno-poetics in modern research]. Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]. 2020. Volume 18. № 3. P.7–19. In Russian.

Zyryanov O. V. Problemno-metodologicheskoe pole sovremennoi etnopoetiki [Problem-methodological field of modern ethno-poetics]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2019. № 1 (55). P. 8–15. In Russian.

Il'ina I. V., Ulyashev O. I. Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kul'ture komi [Man and woman in traditional Komi culture]. Syktyvkar: Komi nauchnyi centr Publ., 2009. 224 p. In Russian.

Latysheva V. A. Analiz odnogo stikhotvoreniya: «Tom zon» (Yunosha) I. A. Kuratova [Analysis of one poem: «Young Man» by I. A. Kuratov]. *V etoi pesne komi zhizn'. Sbornik trudov ob osnovopolozhnikakh komi literatury* [There is life in this song. Collection of works about the founders of Komi literature]. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola» Publ., 2008. P. 46–50. In Russian.

Mel'nikov S. E. Veчерinka i igrishcha v Ust'-Syl'ske [Soiree and games in Ust-Sysolsk]. *Zyryane i zyryanskii kraj v literaturnykh dokumentakh XIX veka / Sost., vstup.st. V. A. Limerovoi* [Zyryans and the Zyryansky region in the literary documents of the 19th century / Comp., introductory article. V. A. Limerova]. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola» Publ., 2010. P. 314–318. In Russian.

Mikushev A. K., Rochev Yu. G. Liricheskie pesni [Lyric songs]. *Istoriya komi literatury. V 3 t. T. I* [History of Komi Literature. In 3 v. Volume 1]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1979. P. 134–155. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I. Komi narodnye pesni. V 3-h t. T. I. Vycheгда i Sysola [Komi folk songs. In 3 v. Volume I. Vycheгда and Sysola]. Syktyvkar: Maloe gosudarstvennoe predpriyatie «Shypas» Publ., 1993. 285 p. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I. Komi narodnye pesni. V 3-h t. T. II. Izhma i Pechora [Komi folk songs. In 3 v. Volume II. Izhma and Pechora]. Syktyvkar: Maloe gosudarstvennoe predpriyatie «Shypas» Publ., 1994. 192 p. In Russian.

Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). V 2 t. T. 1. [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII - early XX century). In 2 v. Volume 1]. Saint Petersburg: «Dmitrii Bulanin» Publ., 2003. 578 p. In Russian.

Nesanelis D. A. Raskachaem my khodkuyu kachel' (Traditsionnye formy dosuga sel'skogo naseleniya Komi kraia vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vv.) [We will swing the swing (Traditional forms of leisure of the rural population of the Komi Territory in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries)]. Syktyvkar: Respublikanskii Tsentr Narodnogo Tvorchestva Respubliki Komi Publ., 1994. 167 p. In Russian.

Plesovskii F. P. Komi poslovitsy i pogovorki [Komi proverbs and sayings]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1973. 214 p. In Russian.

Plesovskii F. P. Svad'ba naroda komi [Wedding of the Komi people]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1968. 320 p. In Russian.

Plotskaya O. A. Obychno-pravovoi status glavy sem'i u komi (zyryan) v XIX – nachale XX v. [The customary legal status of the head of the family among the Komi (Zyryans) in the 19th – early 20th centuries]. *CENTER BEREG. Yuridicheskii portal* [CENTER BEREG. Legal Portal]. URL: <https://center-bereg.ru/d52.html> (accessed 28.09.2022). In Russian.

Popova L. A. Brachno-seimeinye otnosheniya v Respublike Komi [Marital and Family Relations in Republic of Komi]. *Narodonaselenie* [Population]. No. 1 (27). 2005. P. 59–68. In Russian.

Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha [Problems of comedy and laughter]. Saint Petersburg: Izd-vo «Aleteya» Publ., 1997. 288 p. In Russian.

Propp V. Ya. Ritual'nyi smekh v fol'klоре (Po povodu skazki o Nesmeyane) [Ritual laughter in folklore (Regarding the tale of Nesmeyana)] *Propp V. Ya. Fol'klор i deistvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Propp V. Ya. Folklore and reality. Featured Articles]. Moscow: Nauka Publ., 1976. P. 175–207. In Russian.

Russkikh T. N. Kommunikativnoe povedenie sovremennykh zhenshchin-udmurtok v ramkakh semeino-brachnykh otnoshenii [Communicative behavior of modern Udmurt women in the framework of family and marriage relations]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2020. T. 14. Vyp. 1.* [Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020. Volume 14. Issue 1]. P. 103–115. In Russian.

Semenov V. A. Traditsionnaya semeinaya obr'adnost' narodov Evropeiskogo Severa: k rekonstruktsii mifopoeticheskikh predstavlenii komi (zyr'an) [Traditional family rituals of the peoples of the European North: to the reconstruction of the mythopoetic representations of the Komi (Zyryans)]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii un-t Publ., 1992. 152 p. In Russian.

Solov'ev V. V. Brachno-seimeinye otnosheniya komi krestyan v kon. XIX - nach. XX v.: (Po materialam metrich. kn.) [Marriage and family relations of the Komi peasants in the late 19th - early 20th centuries: (Based on the materials of the metric book)]. *Tr. In-ta yaz., lit. i istorii. Vyp. 32* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History. Issue 32]. Syktyvkar, 1985. P. 140–158. In Russian.

Solov'ev V. V. Semeino-imushchestvennye otnosheniya komi krestyanstva v XVIII – nachale XX veka [Family and property relations of the Komi peasantry in the 18th - early 20th centuries]. *Trudy IJaLI KNC UrO AN SSSR. Vyp. 39* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 39]. Syktyvkar, 1987. P. 68–84. In Russian.

Surnina L. E. Avtorskaya pozitsiya v krestyanskom tsikle stikhotvorenii I. A. Kuratova [The author's position in the peasant cycle of poems by I. A. Kuratov]. Syktyvkar, 2021. 91 p. IYaLI FIC Komi NC UrO RAN [ILLH FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS]. In Russian.

Uvarov S. N. Udmurtskaya sem'ya v 1959–1989 gg.: demograficheskiy aspekt [Udmurt family in 1959–1989: demographic aspect]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2021. T. 15. Vyp. 1.* [Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021. Volume 15. Issue 1]. P. 127–139. In Russian.

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City – *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2018. P. 321–361. In English.

Lutz W. Will Europe be short of children? *Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission.* 1999. P. 8–16. In English.

Lytkina Tatyana. Transforming the Gender: an Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. Summary – *Laboratorium.* 2010. Vol. 2. No. 3. P. 195–199. In English.

Popova L. A., Barashkova A. S. Development of marriage and family relationships in the northern regions of Russia – *Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 4 (34) 2014. P. 130–147. In English.

Popova L. A., Butrim N.A. Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy – *Economical and social changes: facts, trends, forecast.* 2 (14). 2011. P. 61–73. In English.

Received 31.01.2023

Vishnyakova Daria Viktorovna

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher, Department of Historical-Demographic and
Historical-Geographical Studies of the Russian North
Institute of Language, Literature and History of the
Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: vishnyakova_dari@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8671-4877

Surnina Lidia Egorovna

Candidate of Philology
Researcher, Department of Literary Criticism
Institute of Language, Literature and History of the
Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: surninalida@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4189-7980

А. А. Пасс

**ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ: ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ
УДМУРТИИ В 1941-1945 гг.**

В статье рассматриваются условия и направления работы кооперативной промышленности Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны. Подчеркивается, что заявленная тема, особенно в региональном аспекте, современной исторической наукой исследована слабо. С опорой на сформулированные ведущими учеными теоретические положения, среди которых утверждение о смешанном характере «сталинской» экономики, а также на неоинституциональный подход и неопубликованные архивные документы, представлены конкретные данные об объеме и ассортименте изделий, выпускаемых кустарно-промысловыми артелями республики. Уточнено количество действующих предприятий и их членский состав. Аргументируется тезис о том, что уже в начальный период войны, несмотря на тяжелый кризис снабжения, многие товарищества по указанию властей перепрофилировались с гражданской на выпуск военной продукции. Показаны меры по решению таких проблем, как материально-техническое, сырьевое и кадровое обеспечение, борьба с браком. Отдельно освещается сюжет о применении государственных льгот, рыночных механизмов и совершенствовании системы оплаты труда для стимулирования производства товаров широкого потребления, предназначенных к реализации среди населения. Взятые в совокупности, эти шаги привели к выходу промышленной системы на устойчивую траекторию развития. По мнению автора, витальность кооперативного сектора в немалой степени объясняется его включенностью в неформальные экономические отношения. Сделан вывод о том, что именно сочетание жесткого администрирования при выполнении оборонных заказов и утилитарно-прагматической мотивации в деле расширения местного оборота позволяет охарактеризовать политику, проводимую в отношении промысловых артелей, как эффективную.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Удмуртская АССР, смешанная экономика, неоинституциональный подход, кустарные артели, промысловый совет, кооперация инвалидов, перестройка на военный лад, оборонные заказы, производство товаров широкого потребления, административные методы управления, рыночные механизмы.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-396-407

Введение

Минуло 78 лет после победы Советского Союза над гитлеровской Германией, но период 1941–1945 гг. продолжает быть предметом исследования для ученых. Особую когнитивную ценность ему придает экстремальность ситуации, в которой оказались общество и государство, а также то, что на его протяжении имело место тесное переплетение двух всеобъемлющих моделей внутренней политики советского периода – «Военного коммунизма» и «НЭП». Современная обстановка в России и мире, характеризующаяся глобальным обострением геополитических противоречий, по-новому актуализирует исторический опыт тех лет.

В частности, ключевым остается вопрос о советском «экономическом чуде», благодаря которому в короткий срок удалось создать мощный оборонно-промышленный потенциал, позволивший разгромить врага, а затем в кратчайшие сроки без какой-либо помощи извне восстановить разрушенные войной заводы и города. Эффект был достигнут в рамках этатистского¹ авторитарного режима, отождествленного массовым сознанием с социализмом. В качестве побочного результата выявилось хроническое недоразвитие социальной сферы, что стало основанием для суждения о несостоятельности социализма и превосходстве общества, базирующегося на либеральных ценностях, т. е. капиталистического.

В настоящее время нет никаких оснований оперировать такими понятиями, как социализм и капитализм, в чистом виде их попросту нет. На национально-государственном уровне противопоставление следует проводить между доктринерством (левого или правого толка) и политикой, опирающейся на реалии и адекватно отвечающей на «вызов эпохи». Представляется, что экономический

¹ Этатизм – активное вмешательство государства в экономическую и политическую жизнь страны.

курс, проводимый Советским правительством в годы Великой Отечественной войны, в значительной мере отвечал второму определению.

Теоретические основания

Английскому социологу Т. Шанину, кстати, большому знатоку истории нашей страны, принадлежит утверждение о большей эффективности сложных и противоречивых, даже парадоксальных по своему составу социетальных систем с точки зрения роста национальных хозяйств и обеспечения населения [Шанин 1990, 111]. Вторя ему, американский историк Джеймс Миллар считал, что «даже в апогее сталинского периода советская экономика состояла из совокупности государственных и частных предприятий, вне рыночных и рыночных связей, централизованно принимаемых и самостоятельных решений» [Millar 1981, 36-37], то есть являлась смешанной.

Если руководство государственной промышленностью в специальной литературе, посвященной 1941–1945 гг., описано достаточно полно, то роль «частных предприятий» (под определение которых прямо подпадают производственные кооперативы), и «рыночных связей» (посредством которых реализовывалась значительная часть изготовленной продукции), в создании оборонного потенциала и материально-бытовом обслуживании населения в российской историографии по-прежнему не раскрыта, особенно в разрезе автономных республик, краев и областей.

И Удмуртия не является здесь исключением. Издания, в которых затрагивается интересующая нас проблема, исчисляются единицами. Так, в юбилейном издании «XXV лет Советской Удмуртии», увидевшем свет в далеком 1945 г. [XX лет ... 1945, 102] фрагментарно освещена работа мастерских промыслового совета, изготовлявших изделия для фронта. В монографии В. П. Мотревича в 1993 г. приведены сведения о доле кооперированных кустарей в составе населения УАССР [Мотревич 1993, 79]. Ю. Т. Никонов в 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию [Никонов 2000], в которой присутствуют сюжеты о выполнении промысловыми артелями республики военных заказов, производстве ими товаров широкого потребления и социальном положении их членов в годы Великой Отечественной войны. Наконец, в книге А. А. Пасса, выполненной на материалах Урала [Пасс 2002], встречаются сведения о деятельности местных кустарных товариществ, а также специфике управления негосударственных секторов экономики и его потенциале в годы военного лихолетья.

Конечно, тему нельзя назвать исчерпанной. Но после ознакомления с имеющейся историографией напрашивается логичный вывод: в 1941–1945 гг. в регионе возник уникальный многоотраслевой индустриально-аграрный комплекс, интегрировавший в свою структуру в том числе и производственные кооперативы. Несмотря на то, что последние были задействованы в поставках оборонной продукции, включающей в себя как промышленные изделия, так и продовольствие, данное обстоятельство не помешало им продемонстрировать незаурядные способности по разворачиванию инициативы и предприимчивости в деле бытового обеспечения населения.

Предлагаемая статья, по существу, является первым специальным исследованием, где представлены конкретные данные об объеме и ассортименте изделий, выпускаемых кустарно-промысловыми артелями в 1941–1945 гг. Привлечение опубликованных и не использовавшихся ранее материалов федеральных (ГАРФ) и региональных (ЦГА УР и ГАОПИ) архивов придает ей дополнительную оригинальность.

Сегодня очевидно, что ряд постулатов исторического материализма и марксистской политэкономии не выдержали проверку временем. Например, вызывает сомнение трудовая теория стоимости, под вопрос поставлены идеи о формационном характере развития общества, безусловном превалировании классовых интересов и соображений выгоды в поведении субъектов и социальных групп. Поэтому в поисках методологических ориентиров понадобилось обращение к сравнительно новому течению научной мысли – институционализму, способному играть роль научной парадигмы при обращении к историческим реалиям социально-экономического развития.

Базовые принципы, на которых строится упомянутый подход, следующие: 1) человеческую природу нельзя упрощенно сводить только к максимизации полезности, такие качества как родительское чувство, любопытство, стремление к самостоятельности и неподнадзорности, патриотизм, невозможно «просчитать», однако они оказывают сильное воздействие на ход истории; 2) между крупной промышленностью и предпринимательством («laissez faire») существует противоречие. Первая нацелена на повышение эффективности всего общественного производства и увеличение валового национального продукта, второе – на получение прибыли для себя, поэтому они постоянно стараются подчинить друг

друга; 3) индустриальное общество состоит из профессиональных групп: капиталистов, менеджеров, наемных рабочих, членов кооперативов, госслужащих и проч. Взаимодействуя между собой на основе ограниченных законодательных правил, они вступают в конфликты, а правительство, как верховный арбитр, стремится не допустить опасных последствий и через нормотворчество обеспечивает выживание нации, консенсус и гармонию интересов.

Результаты и их обсуждение

Изучение документов, хранящихся в Филиале Государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) позволило обобщить и представить в динамике некоторые статистические данные о состоянии и деятельности кооперативных товариществ, существовавших в УАССР в 1941–1945 гг. Организационно они входили в два республиканских объединения: промышленный совет² и союз кооперации инвалидов³. В первом трудились обычные люди, сообща владевшие предприятием, которое они сами же и создали, во втором – граждане с ограниченными возможностями здоровья, сохранившие частичную работоспособность. Особенностью обеих структур являлось право распределять между пайщиками пятую часть полученной прибыли. До 20 % персонала можно было нанимать на стороне.

Промартели в Удмуртии тяготели к индустриальным центрам, примерно 2/3 их располагалось в городах. Там проще было достать сырье, оборудование, получить консультацию специалистов. Но даже в сельских местностях, которые не обладали развитой кооперативной промышленностью, каждые 2 из 3 поступающих в продажу товаров повседневного спроса изготавливались в промышленных товариществах. Ассортимент изделий был достаточно разнообразным: мебель, обувь, одежда, стройматериалы, продукты питания. Кроме того, товарищества оказывали услуги: погрузо-разгрузочные, транспортные, парикмахерские, ремонтные, по выпасу скота и проч. С началом войны многие кооперативные предприятия переключились на выпуск оборонной продукции, такой как ручные гранаты, обмундирование и военная экипировка, детали боеприпасов, спецукупорка и многое другое. В каждом кооперативе имелось правление, бухгалтерия, производственные цеха и мастерские, техническая часть, склады и сбытовые пункты, а также культсовет, ответственный за проведение просветительской работы.

Таблица 1

**Количество промышленных артелей и их членский состав
в системе Управления промысловой кооперации при СНК Удмуртской АССР в 1941–1945 гг.**

Показатель	1январь 1941 г.	1январь 1942 г.	1январь 1943 г.	1январь 1944 г.	1январь 1945 г.	1январь 1946 г.
артелей	117	111	100	100	105	105
членов	нет данных	нет данных	5414	5264	5780	5409

[ГАОПИ. Ф. 929. Оп. 1. Д. 3. Л. 13,27; Ф. 1093. Оп. 2. Д. 11. Л. 8]

Комментарий: С началом войны число артелей и, по-видимому, их членов несколько уменьшилось вследствие мобилизации. Но в 1943 г. эти цифры стабилизировались. Снижение количества занятых в 1945 г. связано с очередной перестройкой работы кооперативов: военные заказы с них были сняты для наращивания выпуска товаров ширпотреба. Это нарушило сложившиеся во время войны цепочки снабжения и вызвало временное падение производства. В результате усилилась текучесть кадров. К тому же часть эвакуированных и трудмобилизованных, которые ранее устроились на работу в промартели, уплатив вступительный и паевой взносы, увольнялись и возвращались на прежнее место жительства.

² Удмуртский облпромсовет в марте 1941 г., сохранив статус общественной организации, стал подчиняться уполномоченному Управления промысловой кооперации при СНК УАССР, назначаемому областным (республиканским) комитетом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

³ Удмуртский союз кооперации инвалидов входил в компетенцию Наркомата социального обеспечения УАССР.

Таблица 2

Валовая продукция и производство товаров ширпотреба в промышленной кооперации Удмуртии в 1941-1945 гг. (в неизм. ценах 1932 г., в млн. руб.)

Показатель	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
вал	51,8	34,7	41,1	44,9	37,9
ширпотреб	25,3	нет данных	28,0	33,5	28,9

[ГАОПИ. Ф. 929. Оп. 1. Д. 3. Л. 13,27; Ф. 1093. Оп. 2. Д. 25. Л. 15]

Комментарий: В начале войны выпуск валовой кооперативной продукции и товаров для населения в Удмуртии снижался из-за перепрофилирования промартелей на выполнение специальных заказов для оборонных ведомств. После достижения коренного перелома на фронте эту негативную тенденцию удалось преодолеть. Производство ширпотреба даже превысило довоенный уровень. В 1945 г. в связи с переходом с военных на мирные рельсы и ломкой устоявшихся хозяйственных связей наблюдается некоторое падение показателей.

Таблица 3

Число артелей и их членов в системе кооперации инвалидов Удмуртии в 1941–1945 гг.

Год	Показатель	Данные
1941	артелей	18
	членов	2294
1942	артелей	19
	членов	2083
1943	артелей	23
	членов	2909
1944	артелей	25
	членов	2496
1945	артелей	24
	членов	3576

[ГАОПИ. Ф. 928. Оп. 1. Д. 88. Л. 9]

Комментарий: В годы Великой Отечественной войны в инвалидной кооперации Удмуртии количество артелей и число членов в них незначительно выросло (главным образом, за счет разукрупнения, специализации и приема на работу демобилизованных по ранению воинов). При этом необходимо учитывать, что инвалиды не очень охотно устраивались в артели из-за небольшого заработка, отсутствия гарантированных пайков и т. Д. Если у них появлялась возможность, они уходили на госпредприятия.

Таблица 4

Валовое производство и выпуск товаров широкого потребления в кооперации инвалидов Удмуртии в 1941-1945 гг. (в неизм. ценах 1932 г., в тыс. руб.)

Год	Вал	Ширпотреб
1941	10851	8442,2
1942	8972,8	7825,8
1943	12300	11000
1944	12610	11570
1945	12860	11790

[ГАРФ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 650. Л. 57, 82; Д. 651. Л. 45, 75 ; Д. 653. Л. 39; Д. 665. Л. 29; Д. 656. Л. 51]

Комментарий: В начале войны в кооперации инвалидов Удмуртии наблюдалось падение как валового выпуска продукции, так и производства товаров повседневного спроса. С 1943 г. республиканский коопинсоюз адаптировался к экстремальным условиям и стал стабильно превышать довоенные показатели. По-видимому, это объясняется тем, что его предприятия имели важное социальное значение и получали поддержку со стороны властей в обеспечении факторами производства.

С началом войны по стране прокатилась волна митингов и собраний, участники которых давали клятву сделать все, чтобы приблизить разгром врага. Состоялись они и в удмуртских кустарно-промышленных кооперативах, где стихийно рождались трудовые починки. Кооператоры-инвалиды Вавожского района Удмуртской АССР заявили: «Мы потеряли здоровье в годы империалистической и гражданской войн. Но у нас еще хватит сил помочь Красной Армии полностью уничтожить врага. Вносим предложение с 4 июля работать по 11 часов в сутки, а если потребуется, то и больше» [Удмуртия... 1974, 29]. Коммунисты из глазовской артели «Производственник» решили ежемесячно отчислять однодневный заработок в фонд обороны [ГАОПИ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 3. Л. 57].

Газета «Правда» в июле 1941 г. писала: «У нас не может быть теперь мирных предприятий, Каждый завод, каждая фабрика должны работать для удовлетворения военных нужд» [Правда 1941, 10 июля]. Специфические особенности промышленной кооперации – разветвленная сеть, большое количество отраслей хозяйства, простота технологии и главное, возможность обойтись без ощутимых государственных вложений – позволили относительно быстро освоить военные изделия. К традиционной номенклатуре, изготавливаемой в артелях – санитарно-обозному имуществу, шанцевому инструменту и обмундированию добавились мины, гранаты, артиллерийские снаряды, походные кухни и т. д.

Трудности, порожденные войной, ставили под угрозу материальное и техническое обеспечение кооперативов. Кое-где это усугублялось поспешными и не до конца продуманными действиями руководителей. В Удмуртской АССР бюро обкома ВКП(б) и СНК республики настояли на переводе республиканского леспромсоюза из Ижевска в село Кыйлуд Нылгинского района, а металлопромсоюза – в деревню Таркан. В обоих населенных пунктах отсутствовали транспорт и связь [Удмуртия 1995, 38-39]. Власти Камбарского района, стремясь ликвидировать отставание по хлебозаготовкам, изъяли всех лошадей у передовой артели «Горн», которая обслуживала Главное интендантское управление Красной Армии [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 566. Л. 4-5]. Чтобы в этих условиях выполнить возросшие задания, кооператорам приходилось идти на дополнительные затраты и трудиться со сверхнапряжением.

Для анализа обстановки, определения путей преодоления имеющихся трудностей и выхода на оптимальный режим функционирования предприятий в Удмуртском обкоме партии в октябре 1941 г. состоялся пленум, где шел разговор и о кооперативной промышленности. В частности, обсуждались причины слабого выполнения облпромсоветом военных заказов и в их числе – недооценка местными властями новой роли промышленных кооперативов. Каждый руководитель, подчеркивалось на пленуме, обязан научиться маневрировать производственными мощностями, уметь выжать из них все, что они могут дать. От председателей артелей потребовали до наступления распутицы обеспечить свои предприятия сырьем; для сушки лыжной болванки использовать зерносушилки, бани, собрать инструмент, находящийся в личном пользовании, школьных мастерских и т. д. Особый акцент был сделан на развитии надомничества [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 3. Л. 103,107,108].

Реализацию намеченных мероприятий контролировали промышленные отделы партийных комитетов. Так, промотдел Удмуртского обкома помог прекратить текучку специалистов в артелях, запретив снимать их без санкции обкома, и создал совещание вторых секретарей РК ВКП(б), посвященное работе местной промышленности и промкооперации. Была установлена прямая телефонная связь промотдела с секретарями райкомов, а тех, в свою очередь, с председателями кооперативов. Постепенно вошло в практику проведение семинаров с участием руководящих работников артелей. За 1942 г. состоялось 5 таких встреч.

Ветхий станочный парк и устаревшие машины, которыми располагали промартели, не способствовали дальнейшему наращиванию военного производства. Это беспокоило административные органы. Их представители, прежде чем разместить то или иное задание, посещали артель, осматривали ее промфонд, интересовались финансовым положением. Полученная информация выносилась на обсуждение. На поступающие с мест сигналы о неудовлетворительном техническом обеспечении заданий ГКО власти старались реагировать незамедлительно. Артелям передавали незадействованное оборудование с эвакуационных баз и эвакуированных предприятий.

Поскольку материально-техническое снабжение было проблемой для всего региона, ее попытались решить централизованно. В августе и ноябре 1942 г. она рассматривалась на коллегии Управления промышленной кооперации при СНК РСФСР. В результате в Удмуртском облпромсовете открылись мастерские по реставрации оборудования, которое приходило с заводов союзного подчинения [ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 15. Л. 3]. Для технической консультации с государственными предприятиями

присылали опытных специалистов. Как следствие, в 1942–1945 гг. наблюдалось частичное обновление и рост кооперативного промфонда.

Зачастую на выполнение задания не отпускалось сырьё. Это значило, что надо проявить инициативу и изыскать материалы на месте. Так поступили удмуртские артельщики в январе 1942 г. Из отходов кирзы Сарапульской обувной фабрики они пошили свыше 3,5 тыс. минометных патронташей [ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 6. Л. 10].

Разумеется, не маленькие кустарно-промысловые товарищества определяли боеспособность армии. Но та посильная лепта, которую они вносили, тоже была не лишней и помогала крушить врага. Вносились и денежные пожертвования. Сарапульская «Гарантия» (УАССР) перечислила на строительство самолетов 31 тыс. руб., увинский «Кустарь» на танки – 24 тыс. руб. [Урал ковал победу ... 1993, 307–310]. Общая сумма поступлений в фонд обороны от кооператоров республики составила 512679 руб. Они получили благодарность Верховного Главнокомандующего [Удмуртия ... 1974, 229–230].

Продуктивность промысловой кооперации зависела и от наличия в системе необходимых трудовых ресурсов. Мобилизация в Красную Армию серьезно обострила кадровую проблему. Заменяя ушедших, в члены кооперативов вступали женщины. Они с успехом осваивали профессии, до того считавшиеся мужскими: сапожников, слесарей, формовщиков и т. Д. Многих из них выдвигали на административные посты. Женщин-тружениц отличали добросовестность, дисциплинированность, трудолюбие порой в большей степени, чем мужчин.

Неверным было бы представлять дело так, будто переложив тяготы на женские плечи, местные органы власти и коллективы кооперативных предприятий на этом успокоились. Для привлечения в артели мужчин и специалистов использовали малейшую возможность. Приглашали расквартированных поблизости или находящихся на излечении воинов. В межсезонье мобилизовывались колхозники и рабочие совхозов. В соответствии с постановлениями СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» [Собрание постановлений ... 1942, № 5, 88–89] от 6 мая и «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсию по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения» [Указатель ... 1980, 83] от 28 августа 1942 г. в артели инвалидов зачисляли военнотружеников, уволенных в запас по ранению. Областные коопинсоюзы обучали их различным специальностям. Так, в Удмуртской АССР в 1942 г. – 112, а в 1943 г. – 390 инвалидов прошли через учебно-курсовую базу коопинсоюза и приобрели квалификацию, позволившую им вступить в кооператив [ГАОПИ. Ф. 928. Оп. 1. Д. 88. Л. 3].

Важным почином, помогавшим решить проблему повышения производительности труда, стало движение за создание комсомольско-молодежных бригад. Только за полтора года, с января 1944 г. по июль 1945 г., в Удмуртском республиканском управлении промысловой кооперации их число выросло с 7 до 133. Если раньше в них насчитывалось 53 юношей и девушек, то к концу войны – 1025, причем каждый второй выполнял план на двести и более процентов. [ГАОПИ. Ф. 1093. Оп. 2. Д. 53. Л. 58]. Бригадный метод предусматривал разделение производственного процесса на конкретные операции. Стала возможной взаимозаменяемость, поскольку каждый работник овладевал несколькими профессиями. Кроме того, прежде мастер давал индивидуальные задания на смену и проконтролировать всех не успевал. Бригадир ближе стоял к отдельному труженику, такому же молодому человеку, как и он сам, и был в состоянии обращать внимание на мелочи, которые нередко имели решающее значение. После внедрения данного метода занятые в ижевской артели «Металлист» подростки перестали совершать прогулы. За счет поданных ими рацпредложений только в течение одного месяца удалось сэкономить 7 тыс. руб. [ГАОПИ. Ф. 278. Оп. 3. Д. 258. Л. 113; Удмуртская правда 1944, 24 марта].

Беззаветный труд работников системы промкооперации был отмечен правительственными наградами. Так, председатель удмуртской артели «Горн» В. Е. Кондюрин и токарь Р. В. Савицких получили орден «Знак Почета», начальник механического цеха В. Д. Новиков и кузнец Ф. И. Кашмин удостоились медали «За трудовую доблесть», а технического руководителя товарищества «Большевик» М. Е. Басса представили к медали «За трудовое отличие» [Удмуртская правда 1944, 25 января].

В годы Великой Отечественной войны кустпромкооперация, наряду с выполнением фронтовых заданий, продолжала обеспечивать тружеников тыла товарами массового спроса. Эта деятельность приобрела особую важность в связи с тем, что государственные предприятия союзного и республиканского подчинения целиком переключились на оборону. Естественно, неожиданный и ускоренный перевод промкооперативной системы республики на военные рельсы вызвал падение производства товаров широкого потребления. Сворачивались многие гражданские отрасли, такие как мебельное и

гончарное дело, индивидуальный пошив обуви и одежды, сузилась сфера предоставляемых кооперативами услуг. Даже то, что по отчетам артелей числилось ширпотребом, предназначалось, главным образом, внерыночным потребителям – Наркоматам Оборона, Внутренних дел, Военно-морского флота. Наблюдались случаи, когда артель, специально предназначенная для удовлетворения бытовых нужд, переводилась на выполнение фронтового задания. При этом председатели кооперативов расторгли ранее заключенные договоры на услуги и товары ширпотреба, так как понимали, что справиться с работой одновременно по двум направлениям не удастся, к тому же за срыв поставок армейского обмундирования или боеприпасов могла грозить тюрьма.

К осени 1941 г. ситуацию в жизнеобеспечении региона можно было охарактеризовать как чрезвычайную. Однако Удмуртский обком ВКП(б) продолжал определять развитие кооперативного сектора автономной республики, исходя из довоенного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья». Бюро обкома 13 ноября 1942 г. заслушало информацию о его выполнении [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 281. Л. 4,5]. Эта линия не отвечала текущему моменту. Она не учитывала изменения, которые война внесла в функционирование народнохозяйственного комплекса в целом и кооперативной промышленности в частности. Первоначально не предполагалось, что большинство артелей будет задействовано на оборону и им придется работать с двойной нагрузкой: наряду со спецделами наращивать производство товаров для населения⁴.

Постановление центральных органов от 7 января 1941 г., ориентируя кооператоров на использование отходов и местных материалов, предусматривало обеспечение промартелей государственным недефицитным фондовым сырьем. В расчете на это облпромсоветы расширяли мощности, строили новые цеха. А когда грянула война, то даже военные заказы, размещаемые в кооперативах, не всегда подкреплялись фондами. Невозможно было предвидеть массовый отток из промышленной кооперации квалифицированных специалистов. Возникла новая, неведомая в мирное время проблема: как заставить кустарные предприятия не только не уменьшать выпуск гражданской продукции, но и разнообразить ее ассортимент. Ответы на эти вопросы январское постановление 1941 г. не давало, а потому не было необходимости строго ему следовать. Тем более, что в 1942 г. правительство СССР дважды, 2 января и 25 августа, выносило решения, касающиеся изготовления предметов повседневного спроса промышленностью местного подчинения [Сборник указов ... 1945, 154–156].

В соответствии с ними, облисполкомы и СНК автономных республик получили право отбирать на машиностроительных, металлообрабатывающих, металлургических заводах и на базах Главвторчермета лом и отходы металла и передавать их артелям для изготовления товаров ширпотреба. Кооператоры допускались к децентрализованным заготовкам картофеля, овощей, бахчевых культур и фруктов. Им разрешалось шить обувь и одежду из шерсти, льна, кожи, которые поступали от колхозов в порядке натуроплаты за переработку давальческого сырья, и самостоятельно реализовывать эти товары.

Оборудование и инструмент, произведенные в промкооперации после 1 января 1942 г., перестали включаться в общий план использования и предназначались теперь исключительно для выпуска домашней утвари и хозяйственно-бытового инвентаря. Запрещалось снятие председателей артелей без согласия облисполкомов и СНК автономий. Устанавливались ежемесячные премии передовым коллективам и их руководителям. Надомники, выполняющие суточные нормы, по снабжению продовольствием приравнивались к персоналу предприятий, заказы которых они исполняли. Промысловые кооперативы освобождались от налога с оборота и бюджетной разницы с добываемой ими соли. Кроме того, 5 % валовой и 50 % сверхплановой продукции оставалось теперь в распоряжении облпромсоветов.

Постановления правительства дали ощутимый импульс развитию предприятий и отраслей, обслуживающих первоочередные нужды трудящихся. В Удмуртском республиканском управлении промкооперации были созданы специализированные артели по сбору металлолома и утиля, которые поставляли материалы непосредственно в цеха ширпотреба и ремонтные мастерские, минуя перевалочные базы. Однако, зачастую заводское начальство чинило препятствия кооператорам в сортировке и отгрузке отходов, требуя взамен разные изделия. Иногда после безуспешных попыток получить

⁴ В дальнейшем, по указаниям ГКО, СНК СССР промышленная кооперация привлекалась к производству строительных материалов: кирпича, извести, черепицы, мела и алебастра, предназначенных для возведения жилья, а также сельскохозяйственных орудий и запчастей к машинам и тракторам, в которых ощущалась острая нужда.

что-либо в общем порядке руководители кооперативов шли на заключение сомнительных сделок с директорами госпредприятий. Например, в 1942 г. в удмуртский «Труженик» по распоряжению Ижевского горкома партии должна была поступить обрезь с Сарапульского кожевенного комбината. Но кооператоры из Свердловска перекупили дефицитное сырье за наличный расчет по завышенной цене [ГАОПИ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 1687. Л. 135].

Порой артели подражались изготовить определенное количество товаров широкого потребления в счет плана организации, от которой поступало сырье, и та, не утруждаясь, успешно рапортовала о выполнении своего задания. Радовали глаз и сводки облпромсовета. В итоге, все числились в стахановцах, а товаров на прилавках не прибавлялось. Исполкомы Советов и партийные комитеты были осведомлены об этих «хитростях», но активно им не препятствовали. Они, видимо, по-житейски входили в положение артельщиков, которые таким образом обеспечивали воспроизводство на своих предприятиях. В этой связи британский историк М. Харрисон заключил, что в годы войны многие руководители советских предприятий, включая кооперативы, не гнушались прибегать к манипуляциям и даже мошенничеству при составлении отчетов о выполненной работе [Harrison 2011, 59].

Впрочем, данный вывод зарубежного исследователя нуждается в дополнительной верификации на более широкой источниковой базе.

Если горожане могли время от времени покупать в магазинах и на рынках одежду, обувь и другие вещи, то для сельского жителя приобрести что-либо было сложно. В Удмуртской АССР в годы войны почти прекратилась продажа колхозникам фондируемых промышленных товаров [Удмуртия ... 1996, 219]. В 1943 г. консультанты Удмуртского обкома ВКП(б) для партийного и хозяйственного актива области подготовили 4-часовой доклад на тему «Местная и кооперативная промышленность». В нем отмечалось, что характерной особенностью в руководстве сельских райкомов промышленной кооперацией является пренебрежительное отношение к нуждам артелей, которые находятся в роли несчастных пасынков у злой мачехи. Если председатель кооператива обращался в РК ВКП(б) за помощью, то зачастую ее не получал. А чтобы он впредь не донимал своими просьбами, его посылали уполномоченным в какой-нибудь отдаленный сельсовет и не разрешали возвращаться в район месяца два [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 676. Л. 101].

Росту промкооперативной системы, а значит, увеличению предложения товаров и услуг отнюдь не способствовала проводимая центром налоговая политика. В мае 1943 г. в Правительство республики поступила инструкция Наркомата финансов СССР, в соответствии с которой налогообложение кооперированных кустарей и ремесленников, а также надомников - членов артелей - устанавливалось на 10% выше, чем для занятых в госсекторе [Сборник важнейших ... 1945, 156-157]. Фискальный характер данного нововведения очевиден. Но эффект получился обратный ожидаемому: люди покидали артели. В декабре 1943 г. бюро Можгинского РК ВКП(б) Удмуртской АССР констатировало, что наблюдается выход квалифицированных мастеров из промысловых товариществ [ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 110. Л. 66]. Индивидуальная деятельность, даже при малой продуктивности, давала гораздо больше средств к существованию.

Дискриминация и эксплуатация кооперативов в качестве дарового резерва при переводе народного хозяйства на военный лад объективно ставила проблему «компенсации» им как «проигравшей стороне». На обыденном уровне необходимость уступок понимали и начальники, и подчиненные. Восполнить потери проще всего можно было на рынке потребительских товаров и услуг. С высоких трибун, со страниц периодической печати все чаще стали звучать призывы развязать деловую инициативу артелей, предоставить им больше самостоятельности, полнее использовать экономические методы управления.

Известное улучшение конъюнктуры наступило в 1944 г., когда местные власти разрешили беспрепятственный прием материалов от населения и воспретили промкооперации принимать давальческое сырье от учреждений. Кроме того, теперь руководители кустарно-промысловой кооперации могли ходатайствовать перед исполкомами об увеличении отпускных цен для подъема рентабельности. Некоторые виды дефицитных товаров, например, мыло, свечи, зубной порошок, спички, моющие средства с мая 1943 г. перестали облагаться налогом с оборота [Собрание постановлений ... 1943, 119], а так как цены остались прежними, то данная мера сделала их производство очень выгодным. В сентябре 1944 г. Управление промкооперации при СНК РСФСР утвердило положение о прогрессивно-сдельной оплате труда в артелях, производящих ширпотреб. Новые расценки применялись по следующей шкале: при превышении норм выработки на 40 % рабочий получал до 75% надбавки; пере-

выполнение плана более чем на 40 % удваивало вознаграждение [Промысловая кооперация 1949, 159–162]. Этим создавался дополнительный стимул к ударному труду.

Организационно-хозяйственные преобразования 1943 – 1944 гг. возвращали промкооперацию к традиционной и привычной деятельности по удовлетворению нужд трудящихся. Упор на экономические рычаги управления повышал ее эффективность. Это позволило увеличить производственные показатели примерно в 1,5 раза. На кооператоров активно воздействовали с целью заключения ими соглашений с ОРСаами, сельпо, торговыми. Удмуртский промысловый совет за 1943 г. и 1 квартал 1944 г. передал ижевским магазинам изделий на сумму 299 тыс. руб., на 53 тыс. руб. больше, чем предполагалось. От 70 до 90 % изготовленного артельщиками конно-обозного инвентаря реализовывалось через потребительскую кооперацию и конторы сельхознаба. [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 734. Л. 7; Д. 906. Л. 17].

Но абсолютная прозрачность товаропотоков и безналичные расчеты с отсрочками платежа при сотрудничестве с розничной сетью мало устраивали производителей. Их больше привлекала свободная продажа на базаре, а также связь со всевозможными заводами и учреждениями, которая сулила дополнительный выигрыш. Подобная «маркетинговая стратегия» среди кооператоров была весьма популярна еще и потому, что по мнению британских историков Дж. Барбера и уже цитированного выше М. Харрисона «во время войны сталинское правительство приостановило свою враждебность к частному производству и рынку, закрыло глаза на неформальную и теоретически незаконную экономическую деятельность» [Barber, Harrison 1991, 99].

Поэтому некоторые артели, чтобы «остаться на плаву» и достичь приемлемого уровня доходности, прибегали к товарообмену с выгодным для себя коэффициентом или к теневым каналам сбыта готовой продукции. Так, Можгинские кустари из «Красного знамени» скромные партии изделий собственного производства обменивали у колхозов на большое количество фуража, который затем дорого продавали владельцам индивидуальных подсобных хозяйств [ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 99. Л. 16]. Естественно, данные операции не отражались в бухгалтерской отчетности, а внезапные проверки кооперативных складов обнаруживали запасы самых разнообразных товаров и полуфабрикатов при пустых магазинных полках. Отступление от норм закона, несмотря на его вынужденный характер, деформировало нравственные принципы у некоторых руководителей и членов артелей. Именно к периоду войны, по меткому замечанию американского историка И. Бирмана, относится создание в СССР морального климата, способствующего распространению так называемой «второй» или нелегальной экономики [Birman 1980, 9–10].

Крайний дефицит на потребительском рынке порождал уверенность в том, что любой предмет, даже некондиционный, легко удастся сбыть. Эти настроения, широко распространенные в артельной среде, беспокоили правительственные органы. Так, в апреле 1945 г. СНК РСФСР принял постановление «Об улучшении качества товаров широкого потребления, вырабатываемых местной промышленностью, промысловой кооперацией и кооперацией инвалидов», по которому в цехах образовывались отделы технического контроля, а в мастерских выделялись лица, ответственные за качество. В отношении председателя кооператива, начальника ОТК, маркировщика, если они допускали систематический брак, вводилась уголовная ответственность [Хронологическое собрание ... 1958, 442–443]. В Удмуртской АССР борьбе с браком были посвящены специальное заседание бюро обкома партии, республиканское совещание и конференция руководителей кулспромкооперации Ижевска [ГАОПИ. Ф. 1093. Оп. 9. Д. 69. Л. 13; ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 724. Л. 5,6]. В результате на подавляющее большинство изделий были установлены технические условия, практически каждое товарищество обзавелось собственным клеймом и службой бракеража [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 724. Л. 6].

Вывод

В 1941–1945 гг. вопросы деятельности кооперативной промышленности по удовлетворению потребностей населения находились в сфере внимания государства, хотя и не относились к числу приоритетных. Опыт показал, что административно-приказные методы и приемы, которые позволили форсировать выполнение удмуртскими артелями фронтowych заказов, были не столь действенны, когда речь шла о товарах массового спроса. Преодолеть кризис системы жизнеобеспечения удалось благодаря известной корректировке ее построения. В русле практической политики изменения выразились в допущении, насколько позволяли обстоятельства, утилитарно-прагматической мотивации хозрасчетных и самоуправляемых промысловых артелей, что и привело к расширению местного оборота.

Основными поставщиками кооперативных товаров являлись небольшие коллективные предприятия, расположенные вблизи индустриальных районов, насыщенных инфраструктурой. Их взаимодействие с партийными органами, сосредоточившими в своих руках координирующие, арбитражные и посреднические функции, давало удачный пример сочетания индивидуалистической и авторитарно-централизованной производственных культур. Это обеспечивало оптимальную в тех условиях эффективность народнохозяйственного комплекса, в который вовлекались дополнительные ресурсы. Иначе они оказались бы невостребованными.

ЛИТЕРАТУРА

- XXV лет Советской Удмуртии*. Ижевск, 1945. 210 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 395. Оп. 1. Д. 15.
- ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 6.
- Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики 1941-1950 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. 306 с.
- Никонов Ю. Т.* История промысловой кооперации Удмуртии (1920-1960 гг.). Дис. ... канд. ист. н. Ижевск, 2000. 224 с.
- Пасс А. А.* «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1941–1945 гг. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. 235 с.
- Правда. 1941, 10 июля.
- Промысловая кооперация. Сборник важнейших постановлений. М., 1949. 336 с.
- Сборник важнейших законов и постановлений по заработной плате. М., 1945. 204 с.
- Сборник указов, постановлений и распоряжений. 1941-1945 гг. Челябинск, 1945. 564 с.
- Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1942. № 5.
- Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1943. № 7.
- Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Ижевск, 1974. 247 с.
- Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945. Ижевск, 1995. 368 с.
- Удмуртская правда. 1944, 25 января, 24 марта.
- Указатель важнейших решений партии и правительства, принятых во время Великой Отечественной войны. Часть 1. М., 1980. 183 с.
- Урал ковал победу. Челябинск, 1993. 384 с.
- Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1958. Т.3. 638 с.
- Филиал Государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). Ф. 16. Оп. 14. Д. 3.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 281.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 566.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 676.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 724.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 734.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 906.
- ГАОПИ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 1687.
- ГАОПИ. Ф. 278. Оп. 3. Д. 258.
- ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 99.
- ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 110.
- ГАОПИ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 3.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф. 928. Оп. 1. Д. 88.
- ЦГАУР. Ф. 1093. Оп. 2. Д. 53.
- ЦГАУР. Ф. 1093. Оп. 9. Д. 69.
- Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109-115.
- Barber, John & Harrison, Mark.* The Soviet home front, 1941-1945: a social and economic history of the USSR in World War II. (Longman, 1991). 252 p.
- Birman I.* Second and First Economies and Economic Reforms (In Russian) / Conference on «The Second Economy of the USSR». January 24-25. Washington, 1980. 34 p.
- Harrison M.* Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // Journal of Comparative Economics. 2011. Vol. 39. № 1. PP.43-64.
- Millar J. R.* The ABC of Soviet socialism. Chicago, 1981. 215 p.

Пасс Андрей Аркадьевич

доктор исторических наук

профессор кафедры политических наук и международных отношений

ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет

454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

E-mail: pass_andrey@mail.ru

A. A. Pass**TEST BY WAR: PRODUCERS' CO-OPERATION OF UDMURTIA IN 1941–1945**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-396-407

The article discusses the conditions and directions of the cooperative industry of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. It is emphasized that the declared topic, especially in the regional aspect, has been investigated weakly by modern historical science. Based on the theoretical provisions formulated by leading scientists, among which the statement about the mixed nature of the “Stalinist” economy, as well as on the neo-institutional approach and unpublished archival documents, the author presents specific data on the volume and assortment of products manufactured by the producers’ co-operation of the republic. The number of existing enterprises and their membership staff is clarified. The thesis is argued that already in the initial period of the war, despite the severe supply crisis, many partnerships, on the instructions of the authorities, were re-profiled from civilian production to the production of military products. Measures are shown to solve problems such as material, technical, raw materials and personnel support, and the fight against defects. Separately, the plot is illuminated about the use of state benefits, market mechanisms and the implementation of piece-processing wages to stimulate the production of wide consumption products intended for sale among the population. Taken in conjunction, these steps led to bringing the production system to a stable development path. According to the author, the vitality of the cooperative sector to a large extent is explained by its inclusion in informal economic relations. It was concluded that it is precisely the combination of strict administration when performing defense orders and utilitarian-pragmatic motivation in the expansion of local turnover that makes it possible to characterize the policy pursued in relation to commercial artels as an effective one.

Keywords: Great Patriotic War, Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic, mixed economy, neo-institutional approach, artisanal artels, producers’ council, cooperation of the disabled, conversion to military production, defense orders, production of widespread consumption, administrative mechanisms, market mechanisms.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 396-407. In Russian.

REFERENCES

- XXV let Sovetskoj Udmurtii* [XXV years of Soviet Udmurtia]. Izhevsk, 1945. 210 p. In Russian.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (GARF). F. 395. Op. 1. D. 15. In Russian.
- GARF. F. 396. Op. 2. D. 6. In Russian.
- Motrevich V. P.** *Sel'skoe hozjajstvo Urala v pokazateljah statistiki 1941-1950 gg* [Agriculture of the Urals in terms of statistics 1941-1950 years]. Ekaterinburg, UrO RAN, 1993. 306 p. In Russian.
- Nikonov Ju. T.** *Istorija promyslovoj kooperacii Udmurtii (1920-1960 gg.): Dis. kand. ist. nauk.* [History of production cooperation in Udmurtia (1920-1960) Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2000. 224 p. In Russian.
- Pass A. A.** «*Drugaja*» *jekonomika: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1941-1945 gg.* ["Another" economy: production and trade cooperatives in the Urals in 1941-1945]. Cheljabinsk, Chelyabinsk State University, 2002. 235 p. In Russian.
- Pravda*. 1941, 10 ijulja. In Russian.
- Promyslovaja kooperacija. Sbornik vazhnejshih postanovlenij.* [Producers’ co-operation. Collection of the most important decrees]. M., 1949. 336 p. In Russian.
- Sbornik vazhnejshih zakonov i postanovlenij po zarabotnoj plate.* [Collection of the most important laws and regulations on wages]. M., 1945. 204 p. In Russian.
- Sbornik ukazov, postanovlenij i rasporyzhenij. 1941-1945 gg.* [Collection of decrees, resolutions and orders. 1941-1945 years]. Cheljabinsk, 1945. pp.154-156. In Russian.
- Sobranie postanovlenij i rasporyzhenij pravitel'stva SSSR.* [Collection of resolutions and orders of the government of the USSR]. 1942. № 5; 1943. № 7. In Russian.
- Udmurtija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.* [Udmurtia in the Great Patriotic War 1941-1945]. Izhevsk, 1974. 247 p. In Russian.
- Udmurtija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945.* [Udmurtia in the Great Patriotic War 1941-1945]. Izhevsk, 1995. 368 p. In Russian.

- Udmurtskaja pravda*. [Udmurt truth]. 1944, 25 janvarja, 24 marta. In Russian.
- Ukazatel' vazhnejshih reshenij partii i pravitel'stva, prinjatyh vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny. Chast' I*. [Index of the most important decisions of the party and government adopted during the Great Patriotic War. Part 1.]. M., 1980. 183 p. In Russian.
- Ural koval pobedu*. [Ural forged victory]. Cheljabinsk, 1993. 384 p. In Russian.
- Hronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta i postanovlenij pravitel'stva RSFSR*. [Chronological Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and Decrees of the Government of the RSFSR]. M., 1958. T.3. 638 p. In Russian.
- Centr dokumentacii novejshej istorii Udmurtskoj Respubliki (CDNIUR)*. F. 16. Op. 14. D. 3. L. 103, 107, 108. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 281. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 566. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 676. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 724. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 734. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 906. In Russian.
- CDNIUR. F. 54. Op. 2. D. 1687. In Russian.
- CDNIUR. F. 278. Op. 3. D. 258. In Russian.
- CDNIUR. F. 311. Op. 1. D. 99. In Russian.
- CDNIUR. F. 311. Op. 1. D. 110. In Russian.
- CDNIUR. F. 2202. Op. 1. D. 3. In Russian.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki (CGAUR)*. F. 928. Op. 1. D. 88. In Russian.
- CGAUR. F. 1093. Op. 2. D. 53. In Russian.
- CGAUR. F. 1093. Op. 9. D. 69. In Russian.
- Shanin T.** Formy hozjajstva vne sistem [Household forms outside the systems] // *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy], 1990. №8. pp. 109-115. In Russian.
- Barber, John & Harrison, Mark.** *The Soviet home front, 1941-1945: a social and economic history of the USSR in World War II*. Longman, 1991. 252 p.
- Birman I.** Second and First Economies and Economic Reforms (In Russian) / *Conference on «The Second Economy of the USSR»*. Janiary 24-25. Washington, 1980. 34 p.
- Harrison M.** Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // *Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol.39. № 1. pp. 43-64.
- Millar J. R.** *The ABC of Soviet socialism*. Chicago, 1981. 215 p.

Received 27.02.2023

Pass Andrey Arkadyevich
Doctor of Historical Sciences
Professor of the Department of Political Sciences and International Relations
Chelyabinsk State University
129. Brothers Kashirin st., Chelyabinsk, 454001, Russia
E-mail: pass_andrey@mail.ru

Р. Р. Садиков, А. С. Иликаев

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ СИСТЕМ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

В статье рассматривается вопрос характера этнических верований финно-угорских народов Поволжья. Авторы отмечают, что определение их как языческих принадлежит миссионерской литературе и не имеет отношение к современной науке. Правильнее будет определять данный феномен как этнические религии. Вместе с тем до сих пор остается нерешенным вопрос о соотношении различных компонентов в верованиях мордвы, марийцев и удмуртов при очевидном определяющем воздействии христианства и ислама. Как отечественные, так и зарубежные исследователи пытались обнаружить в религии финно-угров Поволжья элементы анимизма, тотемизма, шаманизма и некоторых других ранних форм религии. При этом предпринимались попытки сблизить верования мордвы, марийцев и удмуртов с достаточно экзотическими для региона скифскими, древнеегипетскими, индуистскими и прочими религиями. Однако уже с XIX века наряду с наивными и ошибочными представлениями формируются получившие распространение впоследствии теории о финно-угорской основе верований рассматриваемых этносов. На конкретных примерах авторы данной статьи показывают перспективность такого подхода, когда, отмечая ряд представлений, не встречающихся у других народов региона, в том числе зафиксированных только в исторических источниках, можно отделить собственно мордовские, марийские и удмуртские верования от народного христианства соседнего русского населения, а также от исламского компонента. Кроме того, наряду с пластом, образованным влиянием мировых религий, в верованиях финно-угров Поволжья обнаруживаются элементы древнеиранской и древнетюркской религий, что позволяет сделать вывод о том, что, скорее всего, они успели сложиться в достаточно развитые политеистические религиозные системы, сохранявшие во многих случаях самобытный характер.

Ключевые слова: язычество, дохристианские верования, этнические религии, традиционная религия, ранние формы религии, финно-угры Поволжья, мордва, марийцы, удмурты.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-408-418

Введение

Религиозные системы финно-угорских народов Поволжья до сих пор в популярных изданиях именуют «язычеством» [Бой Анн-Дорит 2010, 86]. Однако стоит указать на то, что данный термин, вышедший из миссионерской литературы XVIII — XIX вв., в настоящий момент, по крайней мере в науке, устарел. Немного более точным следует признать и определение подобного рода верований как «дохристианских» [Мокшин 1998, 23–24]. Использование дефиниции «традиционные верования» представляет определенную трудность, поскольку она описывает больше тот этап религии, который был характерен для первобытнообщинной эпохи [Садиков 2019, 40].

Наиболее оптимальным решением представляется использование определения Г.-Ю. Грешата — этнические религии. Верования финно-угорских народов Поволжья отвечают всем, выдвинутым вышеупомянутым исследователем, условиям. Они принадлежат к небольшим общинам, географически ограничены, воспроизводятся (по крайней мере, так обстояло до недавнего времени) на основе устной традиции, определяют принадлежность к религии не путем принятия догм и обрядов, а этническим происхождением [Грешат 2001, 226].

Ряд современных исследователей (С. Б. Филатов, В. А. Шнирельман) предлагают считать верования мордвы, мари и удмуртов формой «неоязычества» [Иликаев 2022, 26–27] или «локальной религии» [Никитина, Устьянцев 2022, 201].

Более взвешенной точки зрения придерживается такой крупный специалист как В. В. Напольских, указывая, что традиции собственно аграрного деревенского общества у финно-угров Поволжья можно охарактеризовать как народную религию (нем. Volksreligionen). В то же время как в городах, в среде национальной интеллигенции, действительно, может иметь место конструирование в духе «нью-эйдж». При этом комплексы христианского и исламского происхождения в подобного рода «народных религиях» не только могут быть многочисленными, но и зачастую занимают центральное место и формируют всю систему [Напольских 2002, 136–138].

Дискуссионным представляется вопрос о самобытности религиозных верований финно-угров Поволжья. Е. Ф. Шумилов, говоря о распространении христианства в Удмуртии, высказал мнение, что удмуртская традиционная религия к началу ее этнографического изучения (то есть к XVIII в. — *P.P., A. C.*) уже представляла собой фактически один из видов восточно-европейского народного христианства [Шумилов 2001, 52]. Эта точка зрения была поддержана также некоторыми другими современными исследователями, также указывающими на значительное влияние на религии финно-угорских народов Поволжья исламских традиций [Напольских 2002, 136-138; Петрухин 2003, 229, 260].

Г. Харви, не отказываясь от устоявшихся в науке терминов, характеризующих ранние формы религий (анимизм, фетишизм) говорит о необходимости пересмотра устаревших, на его взгляд, точек зрения на саму сущность этнических верований. Последние во многом оказались более тесно связанными с окружающим миром, чем это казалось западным ученым, привыкшим отделять природу от культуры. Отказ от накопившихся искажений в понимании того же анимизма соответственно можно характеризовать как «новый анимизм». Кроме того, важно, что исследователи из числа представителей «коренных народов» оказываются в определенном смысле ближе к истине, поскольку не нуждаются в интерпретировании [Harvey 2017, 43-45].

Другой современный исследователь Л. Приммиано предлагает использовать термин «vernacular religion» (то есть самобытная религия, свойственная данной местности, родная для нее). Использование данного определения должно, по мысли ученого, помочь уйти от крайне неудачной дефиниции «народная религия». Последняя как бы подразумевает существование некой «официальной» христианской религии [Primiano 1995, 43-45].

Таким образом, если исходить из того положения, что религиозные системы финно-угорских народов Поволжья смогли исторически сложиться в целостные религии [Садиков 2019, 38–40], возникает вопрос, насколько эти этнические религии можно считать в основе своей собственно «традиционными» и «политеистическими»? Или их правильнее трактовать как разновидности восточно-европейского народного христианства с примесью исламской мифологии и очень незначительных остатков прежних первобытных финно-угорских верований?

Подходы к изучению верований финно-угорских народов Поволжья

Религиозные воззрения мордвы среди финно-угорских народов Поволжья были описаны одними из первых. Еще в XIII веке Юлианом, П. Карпини, В. Рубруком было указано, что мордвы являются «чистыми язычниками» [Мокшин 1998, 24–25]. Впоследствии другие исследователи (Н. Витсен, П. С. Паллас) отмечали поклонение мордвы верховному богу, а иногда и отсутствие идолов [Мокшин 1998, 26–28]. Наиболее полно мордовский Олимп был описан К. Мильковичем (XVIII в.) и П. И. Мельниковым-Печерским (середина XIX в.). В трудах последнего теогония мордовских божеств предстала такой необычно разработанной, что уже современники ученого стали подозревать, что автор какие-то мифы и образы сочинил сам, вероятно ориентируясь на древнегреческий пантеон [Мокшин 1998, 32]. При этом исток мордовской религии исследователи (И. Н. Смирнов) видели в анимизме, вере в духов [Мокшин 1998, 36]. В советское время Н. Ф. Мокшин дал определение мордовских верований как «дохристианских», сформировавшихся, как аналогичные марийские, в эпоху материнско-родового строя [Мокшин 1998, 40–41, 138]. При этом ученый отметил также существование отголосков более ранних форм религии, а именно, тотемизма [Мокшин 1998, 43].

Первые упоминания о религии черемисов относятся к самому концу XVI в. С. Герберштейн, А. Гваньини считали ее «язычеством» и даже разновидностью исламской веры [Ситников 2006, 3]. У Г. Ф. Миллера впервые встречается оригинальное, редкое обозначение для марийских жрецов югич [Миллер 1791, 47, 58] (йўктышö «чтец молитв»).

И. Г. Георги первым упомянул о супружеской паре верховных марийских богов: Юме (Когоюме) и Юмон Аве. Прочие, подчиненные им боги, являлись их детьми или родственниками [Георги 1799, 31]. В конце XVIII в. Н. П. Рычков попытался соотнести черемисские верования с религией скифов [Рычков 1779, 82–84]. Последующие исследователи первой половины – середины XIX – XX вв. в основном оценивали характер марийской религии с точки зрения теории эволюционизма. В то время как финские ученые в лице У. Харвы считали ее продолжением зачастую очень архаической, общей для всех финно-угров системы религиозных взглядов [Харва 2022, 20–21], то ряд российских исследователей (И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов, Н. И. Золотницкий) отмечали, что почти все свои

верования мари заимствовали у русских, чувашей и татар [Тойдыбекова 2007, 8]. При этом все большее распространение получали сравнительно исторические исследования, когда отдельные черты финно-угорской мифологии и марийской в частности относили к индоиранскому наследию (Х. Паасонен, А. Хамяляйнен) [Веке 1931, 98; Шкалина 2003, 317].

В. Е. Владыкин привел своеобразную сводку взглядов на характер удмуртской этнической религии. По его мнению, эти взгляды можно разделить на две группы. Первая группа объединяет мнения, зачастую не имеющие ничего общего с наукой и представляющие собой обозначения вроде «поганая», «языческая», «идолопоклонническая» или даже имеющая «сходство с египетской» [Владыкин 2018, 132–133]. Не меньшей оригинальностью отличился Н. Н. Блинов, отождествлявший религию удмуртов с буддизмом на том основании, что одно из удмуртских молений носит название «булда» [Владыкин 2018, 133]. Г. Е. Верещагин высказал мысль о том, что религия удмуртов есть не что иное, как смесь индуизма, брамизма и зороастризма [Верещагин 2000, 225]. В качестве аргумента, например, автор приводит якобы сходство наименования верховного удмуртского бога-творца Инмара с именем индийского великана Имира, из которого был сотворен мир [Верещагин 2000, 225]. Другая группа взглядов на удмуртскую религию характеризует ее как одну из форм ранних религиозных верований. Так, В. М. Бехтерев определял воззрения вотяков как шаманизм, Г. Н. Потанин – фетишизм, М. Бух и И. Н. Смирнов – анимизм [Владыкин 2018, 133].

Сравнительно-историческое исследование верований финно-угорских народов Поволжья

Мысли о бедности, примитивности местного политеизма или его заимствованном характере не раз высказывались как дореволюционными, так и современными исследователями. Так, Р. Г. Ахметьянов замечал, что в наиболее развитых и проработанных мифологических системах боги формируют целые семейные круги, в которых присутствуют не только матери и отцы, но и сыновья, дочери и даже внуки. Однако в религиозных системах народов Поволжья «семейственность божеств четко не проявляется» [Ахметьянов 1981, 11]. Но материалы свидетельствуют, что у удмуртов, например, еще в XVIII в. были шире распространены представления о высшем женском божестве Кылдыни Мумась, матери Илмера [Садиков 2019, 55–56]. В марийской мифологии Кугу Юмо еще в XIX веке рисовался владельцем бесчисленных небесных стад, живущим в большой белой избе на небе. Помимо младшего брата у него имелись сын и дочь-пастушка. По мнению А. Ф. Ярыгина, легенда о Юмо и его дочери имеет древнее происхождение и еще не несет в себе воздействия соседних, в первую очередь тюркских племен, не говоря уже о христианстве или исламе [Ярыгин 1976, 38]. В некоторых мифах упоминается и жена Юмо. Ее образ аналогичен образу Калтац-Эквы, супруги верховного небесного бога обских угров [Тошты мары шаявлä 1972, 42–44].

Хотя Н. П. Маторин, отвергая арабо-исламскую этимологию Керемет, сильно дискредитировал свои построения ссылкой на изыскания Н. Я. Марра [Маторин 1929, 44], нельзя не признать положительной его попытку вскрыть существо именно доисламского и даже дотюркского фундамента верований мари у удмуртов. Разумеется, сама по себе арабская этимология Керемет не означает того факта, что оригинальное имя и образ противника небесного бога у мари у удмуртов не сохранились. Еще дореволюционные исследователи считали, что образ Керемета удмуртами был заимствован у мари, в то время как противника Инмара чаще именовали Шайтаном, а то и Лудом, Ву-муртом [Маторин 1929, 46]. У мари, скорее всего, это был один из водяных духов (марийские Йоон, Йын, Йомшоэнер и т. п.).

Столь же показателен феномен культа Пиямбар у марийцев. Несмотря на заимствование в период распространения мусульманской религии, само имя и образ не имеют прямого отношения к исламу. У памирских народов Джабраил Пайгамбар (Архангел Гавриил) приводит первочеловеку Деду-Адаму из рая волов и различные виды зерновых культур [Березкин, Дувакин]. Возможно, данный образ имеет отношение к иранским мифам об Йиме. В. А. Акцорин считает, что в мифе «Йымын Ёдыр» («Дочь бога Йымы») клички животных восходят к иранским языкам [Марийский фольклор 1991, 269].

Также будет методологически неверно ставить знак равенства между исламским и тюркским компонентом в религии финно-угров Поволжья. Известно, что последние вступили во взаимодействие с булгарами и другими тюркскими народами еще до того, как последние приняли ислам. Возможно, до этого они еще испытали воздействие со стороны гуннов, аланов (агланасары – в удмуртской мифологии). Х. Паасонен описал у восточных мари пантеон, созданный не столько по исламскому, но древнетюркскому образцу с божествами, сидящими по правую и левую руку от божества [Ахметьянов 1981, 51].

В 1964 году увидел свет фундаментальный труд религиоведа С. А. Токарева «Религия в истории народов мира». В части, касающейся верований мари и удмуртов, маститый советский ученый во многом опирался на схему, разработанную репрессированным в 1930-е годы Н. П. Маториным [Маторин 1929, 48–49]. Религии мордвы, марийцев и удмуртов он отнес к религиям доклассового общества и переходного к классовому обществу (племенным культам) [Токарев 1986, 572]. При этом он отметил, что ранние формы религиозных верований долго держались в Поволжье и Западном Приуралье вследствие замедленных темпов экономического развития. Как и у народов Кавказа, религиозные представления финно-угорских народов Поволжья группировались вокруг аграрного культа, связанного с сельской общиной, и почитания предков. Прочие типы верований при этом отходили на второй план [Токарев 1986, 190–191].

По мнению С. А. Токарева, несмотря на то, что мордва испытала наибольшее русское влияние, именно ее божества носят наиболее архаический облик, сформировавшись, по всей видимости, в эпоху материнского рода [Токарев 1986, 195–196]. Также ученый отметил многочисленных богов и духов у мари. У удмуртов С. А. Токарев подтвердил существование верховного бога Кылчин-Инмара и при этом посчитал то обстоятельство, что верховный бог удмуртов живет на небе, а злые божества на земле – влиянием христианства [Токарев 1986, 196].

Особый интерес представляет параграф, где говорится о возможных пережитках шаманства у мари (мужаны) и удмуртов (вöсяси) [Токарев 1986, 196–197].

Решение проблемы

Примерно с середины прошлого века до начала 1990-х годов собственно религиозные верования финно-угорских народов Поволжья специально не исследовались. Усилия ученых сосредоточились в основном на сборе и изучении фольклора и мифологии. Ведущими методами стали компаративистский и антропологический (цивилизационный) подходы, постепенно теснящие «исторический материализм». Главным итогом подобной работы стала совместная статья о финно-угорской мифологии В. Я. Петрухина и Е. А. Хелимского. В ней, в связи с нашей темой, особенно важными представляются следующие моменты: в древнейшей финно-угорской мифологии сходны космогонические мифы, но они развивались под влиянием богомильской и других иранских дуалистических традиций; наиболее выражен дуализм в удмуртской мифологии; характерными чертами мордовской и марийской мифологий являются представления о духах-матерях [Мифы народов мира 2003, 563–566]. В 1990-е годы В. В. Напольских, опираясь на мнения А. Н. Веселовского, А. М. Золотарева, выдвинул концепцию прауральского космогонического мифа, которая наглядно показала ошибочность главного вывода эволюционистской школы о заимствовании мордвой, марийцами и удмуртами мифа о ныряющей птице [Напольских 1991, 112].

В целом, надо признать, анимистические, тотемистические, шаманистские основы верований финно-угорских народов Поволжья изучены до сих пор недостаточно. Причем одни исследователи (Б. П. Гаврилов, М. Г. Атаманов) склонны считать, что, например, у удмуртов сохранились следы матриархально-тотемной организации религиозного культа. Другие (В. С. Чураков, А. М. Максимов) считают, что в реальности тотемизм в удмуртских верованиях практически не обнаруживается и его не стоит смешивать с обычным зооформизмом [Иликаев 2002, 87].

Тем не менее, вопреки мнению скептиков, и у мари, и у удмуртов (в гораздо меньшей степени у мордвы) обнаруживается наличие обрядов и мифов, отражающих первобытный уровень развития религии. Некоторые представления нужно признать крайне оригинальными и не встречающимися у соседних народов региона. Например, поклонение керемету Кармакаю в виде мухи, «шаманские путешествия-видения» у марийцев [Иликаев 2002, 86; Маторин 1929, 59], связь удмуртского Инмара не только с молнией, но и с огнем и рыболовством (как у карельского Ильмаринена) [Евсеев 1973, 47].

С новым всплеском интереса к изучению этнических религий финно-угров Поволжья становилось все более очевидно, что последние не исчерпываются заимствованными из христианской или исламской религии пассажами. Характерным в этой связи стало мнение Б. Кнорре о том что, невзирая на иноязычные и иноверческие воздействия, «в системе марийских народных религиозных верований обнаруживается свой отличительный пантеон, своя отличительная система представлений о связи богов, природы и человека» [Религия и российское многообразие 2011, 313–314]. Исследовательница Т. Алыбина считает марийскую этническую религию анимистической по своему происхождению [Alybina 2018, 96].

Близкой к данным точкам зрения является мнение современного исследователя Е. В. Никольского. Последний определил удмуртскую религию как первобытный политеизм. Хотя воздействие христианства становится все более определяющим, до сих пор, по мнению исследователя, удмуртская религия «принимает языческий характер» [Никольский 2017, 10].

Е. В. Никольский совершенно прав, когда указывает на то, что не всегда с достаточной степенью основательности порой в удмуртском антропogоническом мифе усматривают влияние библейских преданий [Никольский 2017, 15]. В свое время последний неплохо был проанализирован В. М. Бехтеревым. Ученый указал на его явные отличия от библейской версии [Бехтерев 1880, 152–153]. Также заслуживают упоминания приведенные Г. Е. Верещагиным тексты удмуртских антропogонических мифов в ряде существенных деталей отличающиеся, кажется, даже от народно-христианских представлений русского населения [Верещагин 2001, 18–21].

Впрочем, возможно, не всегда точен Е. В. Никольский в отношении некоторых сюжетов удмуртских мифов. Так, справедливо усматривая сходство предания о Кылдысине с народными преданиями о Христе, Магомете [Первухин 1888, 7–8; Никольский 2017, 10–11], автор не отметил, что, к примеру, запрет красить одежды в синий цвет относится к разряду специфически удмуртских. Также, похоже, совершенно оригинальным является другое предание этиологического характера о Кылдысине, в котором бог превращается последовательно в белку, рябчика, тетерева и окуня [Первухин 1888, 32–34].

Определенных уточнений требуют работы Н. С. Попова в отношении марийской этнической религии. Например, излагаемый Н.С. Поповым миф о Юмо и Ёыне приводится не полностью, несмотря на знакомство автора с первоисточником [Попов 2016, 188–189]. Реально зафиксированный фольклористами космогонический и антропogонический миф о Тўн-Юмо и Шочын-Аве, творящих первые человеческие пары, ученый трактует исключительно как результат влияния на марийцев неких русских апокрифов [Попов 2016, 191]. На самом деле ничего подобного не только в русских, но и вообще в каких бы то ни было апокрифах (за исключением мотива о сотворении Богом различных народов и призывов плодиться и размножаться) нет. Вместе с тем, Н. С. Попову удастся обнаружить отличия марийских традиционных представлений от ветхозаветных, показать, что в первых большую и самостоятельную роль играют различные животные и птицы, боги, духи, что объясняется тем, что марийская мифология формировалась во времена финно-угорской общности [Попов 2016, 193].

Анализ Н. Ф. Мокшиным мордовской религии выглядит солидно и может быть своей систематичностью и глубиной сопоставлен с построениями В. Е. Владыкина относительно удмуртской религии. Однако и здесь можно указать на некоторые недоработки. Так, Н. Ф. Мокшин считает, что в сообщении Ф. И. Страленберга о том, что мордва молилась верховному богу Юмичипазу, тождественному Юмале, содержится неточность. По мнению ученого, у мордвы действительно имелось божество солнца Чи-паз, но первую часть теонима Ф. И. Страленберг додумал от себя по образцу марийского Кугу Юмо [Мокшин 1998, 26–27]. Но еще В. Е. Владыкиным в отношении образа Инмара было замечено, что иной раз за кажущимися описками старых авторов могут скрываться просто зафиксированные более ранние состояния этнической религии [Владыкин 2018, 103]. Возможно, что верховное божество Юмичипаз у мордвы в начале XVIII века еще было, но в последствие его культ забылся, исчез. Здесь вполне уместно провести аналогии с образом Илмы-Илмара, который, возможно, также был распространен шире и встречался у мари и даже чувашей [Евсеев 1973, 47].

Выводы

Все вышесказанное позволяет прийти к некоторым выводам. Очевидно, что религии финно-угорских народов Поволжья сохранили немало базовых древних образов и мотивов, в том числе анимистического, тотемистического характера. Вопреки утверждениям некоторых исследователей, в них, по крайней мере до XVIII – XIX вв., можно обнаружить общие культы верховных божеств. Также у всех трех этносов наличествуют свои, не сводимые к библейским или русским христианским апокрифам и мусульманским сказаниям, оригинальные мифы. Впрочем, сказанное не отменяет факта мощного влияния на верования мордвы, марийцев и удмуртов монотеистических религий. Оно постепенно усиливалось с течением времени, выразившись в постепенном упрощении пантеона и складывании своеобразных синкретических форм верований.

Перечислим ряд важных моментов не позволяющих все же считать этнические верования мари и удмуртов простой аналогией народному христианству восточных славян или некой формой народного исламо-христианского микса.

Во-первых, как было показано, верования финно-угров Поволжья включают в себя элементы, восходящие еще к временам прафинно-угорской общности (миф о ныряющей птице). Некоторые пережитки первобытных форм религии находят отражение в религии марийцев и удмуртов (тотемизм, анимизм). В древнейшей части пантеоны финно-угров региона образуют настоящие семьи (особенно у мордвы). Образы богов еще до XVIII – XIX веков были достаточно антропоморфными и проработанными. Иногда в них обнаруживаются крайне архаические черты, как, например, в удмуртском Инмаре.

Во-вторых, народное христианство, даже в случае пресловутого «двоеверия», никогда не допускало того, что какие-то русские крестьяне могли не посещать церковные службы, не отмечать церковные праздники. Ни один обряд жизненного цикла у русских не обходился без участия священника. Обязательными были пожертвования церкви, ее служителям. Еще креститель князь Владимир учредил церковную десятину. К тому же, в отличие от русских и татар, жрецы мари и удмуртов всегда говорили со своей «паствой» на одном языке. Русские и татарские крестьяне никогда не были свободны от контроля со стороны попов и мулл. Они не могли себе позволить как чувашаи, черемисы и вотяки, например, не думать о Боге, когда в последнем у них не было прямой нужды. Сама идеология монотеистических мировых религий подразумевала, что обладающий первородным грехом человек постоянно должен размышлять о покаянии, искуплении (при том, что ст.-слав. слово грѣхъ, как и греческое, изначально обозначало просто ошибку), либо строгом следовании нормам шариата (в исламе). При этом стоит отметить, что народная культура, пропитанная языческими пережитками, у русских крестьян держалась очень стойко вплоть до XIX века. Совершенное равнодушие к официальной христианской религии, представлявшейся народу «непроницаемой тайной» отмечал А. И. Герцен [Угринович 1982, 219–232].

В-третьих, христианские святые, какими бы чертами прежних языческих богов не наделялись, все-таки оставались христианскими святыми, а не природными духами, как у марийцев или удмуртов. Определенную параллель можно лишь проследить на культе Матери-Сырой-Земли (клятва земель, обряды, связанные с вспашкой поля, запреты, лечебная магия). Также сами «жертвоприношения» в честь христианских святых лишь весьма условно можно назвать таковыми. Скорее, это были пиры, братчины-складчины. Кости животных, жир, шкуры не сжигались на кострах, не развешивались на деревьях. Тем более странно предположить, чтобы русские крестьяне думали, что сжигаемые животные возносятся с дымом к небу. Между тем этнографами в XIX веке было зафиксировано именно ритуальное сожжение черемисами жеребенка [Фукс 1840, 50–51]. Получается, в жертву божеству приносилась вся ценная туша животного целиком.

В-четвертых, даже пережиточные формы прежних языческих верований и русского и татарского населения носили явно подчиненный народно-христианским (народно-исламским) обрядам характер, располагались на периферии. Вряд ли можно посчитать великими жертвами наливание молока в блюдечко для домашнего ужа, оставление ложки каши домовому, последнего снопа Волосу, бросание монет в ручей новобрачной. Зачастую эти действия носили характер охранительной магии. Но даже в этом случае они резко осуждались церковнослужителями. Например, бросание веретен с пряжей в колодец (обряд мокриды, в котором видят реликт жертвоприношений богини Мокоши). В любом случае, русские и татарские крестьяне при этом не думали, что они приносят жертву каким-то сверхъестественным существам, равномогущественным Богу, Христу, Аллаху.

В-пятых, было бы упрощением картины считать, что на верования мари и удмуртов, особенно мари, никак не повлияли еще дозораострийские и доисламские воззрения древних иранских племен, как это было показано на феномене культа Пиямбара.

В-шестых, было бы упрощением картины считать, что на верования мари и удмуртов, особенно мари, никак не повлияли еще древнеиранские и древнетюркские верования соседних племен, как это было показано на феномене культа Пиямбара.

Кроме того, на что также было указано, финно-угры Поволжья вступили во взаимодействие с булгарами и другими тюркскими народами еще до того, как последние приняли ислам.

Таким образом, этнические религии финно-угорских народов Поволжья правильно считать разновидностью достаточно развитого политеизма, в течение своего развития подвергнувшегося самым

разным, в том числе позднейшим монотеистическим влияниям, но, несмотря на это, сохранившего во многих случаях свой самобытный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 22.12.2022).
- Бехтерев В. М. Вотяки, их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. Т. 4. Ч. 7–8. С. 621–624.
- Бой Анн-Дорит. Последние язычники Европы // ГЕО. 2010. № 4. С. 80–91.
- Верещагин Г. Е. О древнем происхождении вотяков / Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Вып. 1 / Отв. за выпуск Шкляев Г. К. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 251 с.
- Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4: Фольклор. Кн. 1.: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды / Отв. за выпуск Шкляев Г. К. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 222 с.
- Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 2017–2018. Т. II. Н-Я. 2018. 741 с.
- Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
- Георги И. И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. I. 76 с.
- Грешат Г. Ю. Этнические религии // Антес П. Религии современности. История и вера. М., Прогресс-Традиция, 2001. С. 223–248.
- Евсеев В. Я. Удмуртско-карельские фольклорные связи // Об удмуртском фольклоре и литературе. Ижевск: УдмНИИЭЛЯ, 1973. Вып. 1. С. 46–53.
- Иванова В. И. Теонимическая лексика чувашского и марийского народов: Туря, Юмо «Бог» // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 162–169.
- Иликаев А. С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: монография / А. С. Иликаев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 336 с.
- Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. / Сост. Аккорин В. А. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 285 с.
- Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество – ислам – православие – сектанство. М.: Акц. изд. о-ва «Безбожник», 1929. 175 с.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791. 99 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. 719 с.
- Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 244 с.
- Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
- Напольских В. В. Заметки на полях: Неоязычество на просторах Евразии // Вестник Евразии / Acta Eurasica. 2002. № 1. С. 136–138.
- Никитина Г. А., Устьянцев Г. Ю. Традиционные религии vs неорелигии в XXI веке. Проблемы классификации и синкретиза (на материалах Поволжья) // Марийская Традиционная Религия. Мат-лы Всеросс. научно-практ. конф. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 201–221.
- Никольский Е. В. Специфика удмуртского политеизма: первобытная религия и инородные влияния // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. 2017. № 4. С. 9–36.
- Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1-ый. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка: Губ. тип., 1888. 104 с.
- Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Попов Н. С. Отражение ветхозаветных мотивов в космогонических мифах мари о творении мира и человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 1–2. 2016. С. 188–195.

- Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.-СПб.: Летний сад, 2011. 688 с.
- Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770. Ч. I. 190 с.
- Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-е изд., доп. / Р. Р. Садиков; Ин-т этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.
- Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Том 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
- Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 575 с.
- Тошты мары шаявлӓ: Тошто марий ой-влак / В.А. Акцорин чумырен. Ончылмут ден умылтары-машым В. А. Акцорин возен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1972. 216 с.
- Угринович Д. М. Искусство и религия: (Теорет. очерк). М.: Политиздат, 1982. 288 с.
- Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: В типографии Императорского Казанского университета, 1840. 329 с.
- Харва (Хольмберг) У. Ворования и мифология народов Северной Евразии. / Отв. ред. А. В. Головнев. М.: Castalia, 2022. 354 с.
- Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 208 с.
- Шумилова Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI — начало XX века. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 434 с.
- Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976. 76 с.
- Alybina T. Contemporary mari belief: the formation of ethnic religion // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. no. 2. vol. 12. pp. 79–114.
- Beke Ö. Tscheremissische Textezur Religion und Volkskunde. Oslo: Etnografiske Museum, Bulletin 4. Oslo, 1931. 100 s.
- Edward Burnett Tylor, Religion and Culture. Ed. by P.-F. Tremlett, L.T. Sutherland, G. Harvey. London. New York. Bloomsbury Academic Publishing Plc, 2017. 219 p.
- Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. Western Folklore, 1995, no. 54, pp. 37–56.

Поступила в редакцию 15.03.2023

Садиков Ранус Рафикович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН)
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: kissapi@mail.ru

Иликаев Александр Сергеевич

кандидат политических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»
(ФГБОУ ВО УУНиТ)
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
E-mail: info@minobrnauki.gov.ru

R. R. Sadikov, A. S. Ilikaev

ON ISSUE OF DEFINING RELIGIOUS SYSTEMS OF FINNO-UGRIC PEOPLES OF VOLGA REGION

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-408-418

The article deals with the issue of the nature of ethnic beliefs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. The authors note that their definition as pagan belongs to the missionary literature and has no relation to modern science. It would be more correct to define this phenomenon as ethnic religions. At the same time the question of the correlation of

various components in beliefs of the Mordvins, Mari and Udmurts is still unresolved with the obvious decisive influence of Christianity and Islam. Both native and foreign researchers have tried to find out in the religion of the Finno-Ugric peoples of the Volga region some elements of animism, totemism, shamanism and other early forms of religion. Attempts have been made to connect beliefs of the Mordvins, Mari and Udmurts with Scythian, Ancient Egyptian, Hindu and other religions quite exotic for the region. However, since the 19th century theories about the Finno-Ugric basis of beliefs of the ethnic groups in question have been formed along with naive and erroneous ideas. Using specific examples, the authors of this article reveal the perspective of this approach, when noting a number of the beliefs not found in other peoples of the region, including those fixed only in historical sources, it is possible to separate Mordvin, Mari and Udmurt beliefs from the folk Christianity of the neighboring Russian population, and as well as from the Islamic component. In addition, along with the layer formed by the influence of world religions, some elements of Ancient Iranian and Ancient Turkic religions are found in beliefs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. This allows us to conclude that they are likely to have formed into rather developed polytheistic religious systems, in many cases retained their original character.

Keywords: paganism, pre-Christian beliefs, ethnic religions, traditional religion, early forms of religion, Finno-Ugric peoples of the Volga region, Mordvins, Mari, Udmurts.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 408–418. In Russian.

REFERENCES

Alybina T. Contemporary mari belief: the formation of ethnic religion // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. no. 2. vol. 12. pp. 79–114. In English.

Akhmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General Vocabulary of Spiritual Culture of the Peoples of the Middle Volga Region] Povolzh'ya. Moscow, Nauka, 1981. 144 p. In Russian.

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic classification and distribution of folkloremythological motifs by area. Analytical catalog]. In Russian. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 22.12.2022). In Russian.

Beke Ö. Tscheremissische Textezur Religion und Volkskunde. Oslo, Etnografiske Museum. Bulletin 4. Oslo, 1931. 100 p. In German

Bekhterev V. M. Votyaki, ikh istoriya i sovremennoe sostoyanie: Bytovye i etnograficheskie ocherki [Votyaks, their history and modern state: Genesis and ethnographic sketches]. Vestnik Evropy [Herald of Europe]. 1880. vol. 4. no. 7–8. pp. 621–624. In Russian.

Boi Ann-Dorit. Poslednie yazychniki Evropy [The Last Pagans of Europe]. GEO. 2010. no. 4. pp. 80–91. In Russian.

Edward Burnett Tylor. Religion and Culture. Ed. by P.-F. Tremlett, L. T. Sutherland, G. Harvey. London. New York. Bloomsbury Academic Publishing Plc, 2017. 219 p. In English.

Vereshchagin G. E. O drevnem proiskhozhdenii votyakov [About the Ancient Origin of Votyaks]. Vereshchagin G.E. *Sobranie sochinenii: V 6 t. / Pod red. V.M. Vanyusheva* [Collected Works: In 6 vol. / Under the editorship of V.M. Vanyushev]. vol. 3: Etnograficheskie ocherki [Ethnographic sketches]. Book 2. iss. 1. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2000. pp. 223–230. In Russian.

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t. / Pod red. V.M. Vanyusheva* [Collected Works: In 6 vol. / Under the editorship of V.M. Vanyushev]. vol. 4: Fol'klor. book. 1.: Udmurtskii fol'klor: Predaniya. Legendy / Otv. za vypusk Shklyayev G.K. [Udmurt folklore: Tales. Legends / Responsible for the issue Shklyayev G.K.]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2001. In Russian.

Vershinin V. I. *Marii mut-vlakyn kushech liimysht: etimologii muter. Proiskhozhdenie slov mariiskogo yazyka: etimologicheskii slovar': v 2 t.* [The Origin of the Words of the Mari Language: Etymological Dictionary: in 2 vol.]. Ioshkar-Ola, OOO IPF «Stiring», 2018. vol. II. N-Ya., 741 p. In Mari and Russian.

Vladykin V. E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and Mythological Picture of the World of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya, 2018. 400 p. In Russian.

Georgi I. I. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov...* [Description of all peoples inhabiting the Russian State]. St. Petersburg, 1799. part. I. 76 p. In Russian.

Greshat G.-Yu. Etnicheskie religii [Ethnic religions]. *Antes P. Religii sovremennosti. Istoriya i vera* [Religions of modernity. History and Belief.]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. pp. 223–248. In Russian.

Evseev V. Ya. Udmurtsko-karel'skie fol'klornye svyazi [Udmurt-Karelian folklore relations]. Ob udmurtskom fol'klоре i literature [About Udmurt folklore and literature]. Izhevsk, UdmNIIElyA, 1973. iss. 1. pp. 46–53. In Russian.

Ivanova V. I. Teonimicheskaya leksika chuvashskogo i mariiskogo narodov: Turä, Yumo «Bog» [Theonymical vocabulary of the Chuvash and Mari peoples: Turä, Yumo "God"]. Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. 2008. no. 1. pp. 162–169. In Russian.

Ilikaev A. S. *Matriarkhal'nye proyavleniya rannikh form religii v kosmogonicheskikh mifakh narodov Uralo-Povolzh'ya: bashkiry, mariitsy, russkie* [Matriarchal manifestations of early forms of religion in the cosmogonic myths of the peoples of the Ural-Volga region: Bashkirs, Mari, and Russian]. Ufa, RITs BashGU, 2022. 336 p. In Russian.

Mariiskii fol'klor: Mify, legendy, predaniya. / Sost. Aktsorin V.A. [Mari folklore: Myths, legends, tales. Comp. Aktsorin V.A.]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 285 p. In Russian.

Matorin N. *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraja prezhde i teper'. Yazychestvo – islam – pravoslavie – sektanstvo* [Religion of the peoples of the Volga-Kama region before and now. Paganism – Islam – Orthodoxy – Sectarianism]. Moscow, Akts. izd. o-va «Bezbozhnik», 1929. 175 p. In Russian.

Miller G. F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov...* [The description of pagan peoples, living in Kazan province, such as Cheremis, Chuvashs and Votyaks.]. St. Petersburg, 1791. 99 p. In Russian.

Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2-kh t. / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the World Peoples: Encyclopedia: In 2 volumes / Edited by S.A. Tokarev]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2003. vol. 2. 719 p. In Russian.

Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of Mordva]. Saransk, Mord. kn. izd-vo, 1998. 244 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. *Drevneishie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoi yazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif)* [The Ancient Stages of the Origin of Peoples of the Ural Language Family: Data of Mythological Reconstruction (the Proto-Ural Cosmogonic Myth)]. Moscow, Institut etnologii i antropologii AN SSSR, 1991. 190 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. Zametki na polyakh: Neoyazychestvo na prostorakh Evrazii [Notes in the margin: Neopaganism in the Eurasian Land]. Vestnik Evrazii [Eurasian Herald] / Acta Eurasica. 2002. no. 1. pp. 136–138. In Russian.

Nikitina G. A., Ust'yantsev G. Yu. Traditsionnye religii vs neoreligii v XXI veke. Problemy klassifikatsii i sinkretiza (na materialakh Povolzh'ya) [Traditional Religions vs. Neo-Religions in the 21st Century. Problems of Classification and Syncretism (on the Materials of the Volga Region)]. *Mariiskaya Traditsionnaya Religiya. Matly Vseross. nauchno-prakt. konf.* [Mari Traditional Religion. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Ioshkar-Ola, MarNIIYaLI, 2022. pp. 201–221. In Russian.

Nikol'skii E. V. Spetsifika udmurtskogo politeizma: pervobytnaya religiya i inorodnye vliyaniya [Specificity of Udmurt Polytheism: Primordial Religion and Foreign Influences]. XΠONOΣ. Tserkovno-istoricheskii al'manakh [Church-Historical Almanac]. 2017. no. 4. pp. 9–36. In Russian.

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda. Eskiz 1. Drevnyaya religiya votyakov po ee sledam v sovremennykh predaniyakh* [Sketches of Traditions and Life of the Foreigners of Glazov County. Sketch 1. Ancient Religion of Votyaks on its Traces in Modern Traditions]. Vyatka, Gub. tip., 1888. 104 p. In Russian.

Petrukhin V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of Finno-Ugric peoples]. Moscow, Izd-vo AST: Tranzitkniga, 2003. 463 p. In Russian.

Popov N. S. Otrazhenie vetkhozavetnykh motivov v kosmogonicheskikh mifakh mari o tvorenii mira i cheloveka [The Reflection of the Old Testament Motifs in the Mari Cosmogonic Myths about the Creation of the World and the Man]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2016. no. 1–2. pp. 188–195. In Russian.

Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. Western Folklore, 1995, no. 54, pp. 37–56. In English.

Rychkov N. P. *Zhurnal, ili Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1770 gg.* [The Journal or Daily Notes of Captain Rychkov's Travels in Different Provinces of Russia in 1769 and 1770]. St. Petersburg, 1770. part I. 190 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Traditsionnaya religiya zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennost')* [Traditional Religion of the Udmurts of Zakamye (History and Modernity)]. Ufa, Pervaya tipografiya, 2019. 320 p. In Russian.

Sitnikov K. I. *Slovar' mariiskoi mifologii* [Dictionary of Mari mythology]. vol. 1. Bogi, dukhi, geroi [Gods, Spirits, Heroes]. Ioshkar-Ola, 2006. 160 p. In Russian.

Toidybekova L. S. *Mariiskaya mifologiya. Etnograficheskii spravochnik* [Mari mythology. Ethnographic Reference Book]. Ioshkar-Ola, 2007. 312 p. In Russian.

Tokarev S. A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the World Peoples]. Moscow, Politizdat, 1986. 575 p. In Russian.

Fuks A. A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Notes of Alexandra Fuks on the Chuvash and Cheremis of Kazan Province]. Kazan', 1840. 329 p. In Russian.

Kharva (Khol'mberg) U. *Verovaniya i mifologiya narodov Severnoi Evrazii* / Otv. red. A.V. Golovnev [Beliefs and mythology of peoples of Northern Eurasia. / Edited by A.V. Golovnev]. Moscow, Castalia, 2022. 354 p. In Russian.

Shkalina G. E. *Traditsionnaya kul'tura naroda mari* [Traditional Culture of the Mari People]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 208 p. In Russian.

Shumilov E. F. *Khristianstvo v Udmurtii. Tsvivilizatsionnye protsessy i khristianskoe iskusstvo. XVI – nachalo XX veka* [Christianity in Udmurtia. Civilization processes and Christian art. XVI – the beginning of the XX century]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2001. 434 p. In Russian.

Ugrinovich D. M. *Iskusstvo i religija* [Art and Religion]. Moscow, Politizdat, 1982. 288 p.

Yarygin A. F. *Sovremennye proyavleniya dokhristianskikh verovanii mariitsev* [Modern manifestations of pre-Christian beliefs of Mari people]. Ioshkar-Ola, 1976. 76 p. In Russian.

Received 15.03.2023

Sadikov Ranus Rafikovich

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies –

Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

(IES UFRC RAS).

6, K. Marksa st., Ufa, 450077, Russia

E-mail: kissapi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4200-2568

Ilikaev Alexander Sergeevich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Ufa University of Science and Technology»

(FSBEI HE UUST)

32, Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia

E-mail: info@minobrnauki.gov.ru

ORCID: 0009-0003-6773-9053

Инновации, технологии

УДК 811.511.12:372.8(045)

В. Б. Бакула, А. В. Коренева, О. В. Саватеева

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ МАГИСТРАТУРЫ ПО ПРОФИЛЮ «ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ СААМСКОГО ЯЗЫКА» (НАПРАВЛЕНИЕ «ФИЛОЛОГИЯ»)¹

Вопрос ревитализации саамского языка – языка коренных жителей Кольского полуострова – стоит сегодня как никогда остро. К причинам угасания саамского языка относятся проблема межпоколенческой передачи, старение носителей языка, его невостребованность в среде саамов и на государственном уровне, отход саамов от традиционных промыслов и традиционного образа жизни, функционирование двух орфографических систем, длительность воздействия на саамский язык русского языка, дисперсность проживания коренного народа, на сегодняшний день еще и отсутствие образовательной среды: с 2004 года саамский язык преподается только как факультатив или кружок 1 раз в неделю. Всё это требует комплексных и продолжительных во времени усилий. В статье рассматривается вариант решения одной из проблем – подготовки научных и преподавательских кадров, могущих взять на себя ответственность за сохранение языка, его передачу. В работе обосновывается актуальность и необходимость открытия магистерской программы по направлению «45.04.01 Филология. Технологии преподавания саамского языка»; рассказывается о ресурсах, имеющихся в Мурманском арктическом государственном университете для реализации такой магистратуры, раскрывается структура программы. Как пример практической направленности образовательного процесса анализируется учебная, ознакомительная практика, общей целью которой является выяснение ситуации с преподаванием саамского языка в с. Ловозеро (месте компактного проживания саамов). Делается вывод о том, что магистратура в будущем способна стать важным источником подготовки научных кадров в области исследования, обучения и передачи языка коренного малочисленного народа с помощью новых технологий.

Ключевые слова: саамский язык, ревитализация языка, технологии передачи языка, проблема преподавательских кадров, коренной малочисленный народ Севера.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-419-428

Саамы, проживающие на территории Кольского полуострова – коренной малочисленный народ Севера, численность их в 2010 г. составляла 1771 человек².

Кольский саамский язык³, как и большинство языков Севера и Сибири России, относят к группе уязвимых языков [Moseley 2010], к малым языкам, перешедшим в группу исчезающих, поскольку процесс межпоколенческой передачи родного языка практически прервался [Кибрик 2020].

Наиболее подробное и основательное социолингвистическое исследование саамского языка на Кольском полуострове было проведено в 2010 г. [Scheller Kola Sami... 2011; Scheller The Sami Language... 2011], в результате чего удалось определить численность говорящих на нем и степень владения саамским языком. Кильдинским диалектом в 2010 году владели около 700 носителей, сегодня эта цифра может составлять менее 100 человек, а число активных носителей, которые пользуются языком на всех уровнях, около 20.

Для состояния саамского языка характерны те же проблемы, что и для других языков коренных народов [Кондрашкина Е. 2021], что говорит в пользу незамедлительной ревитализации языка коренного малочисленного народа Севера, однако для этого необходимы специалисты, которые были бы заинтересованы в процессе его возрождения и снабжены необходимыми для этого методиками.

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №122061400030-3

² https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

³ В западной практике все саамские диалекты называют языками, в российской практике до недавнего времени они назывались диалектами (традиция ведущего саамоведа Г. М. Керта), думается, вопрос о языке или диалекте относительно саамов всё еще является открытым.

О проблеме подготовки преподавателей саамского языка писала еще создатель саамского алфавита, автор саамского букваря, преподаватель саамского языка А. А. Антонова [Антонова 2011]. Подготовка учительских кадров для преподавания саамского языка никогда не велась, его преподаванием занимались носители языка, хорошо владеющие им: А. А. Антонова, Е. Н. Коркина, Э. К. Добрынина, А. И. Яковлева, Н. А. Золотухина и др. Научные исследования саамского языка проводили не носители языка, а в лучшем случае люди, изучившие язык в той или иной степени: З. Е. Черняков, Г. М. Керт, С. Н. Терешкин, П. М. Зайков.

О положении саамского языка за последние 40 лет написано немало статей, в которых рассматривается та или иная проблема его жизнеспособности. В основном говорится о преподавании языка [Иванищева, Бутылева 2010; Иванищева 2011; Иванищева 2015], о существовании разных графических систем [Кучинский 2013; Бакула 2020; Агранат 2021], о качестве учебно-методического материала [Бакула 2022]. В последнее время идет активное исследование мотивированности носителей (активных и потенциальных) к изучению саамского языка [Бакула, Коренева, Рычкова 2022; Кондрашкина О. 2021], предлагаются выходы из создавшегося положения [Рычкова 2022].

В сентябре 2021 года в Мурманском арктическом государственном университете была проведена Международная научно-практическая конференция «Сохранение саамского языка в современных условиях» и в ее рамках – международный семинар «Опыт преподавания саамского языка в России и Скандинавских странах»; в ходе мероприятий участники рассмотрели перспективы развития саамского языка и предложили ввести его незамедлительное преподавание в детском саду, как обязательного предмета в общеобразовательной средней школе, подготовить кадры высшей квалификации на базе МАГУ.

В современных условиях подготовка учителей саамского языка уровня бакалавриата невозможна из-а отсутствия учебно-методической базы и преподавательского состава соответствующего уровня, поэтому решено было на базе МАГУ открыть магистратуру «Технологии преподавания саамского языка» по направлению подготовки 45.04.01 Филология.

Несомненно, МАГУ обладает необходимыми ресурсами для реализации такой магистратуры. Во-первых, еще в 2009 и 2010 годах в университете началась подготовка магистров филологического образования по направлению «Языковое образование», «Теория и практика межкультурной коммуникации в полиэтнической и поликультурной среде», «Обучение русскому языку в полиэтнической и поликультурной среде». Во-вторых, с 2008 года в течение нескольких лет при кафедре культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики тогда еще Мурманского государственного гуманитарного университета⁴ функционировала Лаборатория саамского языка, которая проводила научные исследования лексики саамского языка, результатом чего явились лексикографические труды [Словарь... 2013; Словарь... 2015; Иванищева Зоонимикон... 2015], ряд научных статей, монографии, учебное пособие. В-третьих, второй год при кафедре филологии и медиакоммуникаций действует магистратура по направлению 44.04.01 Педагогическое образование направленность (профиль) «Образование в области родного языка и литературы», однако саамскому языку в ней не уделяется внимания. Ревитализация языка требует применения специальных технологий и методик, имеющихся в мировой практике [Hinton 2001; King 2001; Pasanen 2010].

Магистратура по профилю «Технологии обучения саамскому языку» начала действовать с 2022/2023 учебного года.

Цель магистратуры – подготовить квалифицированные кадры в области исследования языка, перевода, технологий передачи.

Область профессиональной деятельности выпускников магистратуры включает решение комплексных задач, связанных с использованием филологических знаний и умений в учреждениях образования, культуры, управления.

Объектами профессиональной деятельности выпускника являются обучение, воспитание, развитие, просвещение, образовательные системы, культура, СМИ; саамский язык в теоретическом и практическом, синхроническом, диахроническом, социокультурном и диалектологическом аспектах; технологии и методики преподавания саамского языка.

К видам профессиональной деятельности выпускника относятся научно-исследовательская (основной вид деятельности); педагогическая; проектная и методическая.

⁴ Сегодня это Мурманский арктический государственный университет (МАГУ).

На магистратуру выделили четыре бюджетных места. В приоритете было знание саамского языка. В результате поступили 4 человека на бюджет и один на платной основе.

По образованию один магистрант учитель начальных классов, остальные имеют педагогическое образование по МХК, физкультуре, ОБЖ, английскому языку. Все поступившие имеют разный уровень владения языком и разный опыт работы с ним: один преподает саамский язык в колледже, второй использует язык в своей работе в Национальном культурном центре, третий занимается переводческой деятельностью, еще один занимается языковыми технологиями, наконец, пятый магистрант имеет опыт работы с колтта саамским языком (нотозерский диалект), что немаловажно, так как этот диалект находится на грани исчезновения [Кибрик 2020, 22] (сегодня осталось только два носителя, оба пожилого возраста).

Таким образом, специального педагогического образования по родному языку у магистрантов нет, с методикой его преподавания они в лучшем случае немного знакомы.

Интервью с ними показало степень мотивации будущих специалистов в области технологий передачи саамского языка.

Все пятеро чувствуют в себе решимость и уверенность в том, что преодолеют психологический и языковой барьер при освоении устной саамской речи. В то же время перспективную ревитализацию саамского языка считают только трое магистрантов, один ответил «отчасти» и один затруднился ответить.

В успешность процесса ревитализации саамского языка верят двое, один – отчасти и двое не смогли ответить. Концепцию возрождения саамского языка (поэтапно и подробно) смогли предложить только трое магистрантов из пяти.

Мотивируют студентов к ревитализации языка «желание передать знание языка своим детям и будущим поколениям» (Магистрант 1), «желание сохранить идентичность своего народа» (Магистрант 2), «потеря носителей языка, отсутствие практического применения (например, негде говорить на саамском в городе), незаинтересованность саамов» (Магистрант 3).

Таким образом, несмотря на некоторые сомнения в успешности ревитализации, отсутствие концепции возрождения родного языка, магистранты настроены вполне решительно на освоение технологий обучения языку, однако языковое возрождение возможно лишь на основе трех необходимых условий: ключевого участия местных активистов, административно-финансовой поддержки и научной обоснованности методологии [Кибрик 2020, с. 24].

Программа магистратуры выстроена таким образом, чтобы подготовить как исследователей саамского языка, так и специалистов в области его преподавания, передачи. Для этого введены, во-первых, дисциплины теоретического цикла: «Методология научно-исследовательской деятельности в области филологического образования», «Филологические основы преподавания родного языка», «Саамская этнолингвистика», «Введение в финно-угорское языкознание», «Филологические исследования саамского языка – перспективы и история»; во-вторых, дисциплины социолингвистической направленности: «Введение в социолингвистику», «Положение языков мира и саамского языка, знакомство с мировым опытом и программами ревитализации языков под угрозой исчезновения», «Языковой сдвиг: мировой опыт, программы ревитализации языков»; в-третьих, дисциплины методической направленности: «Современные методы и технологии обучения (передачи) саамскому языку», «Обучение саамскому языку (начальный этап, школа)», «Языковые технологии», «Грамматика и орфография саамского языка», «Практика устной и письменной саамской речи», «Дидактические свойства сети Интернет и методика ее использования в обучении саамскому языку»; «Методика разработки учебников по саамскому языку».

Важным направлением, с точки зрения составителей программы, является переводческая направленность некоторых дисциплин, в рамках изучения которых магистранты смогут овладеть методикой подготовки и редактирования саамских текстов: «Основы подготовки и редактирования саамских текстов», «Язык и межкультурная коммуникация».

Обязательным разделом ООП магистратуры «Технологии преподавания саамского языка» является практика – их пять, что соответствует образовательному стандарту магистратуры по направлению «Филология».

На 1 курсе предусмотрены «Учебная практика, ознакомительная практика» в первом семестре (в течение 2 недель) и «Учебная практика, научно-исследовательская работа» во втором (в течение 2 недель).

«Производственная практика, педагогическая практика» (4 недели) проходит на 2 курсе в третьем семестре, «Производственная практика, переводческая практика» (4 недели) проходит на 2 курсе в четвертом семестре.

Согласно учебному плану, «Производственная практика, научно-исследовательская работа» проводится на 1 и 2 курсах во 2 и 4 семестрах (10 недель, из них 4 недели в 4 семестре отводится на преддипломную подготовку).

Практики организуются как на вузовской кафедре, которая рассматривается как экспериментальная площадка для проведения исследований в области саамского языка, так и на базах практик, с которыми заключены договоры – это детсады, школа, колледж, учреждения культуры, в которых организовано обучение саамскому языку.

По итогам практик (отчет магистранта, характеристика на практиканта, предоставление документации в определенный срок) руководителем практики выставляется дифференцированная оценка. Практики предполагают самостоятельную научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу магистранта под руководством научного руководителя.

Поскольку основными технологиями при передаче саамского языка являются технологии «мастер-ученик» и «языковое гнездо (языковое погружение)», то на практики, направленные на усвоение этих технологий, отводится максимальное количество времени. Так, отработка технологии «мастер-ученик» проводится в течение всего времени обучения в магистратуре еженедельно по 3 часа и представляет собой отработку полученных теоретических знаний по дисциплине «Современные методы и технологии обучения (передачи) саамскому языку».

Общей целью учебной ознакомительной практики является выяснение ситуации с преподаванием саамского языка в с. Ловозеро (месте компактного проживания саамов).

В ходе учебной ознакомительной практики или после нее магистрант обязан выступить с научным докладом, содержащим материалы его самостоятельной работы по теме диссертации. Примерные задания для магистрантов на учебной ознакомительной практике и виды отчетности (1 семестр, 2 недели):

Рабочий график (план):

№ п/п	Этапы (периоды) практики	Вид работ	Срок реализации
1	Организационный этап	1. Установочная конференция.	28 ноября 2022 г.
		2. Инструктаж по технике безопасности.	28 ноября 2022 г.
		3. Разработка индивидуальных заданий.	28 ноября 2022 г.
2	Основной этап	1. Знакомство с деятельностью базы практики (МБОУ Ловозерская СОШ): анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих образовательную деятельность образовательного учреждения; анализ педагогического опыта и научных достижений преподавателей саамского языка.	первая неделя практики
		2. Анализ рабочих программ, учебно-методических материалов и оценочных средств, реализуемых в образовательном учреждении по саамскому языку.	первая неделя практики
		3. Посещение учебных занятий и их анализ.	первая – вторая недели практики
		4. Проектирование учебного занятия по саамскому языку для дошкольников/школьников.	вторая неделя практики
		5. Участие в организации научно-исследовательской, проектной, учебно-профессиональной и иной деятельности базы практики, в том числе в планировании и осуществлении публичных выступлений в рамках научных конференций.	вторая неделя практики
		6. Самооценка собственной деятельности, возможностей личностного развития и профессионального роста, в том числе в рамках магистратуры.	вторая неделя практики

№ п/п	Этапы (периоды) практики	Вид работ	Срок реализации
3	Заключительный этап	1. Составление отчета по практике.	последний день практики
		2. Защита отчета по практике.	последний день практики

В результате прохождения учебной ознакомительной практики студенты познакомились с базами практик, с опытом учителей саамского языка, проанализировали учебно-методические материалы, имеющиеся в наличии для преподавания саамского языка. Результаты этих наблюдений были представлены в статьях на конференциях различного уровня в Сыктывкаре, Мурманске, Санкт-Петербурге.

В ходе учебной ознакомительной практики магистрантами была проведена самооценка собственной деятельности, включавшая анкету для выявления профессиональных затруднений педагогов и анкету по выявлению возможностей профессионального роста, самообразования. Отдельные результаты обработки анкет были представлены выше при характеристике магистрантов.

Созданию для студента ситуации осознанного выбора исследовательского пути, знакомства с новейшими приоритетами в области финно-угорского и саамского языкознания, технологиями преподавания языка, формированию умения ориентироваться в научных направлениях, концепциях, овладению методами научной работы, необходимыми для выполнения магистерской диссертации, способствует «Учебная практика, научно-исследовательская работа», в ходе которой формируется система знаний о теоретических основах научно-исследовательской работы, происходит овладение формами и методами научного поиска, подготовка научных докладов и выступлений на конференциях с использованием мультимедийных средств, создание научных статей, овладение процедурой защиты диссертации.

К особенностям внедрения программы магистратуры относится ее реализация в сетевой форме: к преподаванию ряда дисциплин привлечены специалисты из филиала Федерального института родных языков народов Российской Федерации (г. Якутск), одна из задач которого – обновление содержания и совершенствование методик обучения родным языкам, литературе и культуре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в соответствии с новейшими научно-методическими достижениями и требованиями федеральных государственных образовательных стандартов. Специалисты из Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена имеют большой опыт в преподавании саамского языка, которое началось еще во время работы в институте Г. М. Керта, основателя российского саамоведения. Специалисты Сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра (КарНЦ) РАН известны своими исследованиями исторического развития и современного состояния прибалтийско-финских (карельский, вепсский, финский) и саамского языков, о чем в своих лекциях они делятся с магистрантами. Организовано сотрудничество с Карельской региональной общественной организацией «Дом карельского языка» по технологии передачи языка «Языковое гнездо». Все магистранты в разное время стали участниками информационно-практического онлайн семинара, организованного «Домом Карельского Языка» и Научным центром по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания Российской академии наук в 2022 году.

Для выработки оптимальных методик обучения в рамках магистратуры используются как традиционные, так и новаторские формы и методы: активные и интерактивные [Горшкова 2017].

Одними из основных магистерских активных форм обучения профессиональным компетенциям в освоении технологий передачи саамского языка являются лекции и групповые дискуссии, а также семинары в диалоговом режиме, к которым преподаватели и студенты готовят презентации. Встречи студентов и преподавателей проходят в форматах вебинаров и Skype-конференций. По курсу «Обучение саамскому языку (начальный этап, школа)», непосредственно связанному с педагогической практикой, предусмотрены такие интерактивные формы обучения, как создание проектов, ролевые игры. Освоение курсов по современным технологиям передачи саамского языка предусматривает тренинги (технология «мастер-ученик») и ролевые игры (технология «языковое гнездо», или погружение в язык).

Целью государственной итоговой аттестации (далее – ГИА) является определение уровня подготовки выпускника к выполнению профессиональных задач, его готовности к основным видам профессиональной деятельности и включает проверку овладения компетенциями в соответствии с требованиями ФГОС по данному направлению подготовки. ГИА завершает освоение образовательных программ и является обязательной. Она проводится в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися основных образовательных программ требованиям ФГОС ВО. Государственная итоговая аттестация магистрантов проводится в форме контактной работы (процедура защиты выпускной квалификационной работы) и в форме самостоятельной работы обучающихся (подготовка к процедуре защиты выпускной квалификационной работы) в сроки, определяемые графиком учебного процесса по образовательным программам высшего образования.

За каждым обучающимся закрепляется выбранная им тема ВКР и назначается руководитель (при необходимости и консультант). Требования к содержанию, объему, структуре выпускной квалификационной работы приводятся в программе ГИА.

Совершенно очевидно, что магистратура в будущем способна стать важным источником подготовки научных кадров в области исследования, обучения и передачи языка коренного малочисленного народа с помощью новых технологий. Это первый серьезный шаг в ревитализации саамского языка, который должен привести к положительным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

Агранат Т. Б. Правила орфографии для младописьменного языка: случай кильдинского саамского // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, № 1. С. 30-42.

Антонова А. А. Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы Международной научной конференции, 10-11 марта 2011 г. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 48-55.

Бакула В. Б. Несколько письменных традиций кильдин-саамского языка как основная проблема его сохранения и преподавания // Педагогический ИМИДЖ. 2020. Т. 14. № 2 (47). С. 146–160.

Бакула В. Б. Проблемы методического обеспечения преподавания саамского языка // Обучение языкам в полиэтнической среде региона: сборник научных статей по итогам Всероссийского с международным участием научно-практического семинара «Обучение языкам в полиэтнической среде региона» (Мурманск, 8 апреля 2022 года): сборник статей / кол. авторов; под ред. А. В. Кореневой. Москва: РУСАЙНС, 2022. С. 20-25.

Бакула В. Б., Коренева А. В., Рычкова Т. А. Отношение российских саами к изучению родного языка // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 8. С. 109-114.

Горшкова О. В. Активные методы обучения: формы и цели применения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S3. 0,4 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470039.htm> (дата обращения: 07.04.2023).

Иванищева О. Н. Проблемы сохранения языка коренного малочисленного народа Кольского Севера и перспективы двуязычного образования // Материалы Международной научной конференции «Двуязычное образование: теория и практика» (26–28 апреля 2011 г., Хельсинки, Финляндия) / под ред. М. В. Копотева, Е. Ю. Протасовой. Хельсинки: Хельсинский университет; СПб.: Златоуст, 2011. С. 108–109.

Иванищева О. Н. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка: учебный культурологический словарь / О. Н. Иванищева, Ю. С. Митина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурман. гос. гуманитар. ун-т. Мурманск: МАГУ, 2015. 108 с.

Иванищева О. Н. Сохранять или не сохранять? Проблемы преподавания языка малого этноса (на материале саамского языка) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, №4(48), 2015. URL: <http://nkras.ru/publ/index.php/publ/journals> (дата обращения: 21.02.2012).

Иванищева О. Н., Бутылева А. М. Обучение саамскому языку в условиях дисперсного проживания коренного населения Мурманской области (К обоснованию актуальности внедрения системы дистанционного обучения) // Реальность этноса. Образование как фактор устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К 80-летию Института народов Севера: Сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20–21 мая 2010 г.) / Под науч. ред. И. Л. Набока: В 2-х ч. Ч.1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С.421–423.

Каторова А. М. Проблемы преподавания родных языков и литератур в местах компактного проживания финно-угорских народов Российской Федерации // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 62-65.

Кибрик А. А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2020. № 1. С. 17–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-yazykovogo-raznoobraziya-rossii-kontury-programmy> (дата обращения: 12.02.2023).

Кондрашкина Е. А. Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. №2. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/6110> (дата обращения: 05.03.2023).

Кондрашкина О. В. Возможная утрата саамского языка. Целесообразность его поддержки // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы VIII научно-практической конференции с международным участием Северо-Западного института (филиала) АНО ВО МГЭУ 8 февраля 2021 г. Мурманск. Москва: МГЭУ, 2021. С. 122-128.

Кучинский М. Г. Письменность восточных саами. Социальная история саамского алфавита в России. 2013. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/KuchinskiyMG/KuchinskiyMG_Ustoychivoe-social-razvitie_2013_s305-310/index.html (дата обращения: 20.02.2023).

Рычкова Т. А. Медиа как языковая среда для носителей саамского языка // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 286-391.

Словарь лексики духовной культуры кольских саами / М-во образования и науки Российской Федерации, Мурманский гос. гуманитарный ун-т ; [авт.-сост.: О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула]. Мурманск: МГТУ, 2013. 222 с.

Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов: (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурман. гос. гуманитар. ун-т. Мурманск: МГТУ, 2014. 249 с.

Hinton L. Language Revitalization: An Overview. The green book of language revitalization in practice. Ed. by Leanne Hinton, Ken Hale. New York: Academic Press, 2001. Pp. 1–18.

King J. Te kōhangab reo: Māori language revitalization. The green book of language revitalization in practice. Ed. by Leanne Hinton and Ken Hale, 123. New York: Academic Press, 2001. Pp. 119–131.

Moseley Ch. (ed.) Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing, 2010. Available at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения: 12.02.2023).

Pasanen A. Revitalization of Inari Saami: reversal language shift in changing speech community [PPT document]. 2010. Retrieved from SlideShower Web site: <http://slideshowes.com/doc/351323/revitalization-of-inari-saami-reversal-language-shift-in/> (дата обращения: 12.02.2023).

Scheller E. Kola Sami language revitalisation – opportunities and challenges // Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Uralica Helsingiensia 5. Helsinki, 2011. Pp. 392-394.

Scheller E. The Sami Language Situation in Russia // Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Uralica Helsingiensia, 2011, no.5, pp. 79–96.

Поступила в редакцию 18.04.2023

Бакула Виктория Борисовна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики
Мурманского арктического университета
183038, Россия, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15
E-mail: museum-vs@yandex.ru

Коренева Анастасия Вячеславовна

доктор педагогических наук, доцент
профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики
Мурманского арктического университета
183038, Россия, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15
E-mail: korenevaanast@mail.ru

Саватеева Оксана Викторовна

кандидат философских наук, доцент
заведующий кафедрой филологии, межкультурной коммуникации и журналистики
Мурманского арктического университета
183038 Россия, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15
E-mail: savateeva.oksana@masu.edu.ru

V. B. Bakula, A. V. Koreneva, O. V. Savateeva

**ORGANIZATION OF THE WORK OF THE MASTER'S DEGREE IN THE PROFILE
«TECHNOLOGIES OF TEACHING THE SAMI LANGUAGE» (DIRECTION «PHILOLOGY») ⁵**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-408-418

The issue of revitalization of the Sami language – the language of the indigenous inhabitants of the Kola Peninsula – is more acute today than ever. The reasons for the extinction of the Sami language include the problem of intergenerational transmission, the aging of native speakers, its lack of demand among the Sami and at the state level, the departure of the Sami from traditional crafts and traditional lifestyle, the functioning of two spelling systems, the long-term exposure of the Russian language to the Sami language, the dispersion of the indigenous people's residence, and, today, the lack of an educational environment: since 2004, the Sami language has been taught only as an elective or a circle once a week. All this requires complex and time-consuming efforts. The article considers a solution to one of the problems – the training of scientific and teaching staff who can take responsibility for the preservation of the language, its transmission. The paper substantiates the relevance and necessity of opening a master's program in the direction of «45.04.01 Philology. Technologies of teaching the Sami language»; describes the resources available at Murmansk Arctic State University for the implementation of such a master's degree, reveals the structure of the program. As an example of the practical orientation of the educational process, an educational, introductory practice is analyzed, the general purpose of which is to clarify the situation with the teaching of the Sami language in the village of Lovozero (a place of compact residence of the Sami). It is concluded that the magistracy in the future can become an important source of training of scientific personnel in the field of research, teaching and transmission of the language of the indigenous small-numbered people with the help of new technologies.

Keywords: Sami language, language revitalization, language transmission technologies, problem of teaching staff, indigenous small-numbered people of the North.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 419–428. In Russian.

REFERENCES

Agranat T. B. *Pravila orfografii dlya mladopis'mennogo yazyka: sluchai kil'dinskogo saamskogo* [Spelling rules for the Young Written language: the case of Kilda Sami] // *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal* [Native language. Linguistic Journal]. 2021, № 1. Pp. 30–42. In Russian.

Antonova A. A. *Saamskaya identichnost': problemy sokhraneniya yazyka i kul'tury na Severe* [Sami identity: problems of language and culture preservation in the North] // *Saamskaya identichnost': problemy sokhraneniya yazyka i kul'tury na Severe: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Sami Identity: Problems of language and culture preservation in the North: Materials of the International Scientific Conference], 10–11 marta 2011 g. Murmansk: MGGU, 2012. Pp. 48–55. In Russian.

Bakula V. B. *Neskol'ko pis'mennykh traditsii kil'din-saamskogo yazyka kak osnovnaya problema ego sokhraneniya i prepodavaniya* [Several written traditions of the Kildin-Sami language as the main problem of its preservation and teaching] // *Pedagogicheskii IMIDZh* [Pedagogical IMAGE.]. 2020. T. 14. № 2 (47). Pp. 146–160. In Russian.

Bakula V. B. *Problemy metodicheskogo obespecheniya prepodavaniya saamskogo yazyka* [Problems of methodological support of teaching the Sami language] // *Obuchenie yazykam v polietnicheskoi srede regiona: sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossiiskogo s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskogo seminara «Obuchenie yazykam v polietnicheskoi srede regiona»* [Language teaching in the multiethnic environment of the region: a collection of scientific articles on the results of the All-Russian scientific and practical seminar with international participation "Language teaching in the multiethnic environment of the region"] (Murmansk, 8 aprelya 2022 goda): sbornik statei / kol. avtorov; pod red. A. V. Korenevoi. Moskva: RUSAINS, 2022. Pp. 20–25. In Russian.

Bakula V. B., Koreneva A. V., Rychkova T. A. *Otnoshenie rossiiskikh saami k izucheniyu rodnogo yazyka* [The attitude of Russian Sami to the study of their native language] // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high-tech technologies]. 2022. № 8. Pp. 109–114. In Russian.

Gorshkova O. V. *Aktivnye metody obucheniya: formy i tseli primeneniya* [Active teaching methods: forms and purposes of application] // *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal "Concept"]. 2017. № S3. 0,4 p. 1. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470039.htm> (accessed: 07.04.2023). In Russian.

⁵ The reported study was conducted within the independent research and development project No122061400030-3

Ivanishcheva O. N. *Problemy sokhraneniya yazyka korennoho malochislennogo naroda Kol'skogo Severa i perspektivy dvuyazychnogo obrazovaniya* [The problems of preserving the language of the indigenous small-numbered people of the Kola North and the prospects of bilingual education] // *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dvuyazychnoe obrazovanie: teoriya i praktika»* [Materials of the International Scientific Conference "Bilingual Education: theory and practice"] (26–28 aprelya 2011 g., Khel'sinki, Finlyandiya) / pod red. M. V. Kopoteva, E. Yu. Protasovoi. Khel'sinki: Khel'sinskii universitet; SPb.: Zlatoust, 2011. Pp. 108–109. In Russian.

Ivanishcheva O. N. *Zoonimikon kil'dinskogo dialekta saamskogo yazyka: uchebnyi kul'turologicheskii slovar'* [Zoonymicon of the Kilda dialect of the Sami language: educational cultural dictionary] / O. N. Ivanishcheva, Yu.S. Mitina; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Murm. gos. gumanitar. un-t. Murmansk: MAGU, 2015. 108 p. In Russian.

Ivanishcheva O. N. *Sokhranyat' ili ne sokhranyat'? Problemy prepodavaniya yazyka malogo etnosa (na materiale saamskogo yazyka)* [To save or not to save? Problems of teaching the language of a small ethnic group (based on the material of the Sami language)] // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)], *Modern Research of Social Problems*, №4(48), 2015. URL: <http://nkras.ru/publ/index.php/publ> (accessed: 13.03.2020). In Russian.

Ivanishcheva O. N., Butyleva A. M. *Obuchenie saamskomu yazyku v usloviyakh dispersnogo prozhivaniya korennoho naseleniya Murmanskoi oblasti (K obosnovaniyu aktual'nosti vnedreniya sistemy distantsionnogo obucheniya)* [Teaching the Sami language in conditions of dispersed residence of the indigenous population of the Murmansk region (To substantiate the relevance of the introduction of a distance learning system)] // *Real'nost' etnosa. Obrazovanie kak faktor ustoichivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. K 80-letiyu Instituta narodov Severa: Sbornik statei po materialam XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The reality of the ethnos. Education as a factor of sustainable development of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. To the 80th anniversary of the Institute of the Peoples of the North: A collection of articles based on the materials of the XII International Scientific and Practical Conference] (Sankt-Peterburg, 20–21 maya 2010 g.) / Pod nauch. red. I. L. Naboka: V 2-kh ch. Ch.1. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2010. Pp. 421–423. In Russian.

Katorova A. M. *Problemy prepodavaniya rodnnykh yazykov i literatur v mestakh kompaktnogo prozhivaniya finno-ugorskikh narodov Rossiiskoi Federatsii* [Problems of teaching native languages and literatures in places of compact residence of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation] // *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world]. 2015. № 1. Pp. 62–65. In Russian.

Kibrik A. A. *Cokhraneniye yazykovogo raznoobraziya Rossii: kontury programmy* [Electronic resource] // *Sotsiolingvistika*. 2020. № 1. Pp. 17–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokhraneniye-yazykovogo-raznoobraziya-rossii-kontury-programmy> (accessed: 12.02.2023). In Russian.

Kondrashkina E. A. *Budushchee yazykov finno-ugorskikh narodov Rossiiskoi Federatsii* [The future of the languages of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. №2. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/6110> (accessed: 05.03.2023). In Russian.

Kondrashkina O. V. *Vozmozhnaya utrata saamskogo yazyka. Tselesoobraznost' ego podderzhki* [Possible loss of the Sami language. The expediency of its support] // *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki i obrazovaniya: materialy VIII nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem Severo-Zapadnogo instituta (filiala) ANO VO MGEU* [Topical issues of modern science and education: materials of the VIII scientific and practical conference with international participation of the Northwestern Institute (branch) ANO HE MHEU] 8 fevralya 2021 g. Murmansk. Moskva: MGEU, 2021. Pp. 122–128. In Russian.

Kuchinskii M. G. *Pis'mennost' vostochnnykh saami. Sotsial'naya istoriya saamskogo alfavita v Rossii* [The writing of the Eastern Sami. Social History of the Sami alphabet in Russia] URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/KuchinskiyMG/KuchinskiyMG_Ustoychivo-social-razvitiye_2013_s305-310/index.html (accessed: 20.02.2023). In Russian.

Rychkova T. A. *Media kak yazykovaya sreda dlya nositelei saamskogo yazyka* [Media as a language environment for native speakers of the Sami language] // *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. 2022. № 3 (60). Pp. 286–391. In Russian.

Slovar' leksiki dukhovnoi kul'tury kol'skikh saami [Dictionary of the vocabulary of the spiritual culture of the Kola Sami] / M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Murmanskii gos. gumanitarnyi un-t; [avt.-sost.: O. N. Ivanishcheva, V. B. Bakula]. Murmansk: MGGU, 2013. 222 p. In Russian.

Slovar' leksiki traditsionnykh promyslov i khozyaistvennykh zanyatii kol'skikh saamov: (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogo yazyka) [Dictionary of the vocabulary of traditional crafts and economic activities of the Kola Sami: (based on the material of the Kilda dialect of the Sami language)] / O. N. Ivanishcheva,

A.M. Ershtadt; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Murm. gos. gumanitar. un-t. Murmansk: MGGU, 2014. 249 p. In Russian.

Hinton L. Language Revitalization: An Overview. The green book of language revitalization in practice. Ed. by Leanne Hinton, Ken Hale. New York: Academic Press, 2001. Pp. 1–18. In English.

King J. Te kōhangab reo: Māori language revitalization. The green book of language revitalization in practice. Ed. by Leanne Hinton and Ken Hale, 123. New York: Academic Press, 2001. Pp. 119–131. In English.

Moseley Ch. (ed.) Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing, 2010. Available at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed: 12.02.2023). In English.

Pasanen A. Revitalization of Inari Saami: reversal language shift in changing speech community [PPT document]. 2010. Retrieved from SlideShoves Web site: <http://slideshowes.com/doc/351323/revitalization-of-inari-saami-reversal-language-shift-in/> (accessed: 12.02.2023). In English.

Scheller E. Kola Sami language revitalisation – opportunities and challenges // Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Uralica Helsingiensia 5. Helsinki, 2011. Pp.392-394. In English.

Scheller E. The Sami Language Situation in Russia. Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Uralica Helsingiensia, 2011, no.5, pp. 79–96. In English.

Received 18.04.2023

Bakula Viktoria Borisovna

Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of Philology, Intercultural Communication and Journalism
of Murmansk Arctic University
15, Kapitana Egorova st., Murmansk, 183038, Russia
E-mail: museum-vs@yandex.ru

Koreneva Anastasia Vyacheslavovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Philology, Intercultural Communication and Journalism
of Murmansk Arctic University
15, Kapitana Egorova st., Murmansk, 183038, Russia
E-mail: korenevaanast@mail.ru

Savateeva Oksana Viktorovna

Candidate of Science (Philology)
Associate Professor
Director of the Institute of Linguistics of Murmansk Arctic State University
15, Kapitana Egorova st., Murmansk, 183038
E-mail: savateeva.oksana@masu.edu.ru

Рецензии

УДК 94(1.477=511.113)(049.32)

Е. Л. Назарова

**КНИГА ОБ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ДИАСПОРЫ НА УКРАИНЕ:
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. А. ТАМБИ
«ЭСТОНЦЫ НА УКРАИНСКОЙ ЗЕМЛЕ»**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-429-432

Рецензируемая книга является продолжением изучения истории эстонцев на бывших национальных окраинах Российской империи петербургским исследователем С. А. Тамби. Ранее уже вышли в свет его работы по истории эстонцев на казахской земле [Тамби 2021, 271-308] и в Беларуси [Тамби 2021]. Тема эстонцев в разных регионах Украины уже рассматривалась С. А. Тамби в ряде статей [Тамби 2019. № 24-25,4; Тамби 2019. № 15, 10; Тамби 2019. № 20.Ч.1, 390-398]. В книге «Эстонцы на украинской земле», вышедшей в свет в С.-Петербурге (издательство «Питер») в 2022 г., автор рассказывает о том, когда и по каким причинам эстонцы оказались в крупнейших городах Украины, чем занимались, как сохраняли свои национальные корни и поддерживали связь с этнической родиной с XIX в. (в некоторых случаях даже с XVIII в.) и до наших дней. Исследователь провел скрупулёзную работу по выявлению сведений об эстонцах на Украине в архивах, периодической печати, краеведческой, художественной литературе, воспоминаниях очевидцев.

Географические рамки исследования соответствуют государственным границам Украинской Республики на момент обретения независимости в 1991 г. В сфере интересов автора – история эстонцев с XIX и вплоть до первой четверти XXI в. в Киевской, Полтавской, Одесской, Харьковской, Николаевской и Львовской областях. Каждой области отведена отдельная глава, в которой рассказывается об эстонских общественных объединениях, известных эстонцах, родившихся там или по разным причинам оказавшихся в украинских городах, учившихся или работавших, воевавших и освобождавших Украину и связавших с ней значительную часть своей жизни.

Правда, сложно согласиться с определением всех этих областей как «украинская земля». Понятие «земля» предполагает, что на данной территории складывалась современная украинская нация. К упоминаемым в книге районам образования украинской нации относятся Киевская, Полтавская, Львовская области. Вместе с тем вряд ли можно применить определение «украинская земля» к районам Новороссии – исторически многоэтничным. Отметим, например, что численный рост украинцев в Одессе и области по сравнению с жившими здесь издревле другими народами происходил в период советской власти и особенно после 1991 г. Так что более правомерным для книги С. А. Тамби было бы название «Эстонцы на Украине».

Тем не менее книга представляет большой интерес полнотой исследования. Автор показал, что украинские эстонцы пережили в своей истории те же судьбоносные события, что и все жители Российской империи, затем СССР: Первую мировую войну, революцию, Гражданскую войну и иностранную интервенцию, Великую Отечественную войну, репрессии. При этом численность эстонской диаспоры на Украине в течение XX в. постоянно увеличивалась. По приводимым автором данным общероссийской переписи 1897 г. на территории губерний в границах Украины на 1991 г. (нобез Закарпатья, Галичины и Буковины) проживало 2227 эстонцев, по переписи 1939 г. в Украинской ССР было 2882 эстонцев, переписи 1970 г. – 4571, 1989 г. – 4202 эстонцев. При этом, в последнем случае уже менее 31% живших тогда в республике эстонцев назвали эстонский язык родным (с. 16–17).

Такие данные отражают ситуацию в СССР, когда перемещение граждан по стране было связано с отъездом на учебу, распределением на работу, потребностью в рабочих руках на крупных стройках и т. п. При этом происходившая ассимиляция имела как естественный характер, так и соответствовала национальной политике СССР с 1960-х гг. по созданию единой советской нации при строительстве коммунистического общества. Показательно в этой связи, что упоминаемые в книге эстонские национальные объединения существовали в начале XX в. (Киевское эстонское общество взаимопомощи –

с 1911 г., Комиссия по оптации эстонского гражданства в 1921–1923 гг.) и затем были восстановлены только в период перестройки (создание в 1988 г. Эстонского землячества в Киеве с отделениями в других городах).

Обращает на себя внимание тот факт, что численность эстонцев на Украине за 10 лет (к 2001 г.) после провозглашения независимости сократилось почти в полтора раза (с.17). Причину такого явления надо, видимо, искать как в продолжении естественной ассимиляции, так и в возвращении эстонцев на этническую родину или в отъезде в другие страны. Последнее может быть связано в том числе и с политикой украинизации в стране в сфере языка, поскольку, по упомянутой выше переписи 1989 г., более 65% эстонцев были русскоязычными и только около 3% считали родным языком украинский (с. 17).

Показательно и распределение эстонского населения по территории Украины: больше всего их с самого начала процесса миграции и до настоящего времени селилось в Киеве, в восточной и южной частях страны, что было связано с наличием свободных земель, расположением крупных учебных заведений и научных центров, а также с востребованностью рабочей силы на промышленных предприятиях и общесоюзных стройках при советской власти. Такое соотношение сохранялось еще в начале XXI в.: по переписи 2001 г. в восточных (промышленных) областях страны, в Киеве и в Крыму жило около 95% всех украинских эстонцев (с.17). Именно в этих районах, а также во Львовской области работают эстонские общества, поддерживается национальная культурная жизнь и связь с этнической родиной. Во Львовском университете преподается курс эстонского языка (с. 332). Только в Полтаве и Николаеве, хотя эстонцы жили там еще с досоветских времен, сейчас их весьма мало и национальная жизнь отсутствует.

С. А. Тамби сумел показать в книге, что несмотря на сравнительно небольшое количество эстонцев на Украине они уже в начале XX в. сохраняли национальное самосознание, родной язык и народную культуру, создавая различные общества взаимопомощи и культуры, союзы, землячества, комитеты, поддерживали связь с этнической родиной.

К сожалению, в книге нет конкретных сведений об объединениях эстонцев Донбасса, а также нет данных об особенностях уклада жизни и культуры эстонцев в сельской местности, хотя по переписи 1891 г. более 60% эстонцев на Украине были именно сельскими жителями (с. 16). Автор лишь упоминает, что в 1781 г. 904 эстонца с о. Даго (Хийумаа), были отправлены в Херсонскую губернию, но 15 лет спустя их по разным причинам там осталось менее 150 человек (с. 15).

В книге рассказывается также об эстонцах, которые в разные периоды своей жизни были связаны с Украиной: об общественных и политических деятелях, участниках революции, военачальниках, ученых, педагогах, деятелях культуры. Интересный факт: в начале 1950-х гг. на территории Украины проходил службу в Советской армии крупный советский и эстонский политический, партийный и государственный деятель, президент Эстонской Республики (2001-2005) Арнольд Рюйтель (с. 334).

С Украиной были связаны учившиеся и работавшие здесь крупные эстонские лингвисты Йоханнес Аавик (с. 158) и Александр Томсон (с. 117–118), химик Виктор Рикман (с. 142), музыкант и педагог Калио Мюльберг (с. 158) и др.

С. А. Тамби упоминает в книге и известных личностей в общероссийской и советской истории: родившихся на территории современной Эстонии прибалтийских немцев декабриста А. Е. Розен (с. 106–111), художника К. К. фон Герштейна, моряка Ф. Ф. фон Гебауэра, ротмистра А. Н. фон Диммера (с. 109–110), а также евреев искусствоведа Б. Бернштейна, пианистки и концертмейстера Ф. А. Бернштейн и др. Безусловно, эти люди по событиям их жизни связаны с историей и Эстонии, и Украины, и в целом Российской империи / СССР. Но все же к теме книги об **эстонцах** они не относятся. К тому же нет данных, что, не будучи этническими эстонцами, они себя таковыми считали.

Вместе с тем правомерно включение в книгу разнообразной информации о культурных контактах между эстонцами и украинцами «по происхождению или убеждению» (как сказано в упомянутом С. А. Тамби «Уставе студенческой Громады» в Дерптском университете. – с. 13) начиная с последней четверти XIX в. Речь идет о переводах произведений эстонской литературы (Л. Койдулы, Ф. Крейцвальда) на украинский язык и произведений украинской литературной классики (И. Франко, М. Коцюбинского, др., позже так же Т. Шевченко) на эстонский язык (с. 15, 16, 146). Кроме того, уже на рубеже XIX – XX вв. эстонские издания рассказывали своим читателям о быте украинцев (с.16). Начавшееся в Российской империи культурное знакомство между двумя народами продолжается в XXI в. уже на межгосударственном уровне.

Автор обращает внимание и на такой показательный факт, как «эстонские следы» в топонимике городов Украины – в появлении в разных городах страны улиц Таллиннская, Эстонская, Нарвская, переулков Эстонский и Таллинский, улиц Эдуарда Вильде (Киев), Командарма Корка (Харьков) (с.75, 76, 106, 137, 138). А в Таллине память об Одессе сохраняют и знакомят эстонцев со своим городом члены Одесского землячества в Эстонии.

Таким образом, рассматриваемая книга С. А. Тамби, несмотря на высказанные замечания, дает читателю массу интересных и важных сведений об эстонской диаспоре на Украине, подтверждает ту истину современного мира, что история народа в современном мире не ограничивается только этнической родиной. Диаспора – важная составная часть народа. Показательно, что в настоящее время ведется в первую очередь исследование национальных диаспор не очень многочисленных народов. Это же относится и к изучению эстонцев за пределами этнической родины, например, на Кавказе и в Сибири [Кузьмин 2021, 243-270]. Работы С. А. Тамби занимают заметное место среди исследований эстонской диаспоры.

В книгу «Эстонцы на украинской земле» включено большое количество фотографий: портретов, отдельных событий и т. п., а также важных для жизни эстонской диаспоры документов начала XX в. об образовании «Эстонского общества взаимопомощи», об оптации и возвращении на этническую родину после образования Эстонской Республики. Работа представляет своего рода энциклопедию эстонцев на Украине, а большая библиография дает возможность получить дополнительные сведения по конкретным фактам и личностям и провести их более детальное научное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

Тамби С. А. Эстонцы на казахской земле в конце XIX – начале XXI в. // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX – начало XXI века. М.: Весь Мир, 2021. С. 271-308.

Тамби С. А. Эстонцы в Беларуси. СПб., 2021. 320 с.: илл.

Тамби С. А. Из истории одесских эстонцев // Вечерняя Одесса. 2019. № 24–25. С.4.

Тамби С. А. Эстонцы и Слобожанщина // Время (Харьков). 2019. № 15. С. 10.

Тамби С. А. Киевские эстонцы // Молодой ученый. 2019. № 20. Ч. V. С. 390-398.

Кузьмин Д. Эстонец-колонист на Кавказе и в Сибири: переселение, адаптация, соседи, судьба в конце XIX – начале XXI века // Россия и Балтия. Вып.10: Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX – XXI века. М.: Весь Мир, 2021. С. 243–270.

Поступила в редакцию 09.08.2023

Назарова Евгения Львовна

к. и. н., с. н. с. Центра истории

Северной Европы и Балтии

института Всеобщей истории РАН

119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект 32а

E-mail: ezis08@gmail.com

E. L. Nazarova

**A BOOK ON THE HISTORY OF THE ESTONIAN DIASPORA IN UKRAINE:
REVIEW OF S. A. TAMBI'S BOOK "ESTONIANS ON UKRAINIAN LAND"**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-429-432

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 429–432. In Russian.

REFERENCES

Tambi S. A. *Estontsy na kazakhskoi zemlje v konce XIX – nachale XXI n.* [Estonians on Kazakh Land] // Rossiya i Baltiya. Vyp. 10. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoi rodiny. XIX – nachalo XXI veka [Russia and Baltia. Issue 10: Baltic Nations' Diasporas East of Ethnic Homeland. 19th – Early 21st Century]. М.: Ves' Mir, 2021. Pp. 271–308. In Russian.

Tambi S. A. *Estoncy v Belarusi* [Estonians in Belarus]. SPb., 2021. 320 p.: ill. In Russian.

Tambi S. A. Iz istorii odesskikh estoncev [From the History of Odessa Estonians] // Vechernyaya Odessa [Evening Odessa]. 2019. № 24–25. P. 4. In Russian.

Tambi S. A. Estoney i Slobzhanschina [Estonians in Slobodskaya Ukraine] // Vremya (Khar'kov) [Times (Khar'kov)]. 2019. № 15. P. 10. In Russian.

Tambi S. A. Kiyevskiye estoney [Kiev Estonians] // Molodoi uchenyi [Young Scientist]. 2019. № 20. Part V. Pp. 390-398. In Russian.

Kuzmin D. Estonec-kolonist na Kavkaze i v Sibiri: pereseleniye, adaptaciya, sosedi, sud'ba v konce XIX-nachale XXI veka [Estonian colonist in the Caucasus and Siberia: relocation, adaptation, neighbors, fate in the late XIX – early XXI century] // Rossiya i Baltiya. Vyp. 10. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoi rodiny. XIX – nachalo XXI veka [Russia and Baltia. Issue 10: Baltic Nations' Diasporas East of Ethnic Homeland. 19th – Early 21st Century]. M.: Ves' Mir, 2021. Pp. 243–270. In Russian.

Received 09.08.2023

Nazarova Evgeniya L'vovna

Candidate of Science (History)

Senior Researcher at the Center for the History of Northern Europe and the Baltic States

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

32a, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russia

E-mail: ezis08@gmail.com

А. К. Салмин

«КНИГА – ЭТО МОЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»¹

Статья представляет собой размышления по прочтении монографии А. В. Головнёва «Северность России». Книга оперирует такими понятиями, как географические карты, рождение Руси, Новгород как преемник Рюрикова городища, северность в былинах, северная столица, экспедиции, многогранность. В статье упор делается на взаимодействие Севера с Югом и, соответственно, Юга с Севером, в итоге повествование переходит к идее взаимного обогащения двух самобытных частей света, обмена идентичностями. При этом автор книги считает свой труд не только текстом, но и самопознанием, опытом освоения «северной философии». Философии самодостаточности, молчаливого размышления и чувства.

Ключевые слова: Северность России, Север→Юг, Юг→Север, Север↔Юг, идентичность.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-433-438

«Как бы то ни было: с юга на север или с севера на юг, меридиональное измерение России играло роль политической магистрали с эпохи викингов и на протяжении всей истории, особенно ярко в период расцвета Великого Новгорода, а в имперскую эпоху – Санкт-Петербурга» [Головнёв 2022, 47].

Пересказывать публикации и выступления директора МАЭ РАН, члена-корреспондента РАН Андрея Владимировича Головнёва, порой, непросто. Лучше всего процитировать:

«Россия – самая северная страна планеты по расположению, природе и культуре. Будучи естественным Севером России, Север никогда не выступал ее основным измерением, отодвигаясь на окраинный план и оставаясь в тени ориентаций на европейский Запад, ордынский Восток, византийско-христианский Юг. Между тем именно северность предопределила самобытность России исторически (начиная с ключевой роли Ладоги и Новгорода в древности), экономически (с учетом пушнины, нефти, газа, золота и других ресурсов) и геополитически (ввиду пространственного преобладания в высоких широтах)» [Головнёв 2022, 2].

Рис. 1. А. В. Головнёв. 2021 г. Выступление на Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

¹ Редакция журнала «Ежегодник финно-угорских исследований» сердечно поздравляет д. и. н., чл.-корр. РАН, директора МАЭ РАН Андрея Владимировича Головнёва с юбилейным Днем рождения, желает здоровья, новых открытий, проектов и публикаций.

В оценке А. В. Головнёва, Север – самобытная и самодостаточная часть России. «Правда, эта самобытность настолько привычна, что незаметна и как будто не нуждается в доказательствах» [Головнёв 2022, 5]. Однако приходится вместе с автором сожалеть, что она затенена дебатами о принадлежности России Востоку или Западу. Получилось это так потому, что Северу не свойственно громко заявлять о себе. Он в корне отличается от громогласного Юга и словоохотливого Востока.

«По существу, *Nord* – не только географическое направление, но и вся страна викингов, вся Северная Европа» – объясняет автор монографии [Головнёв 2022, 28]. Понятие *Nord*, в представлении северян, включает в себя и «северный путь», и «верх», и воинов. «Но самым ярким олицетворением Севера стали они сами» – *Nordmaðr* «люди Севера», «северяне» [Головнёв 2022, 29]. В беседах с коллегами А. В. Головнёв признается: «Конечно, я не только ненцевед. Я еще и чукчевед, и хантовед, и татаровед, и руссовед, и много чего еще» [Перевалова, Киссер 2023, 57]. При изучении, вернее – желании понять мысли автора монографии «Северность России» необходимо вникнуть во все, что говорит исследователь о Севере.

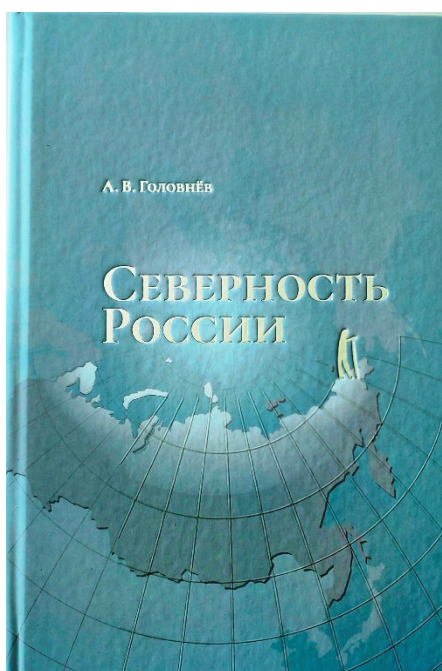

Рис. 2. Переплет книги: А. В. Головнёв. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

Север → Юг

Движение «Север → Юг» прослеживается во многих исторических фактах, на которые указывает автор книги. Так, Рюрик основал Новгород. Олег рейдом прошелся от Ладоги до Киева. Задолго до Рюрика воды Невы, Волхова и Волги покоряли варяги, основавшие свои фактории на Танаисе и Меотиде. На презентации книги в МАЭ РАН А. В. Головнёв сказал (передаю в тезисном изложении): Киев не может быть матерью Руси, ибо северные города старше Киева. Например, Новгород Великий на месте Рюрикова городища. Откуда грамотность? С Севера. Откуда берестяные грамоты? Из Новгорода. Новгородская история – это чисто русская (российская) история. Собственно русская история. Туда не дошли и ордынцы – болота помешали. Затем в противостоянии с Новгородом верх взяла Москва. В сложном противостоянии и конкуренции они по-своему помогали друг другу. Соединение этих двух осей и создало Россию. На Русском Севере обошлись без крепостного права. А Центральная Россия была крепостной.

Далее было сравнение Петербурга – эссенции Российской империи с его основателем: «Пётр очень похож на свою страну – добрый и суровый». Даже в такой краткой характеристике северности России автор дает понять, что он давно прикипел к Северу и считает свой труд не только книгой, но и познанием самого себя. Можно было бы добавить: и познанием Родины. Святителища в тундре (например, у ненцев), пишет он, всегда содержатся в чистоте. И за этим строго следят. Более того, как говорят кочевники тундры, «север чище юга; там меньше комаров и слякоти, больше простора и ветров» [Головнёв 2022, 33]. Выходит, что «чистость» как синоним «целомудрия» и «первородства» и

как антитеза «неправильности» и «сомнительности», больше свойственна Северу, чем более южным землям. «Юг России не менее колоритен, чем Север, но менее устойчив: южные границы геополитически изменчивы, а северные – тверды; Русский Север имеет сложившиеся очертания, а Русский Юг – размытые» [Головнёв 2022, 119].

В книге широко использованы эпические сюжеты. Так, на примере карело-финского эпоса «Калевала» автор рассматривает «северность» страны Похьёла, где не светит солнце и находится мрачное подземное царство, и «южность» Калевалы. Однако, как пишет А. В. Головнёв, страна Калевала «на самом деле тоже принадлежит Северу, представляя собой, с позволения сказать, “юг Севера”» [Головнёв 2022, 30].

Торговые маршруты с Севера на Юг по территории современной России прокладывали с древнейших времен. Особенно по двум направлениям, которые можно назвать «из варяг в персы» и «из варяг в греки». Сегодня эти пути служат интеграции не только геоэкономических, но и геополитических связей между странами. Прежде всего – России с Индией, Китаем и Ираном, равно с Прикаспийскими, Закавказскими и Ближневосточными странами.

Сегодня Север продолжает сохранять приоритет по наличию природных богатств. Страна получает доходы преимущественно с северных территорий. В то же время большая часть «транжира» приходится на южные регионы. «В начале XXI в. богатый Север насчитывал 1/4 населения и контролировал 4/5 мирового дохода; бедный Юг с 3/4 населения мира располагал лишь 1/5 мирового дохода» [Головнёв 2022, 52].

Юг → Север

В. Н. Чернецов и А. Г. Козинцев считают, что протоиндоевропейцы в VI–III тыс. до н. э. в Южном Приаралье создали кельтеминарскую культуру. Затем они мигрировали на Ближний Восток, придя в Анатолию и на Южный Кавказ, судя по иранскому и южнокавказскому аутосомному компоненту и лексикону. Самая ранняя ветвь мигрантов направилась на север в сторону Волжской лесостепи и в конечном итоге дала начало хвалынской культуре [Kozintsev 2019, 293–380]. Для нас здесь важно то, что насельники Древней Анатолии и Южного Кавказа к III тыс. до н. э. смогли продвинуться вдоль понтийского и каспийского побережий. Преодолев Большой Кавказский хребет, они дали толчок возникновению новой культуры на просторах макрорегиона «Северный Кавказ – Среднее Поволжье».

Это предположение подкрепляет идея о генетическом, археологическом и лингвистическом родстве народов, располагавшихся по линии «Анатолия – Кавказ – Поволжье». Конечно, с учетом неизбежных культурных трансформаций. Как, например, в случае с краткосюжетностью и афористичностью поэтики народов Волго-Уралья. Как отмечает М. Г. Кондратьев: «по особенностям традиционной ритмики культуры Поволжья являют собой пример редкой сохранности архаической квантитативной системы, известной главным образом территориально и хронологически отдаленным цивилизациям (индоиранские, средиземноморские культуры)» [Кондратьев 2011, 10].

Одним из акторов миграций и вынужденных переселений выступала политика. Письма византийского императора, адресованные печенегам, свидетельствуют, что византийские власти поддерживали дипломатические связи с печенегами и регулярно посылало им императорские подарки. Именно тогда (почти одновременно с мадьярами) предки чувашей – сувары перемещаются на север и в самом конце IX в. достигают южных рубежей Волжской Булгарии [Комар 2010, 193]. Получается интересная картина: за время проанализированной истории миграций предки чувашей все время продвигались почти по прямой с Юга на Север. Обитаемые ими теперь земли этнографы называют частью центрально-северного евразийского региона [Арутюнов 2016, 5]. В целом, можно образно констатировать, что северное притяжение для народов, ставших альфой и омегой Волжской Булгарии, имело колоссальное значение.

События 922 г. подтолкнули к подъему самосознания единого племени, хотя и позже были сильны различия между северными и южными группами суваро-чувашей. Эти особенности в виде двух основных диалектов лесных и степных чувашей в рудиментарной форме сохранились до сегодняшнего времени. Однако они нисколько не помешали образованию единого этноса.

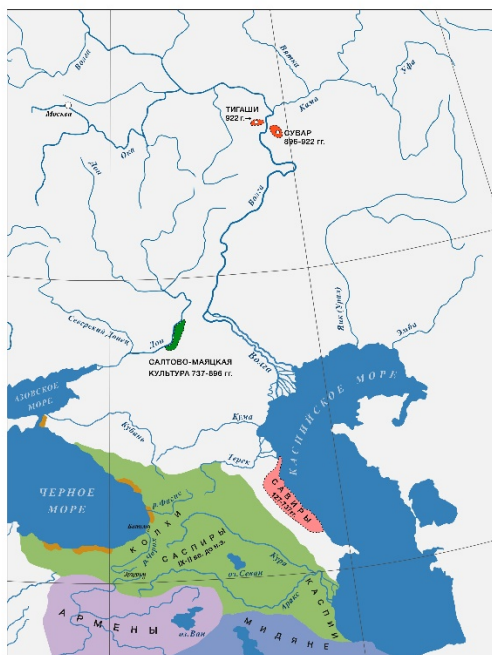

Рис. 3. Миграция саспиров/савиров/суваров (IX в. до н. э. – 922 г. н. э.). На карте за 737–896 гг. указана локация суваров в составе салтово-маяцкой археологической культурной общности

Север ↔ Юг

На самом деле в истории движение шло не только однонаправленно с Севера на Юг или только с Юга на Север. Перемещение всегда было встречное. «Двойственность, если не амбивалентность, севера и юга в культурах Северного полушария связана со многими обстоятельствами... Однако даже в дуалистичных религиях обнаруживается не бескомпромиссное деление мира на свет и тьму, а баланс мотивов, дополняющих друг друга свойств и характеристик» [Головнёв 2022, 26].

Монография А. В. Головнёва ведёт нас к теме определения значения Волжского пути во взаимоотношениях «Север ↔ Юг». «Булгары в своем движении на север достигали народов *вису* (пермь) и *йура* (югра)... В XI–XIII вв. орбита булгарского влияния охватывала Каму, Пермь Вычегодскую и Зауралье» [Головнёв 2022, 97].

На презентации автору книги был задан вопрос: не означает ли исследование северности России отказ от антропологии движения. Ответ был отрицательный: «Антропология движения пронизывает всю книгу о северности России. Северность – это точка опоры, а антропология движения – методология. Северный Кавказ – это Север, а Южный Кавказ – это Юг. На Севере не надо меняться, а оставаться самим собой. Это – самобытность. В глобальном измерении вся Россия – Север, в том числе Северный Кавказ, а Южный Кавказ – это Юг. Однако северяне любят погреться на Юге. Эта тяга генетическая, ибо человечество происходит из Африки» – заключил Андрей Владимирович. Это прозвучало как признание встречного движения «Север ↔ Юг». Так происходил и происходит обмен идентичностями, приводящий, как правило, к взаимному приумножению культур и экономик. «Книга – это моя идентичность» – вот так оценивает автор свое новое исследование.

Заключение

В книге «Северность России» ново все (или, скорее, почти все). Этим она и захватывает читателя. Этому способствовала не только высокая эрудиция и начитанность автора, а, прежде всего, набранный «на Северах» многолетний эмпирический экспедиционный опыт.

Деление статьи на $C \rightarrow Ю$, $Ю \rightarrow С$ и $С \leftrightarrow Ю$ имеет сугубо рабочий характер. Однако оно способствует научному объяснению взаимодействия Севера с Югом. Пусть это будет видением Севера человеком, рожденным и воспитанным в пространстве-времени между Севером и Югом России.

Позволю себе предсказание: автору книги «Северность России» люб и близок Север, но ему, чувствую, как мне представляется, тесно на снежно-ледяных просторах, нет-нет – и вырываются его

мысли и маршруты в южные степи, горы и субтропики. Как признается сам Андрей Владимирович, «на самом деле я неплохо чувствую себя и на юге».

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С. А. От научного редактора // Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 5.

Головнёв А. В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

Комар А. В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов межкультурного взаимодействия). Самара: Офорт, 2010. С. 169–199.

Кондратьев М. Г. Музыкальные культуры Волго-Уралья как цивилизационная целостность // Проблемы музыкальной науки. 2011. № 1. С. 6–10.

Первалова Е. В., Киссер Т. С. Как написать портрет народа? (о роли и миссии этнографа) // Этнография. 2023. 1. С. 26–59.

Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The Prologue // The Journal of Indo-European Studies. 2019. Vol. 47. № 3–4. P. 293–380.

Поступила в редакцию 19.04.2023

Салмин Антон Кириллович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
E-mail: antsalmin@mail.ru

A. K. Salmin

“THE BOOK IS MY IDENTITY”

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-433-438

The paper contains reflections upon reading Andrei Golovnev's monograph *Severnost' Rossii* [*The Northernness of Russia*]. That book deals with such concepts as geographical maps, the birth of Rus', Novgorod as the successor to Rurikovo Gorodische, northernness in the *bylinas*, the northern capital, expeditions and many-sidedness. As the author himself writes, the book is devoted to meditations on the concepts of “North” and “northernness”. The author of the paper, however, while setting forth its basic content in the form of theses, deviates somewhat away from the aims of the book. In the paper, the emphasis is on the interaction of North and South and, correspondingly, of South and North. As a result, the narrative shifts to the idea of the mutual enrichment of two parts of the world, the sharing of identities while remaining distinct. For example, the migration of the historical ancestors of the Chuvash from south of the Caucasus to the Middle Volga or the active trade conducted by the population of Volga Bulgaria with the peoples of the Kama region and territories farther north. The actual process of that commerce might be termed “mute”: the southerners would bring their wares to agreed locations and leave them, while taking away in exchange what their northern neighbours had left for them. Since the author of the book considers his work to be not a book, not quite a book, but an act of self-discovery, the reader naturally gains the opportunity to track the author's rebirth as a northerner in the course of his expeditionary investigations into northern philosophy. Philosophies of self-sufficiency, silent contemplation and feeling that requires no evidence. All these and others judgment at times completely contrary to southern concepts and emotions: quiet – noise, trust – suspicion, spacious – cramped.

Keywords: The Northernness of Russia, North → South, South → North, North ↔ South, Identity

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 433–438. In Russian.

REFERENCES

Арутюнов С. А. От научного редактора [From the scientific Editor] // Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа [Holidays, Rituals and Beliefs of the Chuvash People]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016, p. 5. In Russian.

Головнёв А. В. *Severnost' Rossii* [The Northernness of Russia]. СПб.: МАЭ РАН, 2022. In Russian.

Комар А. В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья [Towards a discussion about the chronology of the early medieval nomadic monuments of the Middle

Volga region] *Kul'tury yevraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletiya n.?.e. (voprosy mezhetnicheskikh kontaktov mezhkul'turnogo vzaimodeistviya)* [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the I millennium AD (issues of interethnic contacts of intercultural interaction)]. Samara: Ofort, 2010, pp. 169–199. In Russian.

Kondrat'yev M. G. Muzykal'nyye kul'tury Volgo-Ural'ya kak tsivilizatsionnaya tselostnost' [Musical cultures of the Volga-Ural region as a civilizational integrity] *Problemy muzykal'noi nauki* [Problems of music science]. 2011. No 1, pp. 6–10. In Russian.

Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The Prologue *The Journal of Indo-European Studies*. Vol. 47, No 3 & 4, Fall/Winter 2019, pp. 293–380. In English.

Perevalova Ye. V., Kisser T. S. Kak napisat' portret naroda? (o roli i missii etnografa) [How to paint a portrait of the people? (on the role and mission of the ethnographer)] *Etnografiya* [Ethnography]. 2023. 1, pp. 26–59. In Russian.

Received 19.04.2023

Salmin Anton Kirillovich

Doctor of History, Leading Research Scientist
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

О. В. Титова

**НОВАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
СТИЛИСТИКИ КОМИ ЯЗЫКА**

**Рец. на диссертацию: Баженова О. Н. Стилистические ресурсы лексики
в коми художественных текстах: дис. ... канд. филол. наук.
Сыктывкар, 2022. 181 с.**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-439-442

27 сентября 2022 г. в Удмуртском государственном университете состоялась успешная защита диссертации О. Н. Баженовой «Стилистические ресурсы лексики в коми художественных текстах», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки). Работа выполнена в Коми научном центре Уральского отделения Российской академии наук, научный руководитель – доктор филологических наук Е. А. Цыпанов. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Л. А. Абукаева (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А. С. Лобанова (Пермь).

Современная лингвистическая наука характеризуется возросшим интересом к исследованию функционирования языковых средств в различных сферах речевой деятельности. Лексические единицы все чаще начинают изучаться с точки зрения их стилистической ценности. Проблемы лингвостилистики входят в число приоритетных направлений языкознания и привлекают внимание многих ученых. Среди них важное место занимают вопросы исследования лингвостилистических особенностей художественных произведений, которые заключаются в подробном изучении роли и функций языковых средств разных уровней. Диссертационная работа О. Н. Баженовой находится в русле таких исследований, поэтому актуальность ее несомненна. Выбор темы обусловлен необходимостью комплексного изучения и описания функционирования лексических средств коми-зырянского языка в речи, важностью системного освещения причин и закономерностей их отбора в художественных текстах.

Именно поэтому О. Н. Баженова задается целью выявить и систематизировать стилистические ресурсы лексических средств, используемых в текстах художественного стиля коми-зырянского литературного языка.

Рецензируемая диссертация, несомненно, обладает научной новизной: впервые в истории коми языкознания обобщены и систематизированы исследования по стилистике коми языка, в том числе новейшие научные изыскания; подробно описаны стилистические ресурсы синонимических средств, выразительные возможности языковых и контекстуальных антонимов, а также детально охарактеризовано стилистическое использование омонимов и паронимов, функционирующих в коми-зырянских художественных текстах; в контексте истории развития коми литературного языка рассмотрены особенности стилистических функций диалектизмов и иноязычной лексики; проанализированы факты употребления новых слов, предложенных в различные периоды развития коми-зырянского языка; подробно описаны выразительные возможности семантических неологизмов; охарактеризованы средства словесной образности с точки зрения стилистических возможностей выражения эмотивности и оценочности.

Существенна теоретическая и практическая значимость работы. Автор вносит большой вклад в развитие исследований по стилистике коми языка. Основные положения диссертации и иллюстративный материал могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по вузовским дисциплинам. Результаты рецензируемой работы, несомненно, найдут применение в дальнейшем исследовании коми языка, а также при сравнительном изучении финно-угорских языков.

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, обеспечивается основательностью исходных теоретических положений и методологической базы. Так, список использованной и цитированной научной литературы насчитывает 184 наименова-

ния (из них 36 на иностранных языках), что говорит о хорошем владении О. Н. Баженовой специальной литературой. В данный перечень входят основополагающие труды отечественных и зарубежных лингвистов. Работа проведена на большом фактическом материале (список источников состоит из 132 позиций), в том числе с привлечением данных «Корпуса коми языка» (komispora.ru).

Достижение цели и решение намеченных задач обеспечены применением как общих лингвистических методов (описательного, сопоставительного, метода сплошной и частичной выборки, метода контекстного анализа), так и специальных методов лингвостилистики (семантико-стилистика метода и метода использования синонимических замен).

В композиционном плане диссертационное исследование отличается строгой продуманностью и логичностью. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников иллюстративного материала и списка условных сокращений. Общий объем диссертации – 181 страница.

Во введении раскрывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, четко формулируются цель и задачи диссертации, указываются методы и материал исследования, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов исследования, описывается структура диссертации.

В первой главе «Теоретические аспекты исследования» освещается история становления и развития лингвистической стилистики как научной дисциплины в отечественном и зарубежном языкознании. Отдельное внимание уделяется обзору основных направлений стилистики финно-угорских языков: функциональной стилистики, стилистики ресурсов и практической стилистики. Изучив исследования, посвященные описанию особенностей употребления языковых средств в различных ситуациях и сферах общения, О. Н. Баженова приходит к выводу, что, несмотря на некоторые различия в формулировках и классификациях, в основном учеными выделяется пять функциональных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, литературно-художественный и разговорный. Религиозно-проповеднический стиль, который отдельные лингвисты предлагают включить в структуру функциональных стилей, в финно-угорском языкознании недостаточно изучен. В диссертации обстоятельно рассмотрены труды по исследованию стилистики ресурсов финно-угорских языков, в которых анализируются фонетические, морфологические, лексические и синтаксические средства выражения экспрессивности, а также практической стилистики, изучающей нормы употребления стилистических средств в различных текстах. Прежде чем приступить к изложению основного материала, автор дает дефиницию понятиям («стилистические ресурсы лексики», «экспрессивность», «эмотивность», «оценочность», «образность», «текст», «стиль художественной литературы»), используемым в работе, приводит теоретические положения и цитирует взгляды отдельных исследователей. О. Н. Баженовой справедливо замечено, что в толковании понятий «экспрессивность», «эмотивность», «оценочность» нет единого мнения, поэтому ею выводится рабочее толкование, полностью аргументированное и используемое в исследовательской работе.

Вторая глава «Стилистические ресурсы представителей системных отношений в лексике», на наш взгляд, является самой интересной и заслуживает отдельного внимания. О. Н. Баженовой детально охарактеризованы экспрессивные возможности синонимических средств: изобразительных глаголов, используемых для передачи звуков или зрительных образов совершаемых действий, а также перифраз, эвфемизмов, дисфемизмов и фразеологизмов; подробно описаны стилистические ресурсы антонимов, среди которых выделяются контекстуальные антонимы, противоположные по значению лишь в конкретной ситуации, в определенном контексте; исследованы стилистические функции омонимов и паронимов. Положительным моментом работы является тот факт, что автором диссертации подобрано большое количество примеров из коми-зырянской художественной литературы, подтверждающих использование вышеназванных выразительных стилистических средств.

В третьей главе «Стилистические ресурсы лексики ограниченного употребления» рассмотрены стилистические функции диалектизмов, историзмов, архаизмов, неологизмов и иноязычной лексики. Исследуемый материал обстоятельно описан в отдельных разделах данной главы. К числу дискуссионных относится вопрос о целесообразности включения в литературную речь лексических единиц и языковых особенностей, характерных для территориальных диалектов. В связи с этим, в диссертации большое внимание уделено изучению роли диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка на разных этапах его развития. Интерес представляют результаты проведенного анализа стилистических возможностей историзмов и архаизмов, используемых в художе-

ственных текстах для создания колорита изображаемой эпохи. О. Н. Баженовой затрагиваются также актуальные проблемы создания и функционирования неологизмов в коми языке. На материале «Корпуса коми языка» (komisproga.ru), содержащем более 74 миллионов словоупотреблений, прослеживается использование в текстах художественных произведений новых слов, созданных в различные периоды истории развития языка. Автором подчеркивается, что одной из главных стилистических функций неологизмов является обогащение лексических средств языка за счет внутренних ресурсов; отмечается, что семантические неологизмы служат экспрессивным средством создания образности. В работе не оставлены без должного внимания и факты употребления иноязычной лексики в текстах коми литературы. О. Н. Баженова поясняет, что заимствования в художественных произведениях можно разделить на две группы: номинативные, служащие для наименования современных или исторических реалий (например, *интернат*, *посёлок*, *помещик* и т. д.), и стилистические, использованные в тексте с какими-то стилистическими целями. В условиях коми-русского двуязычия приобретает особую актуальность явление смешения кодов, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания. Данный вид речевой стратегии исследован О. Н. Баженовой с точки зрения выразительных возможностей и функций.

Четвертая глава «Стилистические ресурсы средств словесной образности» посвящена изучению выразительных возможностей метафоры, метонимии, эпитета, олицетворения, оксюморона, гиперболы и литоты, используемых в художественных текстах для создания наглядных представлений о предмете или явлении, передачи эмотивной оценки, а также уточнения признаков предмета. В данной части диссертационной работы также проявился кропотливый труд автора в разборе материала. Результаты исследования представляют большую ценность не только для лингвистов, но и литературоведов.

В заключении приводятся основные выводы исследования, которые логично вытекают из проведенного в основных главах диссертации лингвистического анализа и являются обоснованными. Каждая глава завершается обобщениями в виде выводов.

Высоко оценивая проделанную автором работу, хотелось бы указать на ряд вопросов и замечаний, которые связаны с уточнением частных моментов диссертации:

1. В выводах ко второй главе О. Н. Баженова пишет, что образительные глаголы выступают в текстах не только как экспрессивные лексические средства, обладающие образностью, но и выражают негативную эмотивную оценку по отношению к определенным ситуациям и действиям. Любопытно было бы узнать мнение соискателя ученой степени относительно наличия в коми-зырянских текстах звуко- и образоподражательных глаголов, выражающих положительную оценку субъекта или действия, и особенностях их использования в художественных произведениях.

2. При изучении стилистических функций диалектной лексики, О. Н. Баженова отмечает, что, наряду с лексическими и семантическими диалектизмами, в художественных текстах встречаются и фонетические. В связи с этим обстоятельством возникает вопрос о целесообразности включения фонетических диалектизмов в тексты художественных произведений, написание которых ведет к нарушению принятых орфографических норм коми-зырянского литературного языка.

3. Требуется пояснения следующее положение диссертации: «разновидности омонимов используются в коми художественных текстах для создания <...> индивидуальных вариантов этимологии слов» (с. 8).

4. В «Список использованной литературы» не включены отдельные работы, на которые имеются ссылки в основном тексте работы, например: Одинцов 1980 (с. 21), Сквородников, Копкина 2006 (с. 43), Габова 1984 (с. 48), Александрова 2012 (с. 82), Кириченко 2006 (с. 125) и др. Кроме того, имеются некоторые недочеты по оформлению библиографических сведений о научных трудах; наблюдается разноречивость при сокращении слов и словосочетаний в различных областях библиографического описания (уч. пос., уч. пособие, учеб. пособие и учебное пособие; М. и Москва; сб. статей и сборник статей и т. д.).

5. Пункт содержания «Список иллюстративного материала», на наш взгляд, точнее было бы обозначить как «Список источников иллюстративного материала».

6. В диссертации встречаются отдельные опечатки (с. 23, 60, 88, 90), также незначительные погрешности технического характера, не имеющие существенного значения.

Отмеченные недостатки легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования, выполненного на должном научно-теоретическом и методологическом уровне.

Диссертационная работа О. Н. Баженовой представляет собой серьезное, самостоятельное, законченное исследование, обладающее новизной, обоснованное с точки зрения научных положений и выводов. Комплексный анализ, проведенный на богатом фактическом материале с применением разных методов, открывает новое направление в изучении стилистики современного коми-зырянского языка и расценивается как вклад не только в коми языкознание, но и в финно-угроведение в целом.

Поступила в редакцию 18.01.2023

Титова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ovtitova@rambler.ru

O. V. Titova

**A NEW PAGE IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE KOMI
LANGUAGE STYLISTICS**

Review of the dissertation: Bazhenova O. N. Stylistic resources of vocabulary in Komi artistic texts. Syktyvkar, 2022. 181 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-439-442

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 439–442. In Russian.

Received 18.01.2023

Titova Olga Vladimirovna

Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russia
E-mail: ovtitova@rambler.ru

Юбилей

УДК 811.152'28'373.21(092)(045)

Н. М. Абросимова

**ВАЛЬДЕК ПАЛЬ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОРДОВСКИХ
(ЭРЗЯНСКОГО И МОКШАНСКОГО) ЯЗЫКОВ
(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

30 июня 2022 года исполнилось бы 95 лет международно признанному ученому-финно-угроведу, эстонскому топонимисту, исследователю мордовских языков, профессору Вальдеку Палю (1927–2013). Лексикографические труды по эстонскому языку, работы по морфологии мордовских языков являются выдающимся вкладом ученого в лингвистическое финно-угроведение.

Ключевые слова: Вальдек Паль, финно-угорское языкознание, топонимика, эстонские диалекты, мордовские языки, эрзянский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-443-445

Профессор Вальдек Паль родился 30 июня 1927 г. в волости Тартумаа, ушел из жизни 17 апреля 2013 г. в Таллине. В 1947 г. окончил Тартускую учительскую семинарию, а в 1952 г. получил высшее образование в Тартуском государственном университете на кафедре финно-угорских языков по специальности «эстонская филология». Преподавателем и наставником Вальдека Паля был известный академик и этнограф Пауль Аристэ, благодаря которому у молодого Паля возник повышенный интерес к языкам других финно-угорских народов. Примечательно, что первые научные публикации Вальдека Паля были посвящены мордовским языками. Как он позже сказал о себе в одном из интервью Эви Росс в научном журнале *Oma keel* («Свой язык»): «Любовь к мордовским языкам зародилась ещё в моей молодости, и длится по сей день» [Ross 2002, 101-102]. Из других рукописных воспоминаний профессора: «Я закончил Тартуский университет в 1952 г. и был учеником Пауля Аристэ и Паулы Пальмеос. На курсах истории финно-угорских языков немного узнал и о мордовских языках. В то время у Пауля Аристэ был составлен академический план при Тартуском университете подготовить специалистов по каждому уральскому языку. Как считал Пауль Аристэ, благодаря этой мере в университете можно было бы собрать такую научную команду финно-угорских специалистов, совместно с которыми появилась бы возможность создать серьезный центр уральских языков. И таким образом я совместно с языковедом Вальменом Халлапом начал изучение мордовских языков. В 1952 г. я стал аспирантом Пауля Аристэ. Конечно, плану Пауля Аристэ относительно мордовских языков этим было положено хорошее начало, однако он так и остался неоконченным. В итоге я защитил кандидатскую диссертацию по мордовским языкам, однако в самом расцвете своей карьеры мне пришлось сменить научное направление в другом русле. Таким образом, этому академическому плану не суждено было сбыться. В 1952 г. началось мое первое знакомство с текстами на мордовских языках и обработка теоретической литературы. В 1953 году я совершил свою первую экспедицию в Мордовскую АССР, а в 1954 г. – вторую» [Pall, 2005].

В 1955 г. Вальдек Паль защитил кандидатскую диссертацию на тему «Времена и наклонения в мордовских языках» и в этом же году поступил на должность старшего преподавателя в Таллинском педагогическом институте им. Э. Вильде (ныне Таллинский университет).

Научная деятельность

Самый плодотворный период научной деятельности Вальдека Паля пришелся на 1957 г., когда он приступил к работе в Институте языка и литературы (Keele ja Kirjanduse Instituudi / Eesti Keele Instituut) при Эстонской академии наук, в стенах которого молодой исследователь сформировался в разностороннего и профессионального ученого-лингвиста. В Институте языка Паль начинает изучать эстонских диалекты и топонимы. В дальнейшем научный путь языковеда был связан как с Институтом языка и литературы, так и с Таллинским университетом [Viikberg 2013, 237-239].

Кроме исследования топонимов, основной работой Вальдека Паля было изучение диалектов эстонского языка. В 1972–1975 гг. В. Паль являлся руководителем 285-й рабочей научно-

исследовательской группы по топонимике. В 1975–1990 гг. он возглавлял сектор диалектологии, позднее, в 1992–1995 гг. работал главным научным сотрудником. Почти 15 лет Вальдек Паль руководил отделом сектора диалектологии и кропотливо изучал материалы большого диалектологического архива, занимался научными публикациями. В 1982 и 1989 гг. выходит в свет *Väike murdesõnastik I–II* (1982, 1989) («Малый словарь диалектных слов»), а в 1994 г. публикуется дополненный вариант *Idamurde sõnastik* («Словарь восточного диалекта») (1994) [Kallasmaa 2013, 478–479]. В 2003 г. в Институте эстонского языка под главной редакцией Вальдека Паля выходит в свет *Soome-eesti suursõnaraamat* («Большой финско-эстонский словарь»).

Кроме научно-исследовательской работы Вальдек Паль занимался преподавательской деятельностью. В Таллинском университете он вел курсы «Топонимика» и «Эрзянский язык», руководил дипломными работами эрзянских студентов, которые приезжали учиться из Мордовии. В 1996 г. Вальдек Паль издает учебник по эрзянскому языку на базе эстонского языка *Ersa keel. Õpiku konspekt ja sõnaloend* («Эрзянский язык. Конспект и словарики»). Вместе со своими эстонскими студентами Паль посещал мероприятия, организованные эрзянско-мокшанским культурным обществом «Сятко» в г. Таллинне. Примечательно, что как с членами общества «Сятко», так и со своими студентками из Мордовии он общался на эрзянском языке.

В период преподавания в Таллинском университете с 1978 по 1996 гг. Вальдеку Палю было присвоено звание профессора, а чуть позже, в 1997 г. – звание почетного профессора.

Награды

Профессор Вальдек Паль имел несколько почетных званий и наград: иностранный член Финно-угорского общества (1971), иностранный член общества «Калевала» (1979), член-корреспондент Общества финской литературы (1982), иностранный член Финской Академии наук (1991), почетный член Общества ономастики Эстонии (1999). Научная деятельность В. Паля была высоко оценена на государственном уровне – в 2001 г. он был награжден орденом Белой звезды IV степени, а в 2002 г. – премией Фердинанда Видемана в области языкознания. В 2010 г. ученый был удостоен ордена Финского Льва. В 1998 г. Вальдек Палю было присвоено звание почетного члена Общества родного языка (Emakeele Selts).

Наследие Вальдека Паля

Имея большое количество званий и наград, профессор Вальдек Паль был по натуре скромным и не любил особо выделяться. Он был немногословен, однако имел огромный багаж знаний о всех финно-угорских языках. В 2013 г. при Таллинском университете был учрежден фонд имени Вальдека Паля. Учредителями фонда являлись эрзянско-мокшанское культурное общество «Сятко» (председатель Наталья Абросимова, студентка Вальдека Паля) и старший сын ученого – Имре Паль. Целью фонда является увековечение памяти Вальдека Паля. Его деятельность связана с инициативами культурного общества «Сятко» по поддержке финно-угорской науки и культуры, а именно с:

- реализацией проектов финно-угорской культурной направленности (проведение семинаров, конференций, выставок, курсов);
- изданием печатной продукции;
- проведением вечеров памяти;
- сохранением культурного наследия эрзян и мокшан, проживающих в Эстонии;
- выплатой стипендий активным финно-угорским деятелям.

После смерти ученого эрзянско-мокшанское культурное общество «Сятко» получило из рук его семьи огромную библиотеку с уникальными экземплярами исторических раритетных книг, документов и рукописей автора. Следует отметить, что библиотека Вальдека Паля включает в себя научное и мемориальное наследие, связанное практически со всеми финно-угорскими языками. Прежде всего, это научные книги с авторскими посвящениями от известных исследователей финно-угорских языков – П. Аристэ, П. Зайкова, Д. Цыганкина, В. Лыткина, К. Вийка, Д. Надькина и др., огромное количество словарей, научные труды Й. Аавика, А. Альквиста, Х. Паасонена, Д. Бубриха, Ф. Видемана, М. Евсевьева и др. Особую ценность представляют рукописи В. Паля, которые он не успел опубликовать при жизни, а также записи, сделанные в ходе экспедиций и полевых работ в Мордовской АССР. Также мало кому известно, что Вальдек Паль занимался в свободное от научной деятельности время словотворчеством, писал стихи и юморески, которые никогда и нигде не публиковались.

По инициативе общества «Сятко» в Таллинском университете в декабре 2013 года был организован вечер памяти, на котором присутствовали ведущие эстонские языковеды, коллеги, студенты и члены семьи Вальдека Паля. В июне 2017 года в Институте эстонского языка общество «Сятко» сов-

местно с Обществом родного языка (Emakeele Selts) провели научный семинар *Nimed. Murded. Keeled* («Имена. Диалекты. Языки»), приуроченный к 90-летию юбилею профессора. На обоих мероприятиях прозвучали интересные доклады, разносторонне раскрывающие научные направления профессора: результаты исследований географических названий, мордовских языков, диалектов эстонского языка, интересные факты о полевых работах и экспедициях, которые для многих были малоизвестны, а также воспоминания коллег-языковедов.

Вышеприведенные сведения о научной деятельности Вальдека Паля позволяют сделать вывод, что он внес неоценимый вклад в финно-угорское языкознание. Словари, составленные под редакцией Вальдека Паля, сегодня представляют как научный, так и практический интерес в дальнейшем развитии эстонского языкознания. Проведенные В. Палем исследования по мордовским языкам положили начало преподаванию эрзянского языка в современных вузах Эстонии. Огромная коллекция научных периодических журналов, авторские посвящения от корифеев финно-угорского языкознания, многочисленные словари и раритетные издания в библиотеке профессора говорят о его весьма разностороннем интересе к грамматике языков родственных народов. Несомненно, наследие Вальдека Паля сыграет важную роль в сохранении и популяризации финно-угорских языков и финно-угорского мира в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Kallasmaa M. In memoriam. Professor Valdek Pall (30. VI 1927–17. IV2013) // Keel ja Kirjandus, 2013. C. 478–479.

Pall V. Eestlastest ja mordva keeltest // Fenno-Ugria Hõimuklubi. 2.03.2005

Ross E. Intervjuu. Valdek Pall // Oma keel, 2002, C. 101–102.

Viikberg J. Valdek Pall in memoriam 30. Juni 1927–17. April 2013 // Linguistica Uralica, 2013. C. 237–239.

Поступила в редакцию 26.01.2023

Абросимова Наталья Михайловна

доктор философии (PhD)

г. Таллин

E-mail: ersalanna@gmail.com

N. M. Abrosimova

VALDEK PALL – RESEARCHER OF THE MORDOVIAN (ERZYA AND MOKSHA) LANGUAGES (ON THE 95TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-443-445

On June 30, 2022, the internationally recognized Finno-Ugric scholar, Estonian toponymist, researcher of Mordovian languages, Professor Valdek Pall (1927–2013) would have turned 95 years old. Lexicographical works on the Estonian language, works on the morphology of the Mordovian languages are an outstanding contribution of the scientist to Finno-Ugric linguistics.

Keywords: Finno-Ugric linguistics, toponymy, Estonian dialects, Mordovian languages, Erzya language

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 443–445. In Russian.

REFERENCES

Kallasmaa M. In memoriam. Professor Valdek Pall (30. VI 1927–17. IV2013) // Keel ja Kirjandus, 2013. C. 478–479. In Estonian.

Pall V. Eestlastest ja mordva keeltest // Fenno-Ugria Hõimuklubi. 2.03.2005. In Estonian.

Ross E. Intervjuu. Valdek Pall // Oma keel, 2002, C. 101–102. In Estonian.

Viikberg J. Valdek Pall in memoriam 30. Juni 1927–17. April 2013 // Linguistica Uralica, 2013. C. 237–239. In German.

Received 26.01.2023

Abrosimova Natalya Mikhailovna

Doctor of Philosophy (PhD)

Tallinn

E-mail: ersalanna@gmail.com

Л. Е. Кириллова

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Статья посвящена описанию творческой деятельности известного удмуртского лингвиста, доктора филологических наук Людмилы Леонидовны Карповой. Сквозь призму биографии раскрываются страницы жизненного пути в становлении ее как ученого. В ее творчестве выделяются несколько направлений научных исследований. В большинстве работ ученого рассматриваются особенности диалектного языка северных удмуртов. Большое внимание уделяется характеристике монографий, в которых проведено комплексное изучение фонетических, морфологических, лексических и синтаксических явлений, характерных для верхнечепецких, среднечепецких и нижнечепецких диалектов удмуртского языка, определены ареалы их распространения. Используя синхронно-описательный, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, автору удалось выявить существенные специфические черты рассматриваемого диалекта в сравнении с другими удмуртскими диалектами и литературным языком. Весомый вклад она внесла в составление словарей удмуртского языка. В ряде работ ученого исследуются письменные памятники, топонимия, язык художественных произведений и другие темы, касающиеся удмуртского языкознания.

Ключевые слова: финно-угроведение, удмуртский язык, диалектология, северноудмуртские диалекты, словари удмуртского языка,

ономастика, письменные памятники, Л. Л. Карпова.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-446-453

Ведущими центрами исследования удмуртских диалектов являются Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (сокр. УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) и Удмуртский государственный университет (сокр. УдГУ). В первом из них разработкой данной проблемы занимается известный удмуртский ученый в области удмуртского языкознания, блестящий диалектолог, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Людмила Леонидовна Карпова.

Родилась Л. Л. Карпова в деревне Большой Жужгес (удм. *Жужгес* ~ *Жужгес*) Увинского района Удмуртской АССР в большой крестьянской семье. В 1969–1979 гг. училась в Жужгесской средней школе Увинского района. Еще в школе она мечтала стать учителем физики и математики. Но в 9–10 классах она круто изменила свое решение, ей очень нравились уроки удмуртского языка и литературы, которые вела Юлия Терентьевна Туйманцева, заслуженный учитель школы Удмуртской АССР. Однажды она по радио послушала передачу, где преподаватели Удмуртского университета В. К. Кельмаков и И. В. Тараканов рассказывали об этом учебном заведении, говорили об итогах олимпиады по удмуртскому языку. Людмила загорелась желанием поступить в Удмуртский гос. университет. И в 1979 г., не задумываясь о других специальностях, она поступила учиться на удмуртское отделение филологического факультета УдГУ. Студентка Людмила Карпова принимала активное участие в общественной студенческой жизни, включилась в научную работу, была ответственной за спортивные мероприятия на факультете. Нужно отметить, что интерес к изучению удмуртского языка у нее возник еще в школе. В студенческие годы стремление исследовать свой родной язык в сравнении с другими родственными языками еще больше возросло. Первые научные доклады были прочитаны ею на межвузовских научных студенческих конференциях в Ленинграде и Саранске. А ее

дипломная работа «Основы норм удмуртского литературного произношения и ударения»¹ была посвящена одному из актуальных для удмуртской лингвистики проблем. Необходимо отметить, что рукопись ее дипломной работы была использована при написании раздела по орфоэпии в книге по современному удмуртскому языку², она значится и в списке использованной литературы. В 1984 г. с отличием закончив вуз и получив специальность «преподаватель русского языка и литературы, удмуртского языка и литературы», Людмила Леонидовна по распределению поехала на работу в Гобгуртскую среднюю школу Селтинского района, где преподавала удмуртский язык и литературу, русский язык и литературу.

В 1985 г. была приглашена на работу в Удмуртский научно-исследовательский институт (УдНИИ) при Совете Министров Удмуртской АССР (с 1988 г. Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН) на должность старшего лаборанта, с января 1986 г. трудилась в должности младшего научного сотрудника отдела языка. Она активно начала заниматься сбором материала для сравнительного словаря удмуртских диалектов, включенного в то время в план работы института. Первые экспедиции в с. Дёбы Красногорского района и д. Чурашур Юкаменского района явились своего рода поворотными пунктами в ее судьбе, поскольку именно эти полевые исследования и ее первые опубликованные статьи³, посвященные анализу фонетических и морфологических особенностей дёбинского и чурашурского говоров удмуртского языка, явились началом изучения ею северно-удмуртских диалектов.

В декабре 1990 г. Л. Л. Карпова была направлена на учебу в аспирантуру в один из старейших университетов Эстонии в г. Тарту. В то время там преподавали известные профессора-финно-угроведы с мировым именем П. Аристэ, П. Алвре, А. Кюннап. Их познавательные лекции и консультации во многом помогли ей вести работу по выбранной теме. С приобретением в 1991 г. Эстонией статуса отдельного независимого государства и в связи с этим реорганизацией системы образования в Эстонии с сентября 1991 г. она была зачислена в магистратуру этого университета. После успешного ее завершения в 1993 г. продолжила учебу в докторантуре вышеназванного учебного заведения. Под руководством профессоров П. Алвре и А. Кюннап подготовила и в 1997 г. в Тартуском университете успешно защитила диссертацию в виде монографии по теме «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка»⁴, получила ученую степень доктора философии по специальности «Уральские языки».

В диссертации на основе большого корпуса полевого материала, собранного в 1987–1995 гг. самим автором в более 180 населенных пунктах, подробно описаны фонетические и морфологические особенности среднечепецкого диалекта, относящегося к северному наречию удмуртского языка и охватывающего Глазовский, Юкаменский, Ярский, частично Балезинский и Красногорский районы Удмуртии, выявлена граница описываемого диалекта. Весь представленный в книге фактический материал приводится в транскрибированном виде с учетом диалектных особенностей. Используя синхронно-описательный, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, автору удалось выявить существенные специфические черты рассматриваемого диалекта в сравнении с другими удмуртскими диалектами и литературным языком. Детальное изучение языковых особенностей среднечепецкого диалекта позволило исследователю говорить о том, что этот диалект неоднороден, он подразделяется на три говора: глазовский, юкаменский и ярский. А при сопоставительном с другими удмуртскими диалектами анализе выявляется ряд черт, сближающих указанный диалект с

¹ Карпова Л. Л. Основы норм удмуртского литературного произношения и ударения: Рукопись дипломной работы / Удмуртский гос. университет. Устинов, 1984.

² Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 124–143.

³ Карпова Л. Л. Морфологические особенности дёбинского говора удмуртского языка // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: тез. докл. Устинов, 1987. Ч. 1. Языкознание. С. 109–111; Некоторые фонетические особенности дёбинского и чурашурского говоров // Пермистика [1]. Ижевск, 1987. С. 98–103; О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: сб. ст. Ижевск, 1990. С. 66–84; Особенности употребления некоторых местоимений в дёбинском говоре удмуртского языка // *Fenno-Ugristica* 17: In memoriam Paul Ariste. Tartu, 1990. С. 101–106 (Учен. зап. Тарт. ун-та; вып. 902); О некоторых вопросах словообразования имен существительных в дёбинском и чурашурском говорах удмуртского языка // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: сб. ст. Ижевск, 1991. С. 160–169.

⁴ Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с. (= *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 2).

соседними нижнечепецкими и верхнечепецкими говорами, что «объясняется прежде всего этнической и исторической общностью их носителей, территориальной близостью, также существующими в течение долгого времени культурно-экономическими связями», с соседним бесермянским наречием и с территориально отдаленными южноудмуртскими говорами⁵.

Во время докторантуры совместно с эстонскими коллегами Людмила Леонидовна принимала участие в разработке международного проекта «Intercontinental Dictionary Series» («Серия межконтинентальных словарей»), представляющего собой электронную базу данных тематических списков лексики на различных языках мира, ею подготовлен удмуртский материал для этой серии⁶.

После окончания докторантуры и защиты докторской диссертации в декабре 1997 г. Л. Л. Карпова вернулась в Ижевск и начала работать в секторе языка Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (с 2017 г. Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН) в должности старшего научного сотрудника отдела языкознания и дальше продолжила начатое исследование северноудмуртских диалектов. Ежегодно выезжая в экспедиции по сбору полевого материала, собрала огромный корпус новых диалектных материалов по языку, фольклору и культуре удмуртов, проживающих в районах Средней, Нижней и Верхней Чепцы. На этой основе ею опубликованы три монографии: «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» (Ижевск, 2005), «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект» (Ижевск, 2013), «Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние» (Ижевск, 2020).

Работа «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи»⁷ является логическим продолжением предыдущей книги. В ней даны история изучения среднечепецких говоров и краткое описание их фонетических и морфологических особенностей. Основную часть книги составляют тексты образцов устно-поэтической и разговорно-бытовой речи удмуртов, проживающих в районе Средней Чепцы (Глазовский, Ярский, Юкаменский, частично Балезинский и Красногорский районы Удмуртии), записанные в ходе научных экспедиций в 1987–2004 гг. Представленный в исследовании материал собран по специальной, составленной автором программе-вопроснику. Данная работа ценна тем, что в ней достаточно полно отражена специфика разговорной речи удмуртов Средней Чепцы. Приведенные тексты с переводами являются прекрасным материалом для изучения диалектного синтаксиса. Кроме богатого лингвистического материала в текстах содержатся интереснейшие сведения по фольклору, этнографии, истории, культуре удмуртов рассматриваемого региона, что имеет немаловажное значение для исследователей материальной и духовной культуры удмуртского народа.

Все тексты автором паспортизированы, протранскрибированы на русской графической основе, переведены на русский язык, а что касается песен, они нотированы известным этномузыковедом, доктором искусствоведения, ведущим научным сотрудником Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН И. М. Нуриевой.

В монографии «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект»⁸ кратко изложены фонетико-морфологические особенности рассматриваемого диалекта, основную же часть книги представляет словарь удмуртской диалектной лексики, бытующей в речи жителей и зафиксированной автором в ходе полевых исследований в населенных пунктах Глазовского, Юкаменского, Ярского, Красногорского и Балезинского районов. Общий объем словаря составляет около 7000 словарных статей. Каждая лексема снабжена русским переводом, а в некоторых случаях даны и толкования, также представлены иллюстративные примеры употребления слов в живой речи. Значение этого издания состоит в том, что представленный в нем материал характеризует современные особенности языка и духовной культуры среднечепецких удмуртов на рубеже XX–XXI вв., отражает динамику лексического состава их диалектов.

В 2018 г. в Удмуртском государственном университете Л. Л. Карпова блестяще защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Северные диалекты

⁵ Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с. (= *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 2). С. 187–188.

⁶ Intercontinental Dictionary Series (Серия межконтинентальных словарей) URL: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Intercontinental_Dictionary_Series (дата обращения 7.02.2023).

⁷ Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

⁸ Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.

удмуртского языка: формирование и современное состояние»⁹. Многие диалекты удмуртского языка до сих пор основательно не изучены, а между тем они в последние десятилетия подверглись сильной ассимиляции русским языком, и этот процесс интенсивно продолжается, в результате чего происходит значительное сужение сферы их функционирования. К этому нужно еще добавить и то, что ушли и уходят из жизни старожилы, носители местных говоров и хорошие знатоки родных мест. Нивелировке диалектного своеобразия способствовало в определенной мере и сселение мелких населенных пунктов в более крупные, что привело к исчезновению многих небольших селений и миграции сельских жителей в другие места, чаще всего в центральные и пригородные районы и города. Тенденция постепенной утраты языкового своеобразия диалектов, постепенная их деформация и нивелировка особенно характерны для североудмуртского ареала. В этом смысле исследование Л. Л. Карповой приобретает особую актуальность.

Диссертация основана на полевых материалах, собранных автором в течение 1987–2017 гг. во время 48 диалектологических экспедиций, проведенных в 250 населенных пунктах 8 северных районов Удмуртской Республики и 3 районов Кировской области. Также использованы материалы научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы, материалы полевых практик студентов и данные дипломных (выпускных квалификационных) работ студентов и магистрантов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики УдГУ, были привлечены и опубликованные в России и за рубежом сборники текстов образцов речи, статьи и словари по удмуртским диалектам.

На основе докторской диссертации Людмилой Леонидовной была подготовлена и опубликована книга «Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние»¹⁰. Это первая по удмуртской диалектологии фундаментальная работа на основе фронтального исследования огромного корпуса полевого материала, собранного самим автором. В ней североудмуртские диалекты подвергнуты комплексному анализу с точки зрения фонетических, морфологических, отдельных лексических и синтаксических особенностей в их современном состоянии и в сопоставлении с другими удмуртскими диалектами и литературным языком, также с привлечением лингвистических данных родственных финно-угорских и других языков. Уточнены их классификационные признаки, выявлены интегральные и дифференциальные черты по отношению друг к другу, определена роль этнического компонента в формировании специфических черт рассматриваемых диалектов, впервые проведено внутреннее членение северных диалектов на говоры и подговоры. Выделяя в северном наречии три диалекта: верхнечепецкий, среднечепецкий и нижнечепецкий, – автор отмечает, что в нижнечепецком диалекте, распространенном в Слободском, Зуевском, Унинском, Фалёвском и Богородском районах Кировской области, сохранились древние черты и формировались новые языковые явления, отличные от явлений, функционирующих в верхнечепецком и среднечепецком диалектах, бытующих в Ярском, Глазовском, Юкаменском, Базезинском, Красногорском, Кезском, Дебёссском и Игринском районах Удмуртии. Это обусловлено историей их формирования, влиянием языка бесермян. В работе также уделено серьезное внимание вопросам истории заселения территории бассейна Чепцы, формирования и истории исследования североудмуртских диалектов. Монографию дополняют три больших приложения. В первом приложении представлены 3 карты, свидетельствующие о диалектном членении удмуртского языка, о распространении диалектов и говоров северного наречия и о дистрибуции вариантов фонемы *ы* в диалектах северного наречия. Во втором приложении на 31 таблице показаны парадигмы склонения различных частей речи, характерные для рассматриваемых диалектов. В третьем приложении включены девять образцов речи по разным диалектам.

Проведенное Л. Л. Карповой исследование дает комплексное представление о языковой системе северных диалектов удмуртского языка. Изучение северного языкового ареала позволяет оценить диалекты как сохранившуюся до настоящего времени в основных традиционных чертах языковую реальность и создает базу для дальнейшего теоретического осмысления проблем, связанных с основными закономерностями развития удмуртского диалектного языка в современных условиях. Иссле-

⁹ Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2018. 562 с.

¹⁰ Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: монография. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

дование северноудмуртской диалектной специфики имеет существенное значение для прогнозирования динамики развития удмуртских диалектов и удмуртского национального языка в целом.

Кроме монографий, автором опубликовано большое количество статей в ведущих российских и зарубежных рецензируемых изданиях и научных сборниках. Круг исследуемых в них проблем очень разнообразен. Много статей посвящено диалектологической проблематике. В нескольких из них рассматриваются общетеоретические вопросы: о соотношении удмуртского литературного языка и диалектов¹¹, о диалектном членении удмуртского языка¹², о синтаксических особенностях удмуртской разговорной речи¹³. В публикациях со всей скрупулезностью описаны языковые явления северноудмуртских диалектов (верхнечепецкого, среднечепецкого и нижнечепецкого) на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях и рассмотрены в сравнительной и ареальной проекции. Именно благодаря трудам Л. Л. Карповой северноудмуртские диалекты исследованы основательно, чего нельзя сказать о диалектах южного наречия и срединных говорах удмуртского языка, изученных крайне недостаточно. В этом большая заслуга Людмилы Леонидовны.

В статьях ученого также рассматриваются особенности языка письменных памятников¹⁴, особенности языка художественных произведений¹⁵, вопросы преподавания удмуртского языка¹⁶.

Следует отметить и коллективные исследования, в которых Людмила Леонидовна принимала самое активное участие. Совместно с лингвистами УИИЯЛ УрО РАН подготовлено и издано немало сборников, письменных памятников и других работ, в том числе сборник статей «Первой удмуртской грамматике 225 лет»¹⁷, первая книга шестого тома Собрания сочинений Г. Е. Верещагина под названием «Труды по языкознанию», включающая его опубликованные и рукописная грамматики удмуртского языка: «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» (Вятка, 1895), «Руководство к изучению вотского языка» (Ижевск, 1924) и «Удмурт грамматика: кыккылын – удмурт кылын, дзючкылын»¹⁸. Предисловие и комментарии к этим изданиям написаны Л. Л. Карповой (совместно с Л. Е. Кирилловой), ими же

¹¹ Карпова Л. Л. Удмурт литература кыл но вераськетъёс // Вордскем кыл. 2003. 11/12-тй №. 85–92-тй б.

¹² Карпова Л. Л. О диалектном членении удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. Ижевск, 2008. С. 865–868; Карта диалектного членения удмуртского языка // Удмуртия: историко-культурное наследие [Электронный ресурс]. Ижевск, 2012; О диалектном членении удмуртского языка // Удмуртия: историко-культурное наследие [Электронный ресурс]. Ижевск, 2012; Диалектное членение удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь. В 2 т. Т. 2 (П–Я). Ижевск, 2019. С. 986–990.

¹³ Карпова Л. Л. О некоторых синтаксических особенностях удмуртской народно-разговорной речи // Пермистика 18. Ижевск, 2020. С. 51–56.

¹⁴ Карпова Л. Л. Глагольная система в удмуртских грамматиках XVIII в. // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. статей. Ижевск, 2002. С. 159–164; Диалектные особенности грамматик Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей. Ижевск, 2004. С. 161–167; О диалектных особенностях рукописной грамматики М. Могилина // Третьи Флоровские чтения. Глазов, 2009. С. 124–129; Северноудмуртские диалектные особенности в первых переводных Евангелиях (на глазовском наречии) // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации): сб. материалов Всерос. науч. конф. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 436–443; Северноудмуртские диалектные особенности в грамматиках Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. статей. Ижевск, 2014. С. 73–79.

¹⁵ Карпова Л. Л. Отражение северноудмуртских диалектных особенностей в произведениях Кедр Митрея // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: материалы V Междунар. симпозиума. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. С. 113–122; Особенности родного говора в поэтических произведениях Кузубая Герда // Кузубай Герд и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск: Информ.-изд. центр «Бон Анца», 2008. С. 100–105.

¹⁶ Карпова Л. Л. О некоторых аспектах преподавания удмуртского языка на филологических факультетах УдГУ // Проблемы и перспективы функционирования родных языков: к 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 235–241; Этнокультурный компонент в преподавании удмуртского языка как иностранного в вузе // Историко-педагогический опыт и проблемы разработки учебно-методических изданий в Удмуртии на современном этапе: к 10-летию Науч.-исслед. ин-та нац. образования УР: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Ижевск: МарШак, 2007. С. 47–52; О формах и методах обучения родному языку в вузовском образовании // Обучение родному языку в полиязычном пространстве: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2010. С. 90–95.

¹⁷ Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. статей. Ижевск, 2002. 251 с.

¹⁸ Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6, кн. 1: Труды по языкознанию. Ижевск, 2002. 291 с. (Памятники культуры).

подготовлены к публикации тексты работ. Кроме того, подготовлены и опубликованы коллективные сборники, посвященные летописи института и вместе с этим достигнутым результатам лингвистов¹⁹.

Топонимические материалы, собранные Людмилой Леонидовной во время диалектологических экспедиций, послужили источником для написания статей по ономастике бассейна Средней Чепцы, в которых она рассматривает микропонимы, характеризующие природно-географические особенности местности и отражающие диалектные особенности говоров, дает лексико-семантическую характеристику названий географических объектов региона, анализирует онимы, употребляющиеся в топонимии бассейна средней Чепцы²⁰.

Ученый с большим уважением относится к своим предшественникам, учителям и коллегам. Ею написано немало статей, посвященных научному творчеству удмуртских лингвистов: П. Н. Перовщикова²¹, Т. И. Тепляшиной²², И. В. Тараканова²³, В. К. Кельмакова²⁴, М. Г. Атаманова²⁵, Л. Е. Кирилловой²⁶.

Л. Л. Карпова много сил приложила и к подготовке фундаментальных словарей. Она является одним из авторов-составителей и научных редакторов «Удмуртско-русского словаря» (2008), автором-составителем «Русско-удмуртского словаря» (2019) и «Орфографического словаря (с правилами правописания)» (2022)²⁷. С большим интересом работает она над пополнением Национального корпуса удмуртского языка.

Ведущим научным сотрудником Л. Л. Карповой опубликовано в общей сложности свыше 130 научных и научно-популярных работ по многим вопросам удмуртского языкознания. Ее исследования имеют большую научную и практическую ценность в вузовском и школьном преподавании. Они высоко оценены не только учеными, специалистами по удмуртскому и пермскому языкознанию, но и финно-угроведами.

Людмила Леонидовна – активный участник международных, всероссийских, региональных научных конференций и круглых столов. Ее выступления посвящены актуальным проблемам

¹⁹ УЯ 1975–2000 – Карпова Л. Л., Кириллова Л. Е. Удмуртское языкознание в 1975–2000 гг. // Институт: история и современность: сб. ст. Ижевск, 2001. С. 185–201; УЯ 2001–2005 – Душенкова Т. Р., Ившин Л. М., Карпова Л. Л., Кириллова Л. Е. Удмуртское языкознание в 2001–2005 гг. // Наука Удмуртии. 2006. № 2. С. 72–84; УИИЯЛ 85 лет – Кириллова Л. Е., Карпова Л. Л. и др. Удмуртское языкознание // Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН: 85 лет исследований. Ижевск, 2016. С. 133–169.

²⁰ Карпова Л. Л. Микропонимы среднечепецкого региона, отражающие природно-географические особенности местности // Пермистика [7]. Сыктывкар, 1999. С. 83–90; Лексико-семантическая характеристика микропонимов среднечепецкого региона: Пермистика 6. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. С. 49–72; Отражение диалектных особенностей в микропонимии Средней Чепцы // Пермистика 9. Ижевск: Удмуртский университет, 2002б. С. 216–223; Онимы в географических названиях бассейна средней Чепцы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 115–116.

²¹ Карпова Л. Л. Первый удмуртский доктор-лингвист // Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН: 85 лет исследований. Ижевск, 2016. С. 170–174; К столетию удмуртского языковеда П. Н. Перовщикова // *Linguistica Uralica*. Таллинн, 2000. № 3 (XXXVI). С. 217–219.

²² Карпова Л. Л. Т. И. Тепляшина как исследователь диалектов удмуртского языка // Пермистика X. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 41–49.

²³ Карпова Л. Л. Вопросы удмуртской диалектологии в трудах И. В. Тараканова // Пермистика XII. Ижевск, 2008. С. 17–22; Профессор И. В. Тараканов и удмуртское языкознание (к 85-летию со дня рождения) // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2014. Вып. 1. С. 9–14.

²⁴ Карпова Л. Л. Профессору В. К. Кельмакову – 70 лет // Кельмаков Валей Кельмакович: к 70-летию со дня рождения: Биобиблиографический указатель. Ижевск, 2012. С. 3–13. (Библиография ученых УдГУ); Юбилей профессора В. К. Кельмакова // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 2012. № 4 (XLVIII). С. 306–309; В. К. Кельмаков и развитие удмуртского языкознания // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: сб. статей. Ижевск, 2015. С. 17–25.

²⁵ Вопросы удмуртской диалектологии в трудах М. Г. Атаманова // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2015. Вып. 4. С. 29–37.

²⁶ Карпова Л. Л. Тайны топонимического звучания (к юбилею Л. Е. Кирилловой) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 4. С. 754–760; Карпова Л. Л. Юбилей Л. Е. Кирилловой // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 2021. Т. LVII. № 1. С. 73–75.

²⁷ УРС–2008 – Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.; Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55 000 слов / Отв. ред. Л. М. Ившин. Ижевск, 2019. 936 + 1016 с.; Удмурт кылын шонер гожьяськонъя кыллюкам (Шонер гожьяськонъя правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет / Кылкуптысь редакторез С. А. Максимов. Ижкар, 2022. 764 б.

пермского и финно-угорского языкознания и вызывают большой интерес. Оппонирование ею кандидатских и докторских диссертаций, рецензирование многих научных индивидуальных и коллективных трудов по удмуртской и финно-угорской лингвистике – это результат ее высокого авторитета как ведущего ученого.

Научную работу в институте она успешно сочетает с преподавательской деятельностью в Удмуртском государственном университете. В течение многих лет она читает лекции и проводит практические занятия для студентов факультета удмуртской филологии (с 2015 г. Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики – сокр. ИУФФУиЖ) по различным учебным дисциплинам, в частности: «Фонетика современного удмуртского языка», «Основы научно-исследовательской деятельности», «Общее языкознание», «Удмурт диалектология», для магистрантов – «Методология научных исследований в профессиональной сфере», «Филология в системе современного гуманитарного знания», «Современные проблемы языкознания». Ею разработаны оригинальные учебные программы для студентов вузов. В течение многих лет руководила диалектологической практикой студентов, под ее руководством студенты пишут свои курсовые и дипломные (выпускные квалификационные) работы, магистры выполняют магистерские исследовательские проекты. На протяжении нескольких лет вела практический курс «Удмуртский язык в межкультурной коммуникации» для студентов Института права, социального управления и безопасности УдГУ.

Ведущий научный сотрудник Института принимает активное участие в работе Республиканской термино-орфографической комиссии при Министерстве национальной политики Удмуртской Республики, является членом Межведомственного координационного совета по государственным языкам Удмуртской Республики при Министерстве национальной политики УР, членом Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Ведет работу по популяризации научных исследований, сотрудничает с республиканскими средствами массовой информации, образовательными и научно-просветительными учреждениями городов и районов Удмуртии. Как ученый пользуется уважением и авторитетом в коллективе, в республике, в научных кругах России и финно-угорского сообщества.

За заслуги в области науки и народного образования Л. Л. Карпова награждена Почетной грамотой Государственного комитета Удмуртской Республики по науке, высшему и среднему профессиональному образованию (2002), Почетной грамотой Госсовета Удмуртской Республики (2011), Почетной грамотой Удмуртского государственного университета (2012), Почетной грамотой Удмуртской Республики (2016), является Лауреатом Государственной премии Удмуртской Республики (2021), ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики» (2022), поощрена многими благодарственными письмами.

Желаем Людмиле Леонидовне крепкого здоровья на долгие годы, счастья, семейного благополучия, интересных творческих замыслов и успешного претворения их в жизнь, пусть Ваша любимая работа вдохновляет и радует Вас, пусть во всех делах Вам сопутствуют удача и успех!

Поступила в редакцию 29.05.2023

Кириллова Людмила Евгеньевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: kirlud@rambler.ru

L. J. Kirillova

INDEFATIGABLE RESEARCHER OF UDMURT DIALECTS

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-446-453

The article is devoted to the description of the creative activity of the famous Udmurt linguist, Doctor of Philology Lyudmila Leonidovna Karpova. Through the prism of biography the pages of her life path in becoming a scientist are revealed. There are several areas of scientific research in her works. In most of the scientist's works, the peculiarities of the dialect language of the northern Udmurts are considered. Much attention is paid to the characteristics of monographs in which a comprehensive study of phonetic, morphological, lexical and syntactic phenomena typical for the Upper, Middle and Lower Chepts dialects of the Udmurt language are carried out. There are also the areas of their dis-

tribution. The author was able to identify essential specific features of the dialect in question in comparison with other Udmurt dialects and literary language using synchronous-descriptive, comparative-historical and comparative methods. L. L. Karpova made a significant contribution to the compilation of dictionaries of the Udmurt language. A number of the scientist's works explore written monuments, toponymy, the language of works of fiction and other topics related to Udmurt linguistics.

Keywords: Finno-Ugric studies, Udmurt language, dialectology, northern Udmurt dialects, Udmurt language dictionaries, onomastics, written monuments, L. L. Karpova.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 446–453. In Russian.

Received 29.05.2023

Kirillova Lyudmila Jevgenyevna

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate
The Udmurt institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, Lomonosov st., Izhevsk, 426004, Russia
E-mail: kirlud@rambler.ru

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-454-456

В 2023 г Татьяна Григорьевна Владыкина отмечает свой 70-летний юбилей. Дни рождения являются очень индивидуальными поводами для празднования, но иногда эти частные моменты приобретают коллективную значимость. Это происходит, когда они служат причиной или предлогом к тому, чтобы рассмотреть жизненный и трудовой путь значимого человека с некоторого расстояния, и таким образом выявить вклад личности в развитие определенной области общественной жизни.

Именно такой случай с Татьяной Григорьевной. Будучи по регалиям главным фольклористом Удмуртии, имея авторитетное имя в международном научном пространстве, Т. Г. Владыкина прошла жизненный путь, по-

знакомиться с подробностями которого можно из различных источников (например, [Арзамазов, Глухова, Панина, 2018] или [Владыкина Татьяна Григорьевна: биобиблиогр. указ... 2018] и даже по-удмуртски [Владыкина 2003]). Здесь не хотелось бы повторять знакомые факты. Однако, хочу на основе известных биографических сведений поделиться информацией и своими размышлениями, которые позволили бы прийти к пониманию того, почему Татьяна Григорьевна являлась и остается столь важной фигурой для удмуртского сообщества.

Первое замечание: хотя Татьяна Григорьевна безусловно является удмурткой, она выросла в не совсем, или точнее в не исключительно традиционной удмуртской среде. Она жила в деревне, но поскольку родилась в учительской семье, приобщение к удмуртской народной культуре произошло не вполне естественным образом. Маленькая деревенская девочка, играя с куклами, не пела им народные колыбельные песни, а пытливо трепанировала игрушечный череп. Удмуртская культура, которая бытовала вокруг нее, с одной стороны, не была чужой, но в то же время не была совсем своей. Таким образом, она находилась в идеальной позиции чтобы стать посредником между двумя мирами, между двумя культурами – удмуртской народной и русской интеллектуальной, чьими языками она владела с детства.

В наших гуманитарных и общественных дисциплинах язык играет особенную, даже ключевую роль: не только как объект изучения, но и как средство передачи результатов наших работ. Не случайно, ученому, не владеющему научным языком как родным, трудно адекватно излагать свои выводы: их невозможно синтезировать в формулах, как это делают представители точных наук. Нашей задачей является не только передача фактов, но и их перевод, расшифровка и толкование. В наших исследовательских сферах научный язык должен быть не только точным, но и художественным – недостаточно сухо описывать наш материал, нужно придать ему живую форму. А это может стать непосильным требованием при использовании неродного языка. Этим можно объяснить, например, сложности при публикации своих трудов на международном уровне ученым не из англо-американской среды, или, если мы говорим о российском русскоязычном научном пространстве, учёным иной национальности. В том числе мне, когда я пишу эту статью...

К чему эти общие рассуждения? К тому, что они ведут к моему второму замечанию: Татьяна Григорьевна – человек, который владеет **словом** в самом глубоком смысле этого понятия. Мне нравится напоминать, что по-удмуртски одна простая лексема *кыл* означает и слово, и язык. Конечно, в российской традиции фольклористика является филологической наукой. Это значит умение понимать

текст (миротекст, по выражению Татьяны Григорьевны) до самой глубины. Это значит понимать не только описательную поверхность, но и символическую, философскую суть, ухватывать в обыденных явлениях связь с извечными принципами, а также всё то, что одно простое слово скрывает и в ширине, и в глубине, и по ассоциативности. И по-русски, и по-удмуртски, словесная чувствительность Татьяны Григорьевны удивительна. Она открыла мне мир двойных прилагательных выражений в удмуртском языке, когда одна лексическая единица не в состоянии передавать все нюансы моего мышления. У меня был подобный опыт с русским языком: несколько лет назад мы с коллегами издавали фильмы об удмуртских т. н. языческих молениях. Первый показ в Удмуртии показал, что русские субтитры не удовлетворяли эстетическим, поэтическим потребностям зрителей при обращении к Божествам. Это было недопустимо, потому что торжественность этого действия выражалась именно словесной красотой. Субтитры – это требовательный жанр, потому что они по сути синтетичны. Мы попросили помощи у Татьяны Григорьевны, которая элементарными средствами, например, просто меняя порядок слов, сумела преобразовать глубину восприятия текста удмуртских молитв. Слово, даже самое простое, открывает глубокие миры. В этом и состоит очарование фольклора.

Этому искусству Татьяна Григорьевна посвятила жизнь. Причем делала это различными способами: собирая фольклор на местах, систематизируя свои находки, облекая их в глубокие научные труды, которые открыли другим ученым новые просторы, передавая свои знания и размышления студентам и аспирантам, а также представляя сокровища удмуртского устного творчества в популярных изданиях. Не случайно она назвала коллекцию научно-популярных изданий «Зарни крезь» («Золотые гусли») – и даже в этих двух словах какая глубина значений в удмуртском языке!

Естественно, когда человек целую жизнь отдает одной отрасли, его знания накапливаются. Татьяна Григорьевна вошла в мир словесности сначала путем систематизации своего материала, иными словами, путем изучения различных жанров удмуртской словесности. Она собирала их посредством прямого общения с информантами, в ходе бесчисленных экспедиций по территории Удмуртии и в соседние регионы, где живут удмурты. Жанр безусловно определяет функцию и различные внешние показатели любого народного произведения. Работа над жанрами, однако, явилась лишь одной из возможных дверей, которая позволила войти в мир удмуртской словесности, чтобы овладеть им целиком. Такое обширное владение материалом дало возможность всесторонне понять удмуртское мировоззрение, отношение удмуртов к разным аспектам жизни и окружающей среды, вытекающее из того, что отдельные темы и сюжеты по разному трактовались в разных фольклорных жанрах. Это глубокое и широкое знание позволило Татьяне Григорьевне перейти к следующему этапу интерпретации удмуртской словесности: опираясь на трактовки разных тем, расшифровать детали удмуртского восприятия мира. Наилучшим образом это этническое мировосприятие получилось раскрыть через конкретные образы животных (гусь или пчела) или более абстрактные (звезды, луна, солнце, все явления вне человека).

Интерпретированные Татьяной Григорьевной лексемы отражают сегодняшнее состояние удмуртской фольклористики: все аспекты народной культуры входят в поле рассмотрения ученого – не только текст, но и понятия сакрального во всех жизненных ситуациях: календарные обряды, которые раскрывают понимание течения времени, заклинания для общения с сакральной сферой у посвященных в магию... С другой стороны, Татьяна Григорьевна обращается к началам и фольклорным истокам удмуртской художественной литературы: творчество Ашальчи Оки, настолько сплетенное с народной словесностью, особенно вдохновило ее.

В последние годы тема сновидений особо заинтересовала ее как мир наиболее загадочных повествований. Анализ сновидений раскрывает глубину народных представлений о мире, понимание причинно-следственных связей и охватывает самые важные аспекты жизни удмуртов, особенно во взаимоотношениях с потусторонним миром, столь центральным для представлений удмуртов...

Хотела бы закончить эти размышления предупреждением. Кто знает Татьяну Григорьевну лишь издалека, часто боится ее. Естественно, богатая совокупность индивидуальных знаний часто вызывает благоговение и осторожное почтение, тем более что ученый не боится использовать весь спектр самовыражения. Но эти опасения напрасны. Возможно, человеческая непосредственность непривычна и не всегда комфортна. Но страх влияет только на незнакомых людей. Я хочу подбодрить тех, кто искренно чем-то заинтересован: обращайтесь к Татьяне Григорьевне бодро и без сомнений! Все ученики и аспиранты Т. Г. Владыкиной знают, что ее непосредственность всегда доброжелательна, и ее советы исключительно направлены на поддержку. Молодые, ищущие свой путь, всегда найдут у нее добрые и полезные советы.

ЛИТЕРАТУРА

Арзамазов А. А., Глухова Г. А., Панина Т. И. Научные миротексты профессора Т. Г. Владыкиной // Ежегодник финно-угорских исследований, 2018, 12 (3). С. 191–197.

Владыкина Т. Г. Вакыт'эсты герзась / Т. Г. Владыкина; записала Г. Романова // Удмурт дунне. – 2003. – 5 дек. – С. 6, 11. URL: https://vorshud.unatlib.ru/index.php/Владыкина_Татьяна_Григорьевна. (Дата обращения: 01 августа 2023 г.)

Владыкина Татьяна Григорьевна: биобиблиогр. указ.: к 65-летию со дня рождения / сост. И. В. Никитина. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. – 96 с.

Поступила в редакцию 01.08.2023

Ева Тулуз

Доктор философии, профессор

Институт восточных языков и цивилизаций, INALCO, Париж

Научный сотрудник кафедры этнологии, Тартуский университет

75013, Франция, Париж, rue des Grands Moulins, 65

E-mail: evatoulouze@gmail.com

Eva Toulouze

LOW BOW TO TATIANA GRIGORYEVNA VLADYKINA

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-454-456

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 454–456. In Russian.

REFERENCES

Arzamazov A. A., Glukhova G. A., Panina T.I. Nauchnye mirotteksty professora T. G. Vladykinoi [Professor T. G. Vladykina's scientific world-texts] // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy, 2018, 12 (3). Pp. 191–197.

Vladykina T. G. Vakyt'esty gerzās' / T. G. Vladykina; zapisala G. Romanova // Udmurt dunne. - 2003. - 5 dek. – S. 6, 11. URL: https://vorshud.unatlib.ru/index.php/Vladykina_Tat'yana_Grigor'evna. (accessed: 1 August 2023).

Vladykina Tat'yana Grigor'evna: biobibliogr. ukaz.: k 65-letiyu so dnya rozhdeniya [Vladykina Tatiana Grigorievna: bio-bibliographic index: to the 65th anniversary of her birth]/ sost. I. V. Nikitina. – Izhevsk: Izdatel'skii tsentr «Udmurtskii universitet», 2018. – 96 p.

Received 01.08.2023

Eva Toulouze

Doctor of Philosophy, Professor of Finno-Ugristics, INALCO (Paris)

Researcher at the Department of Ethnology of Tartu University

65, rue des Grands Moulins, 75013, Paris, France

E-mail: evatoulouze@gmail.com